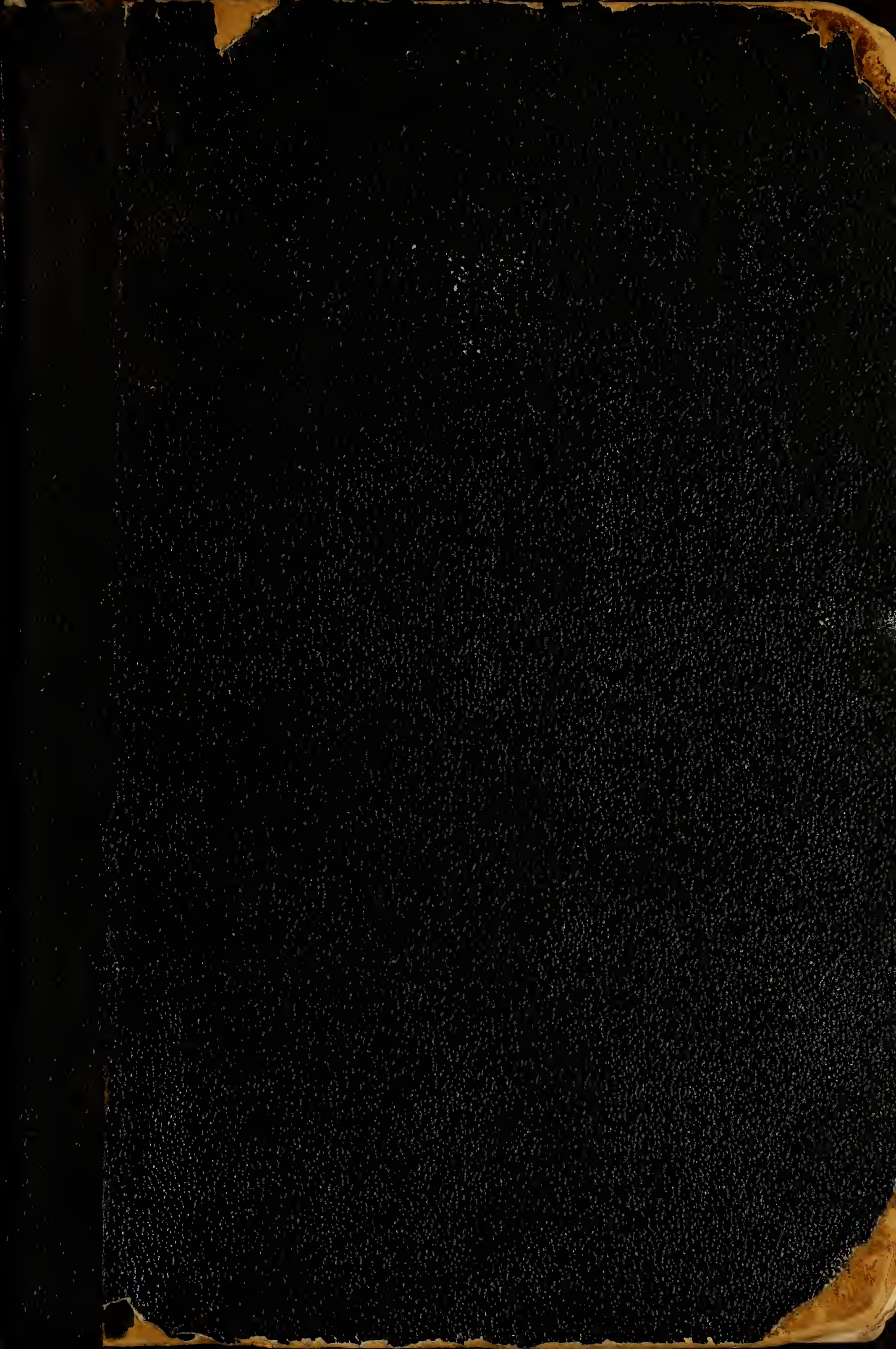
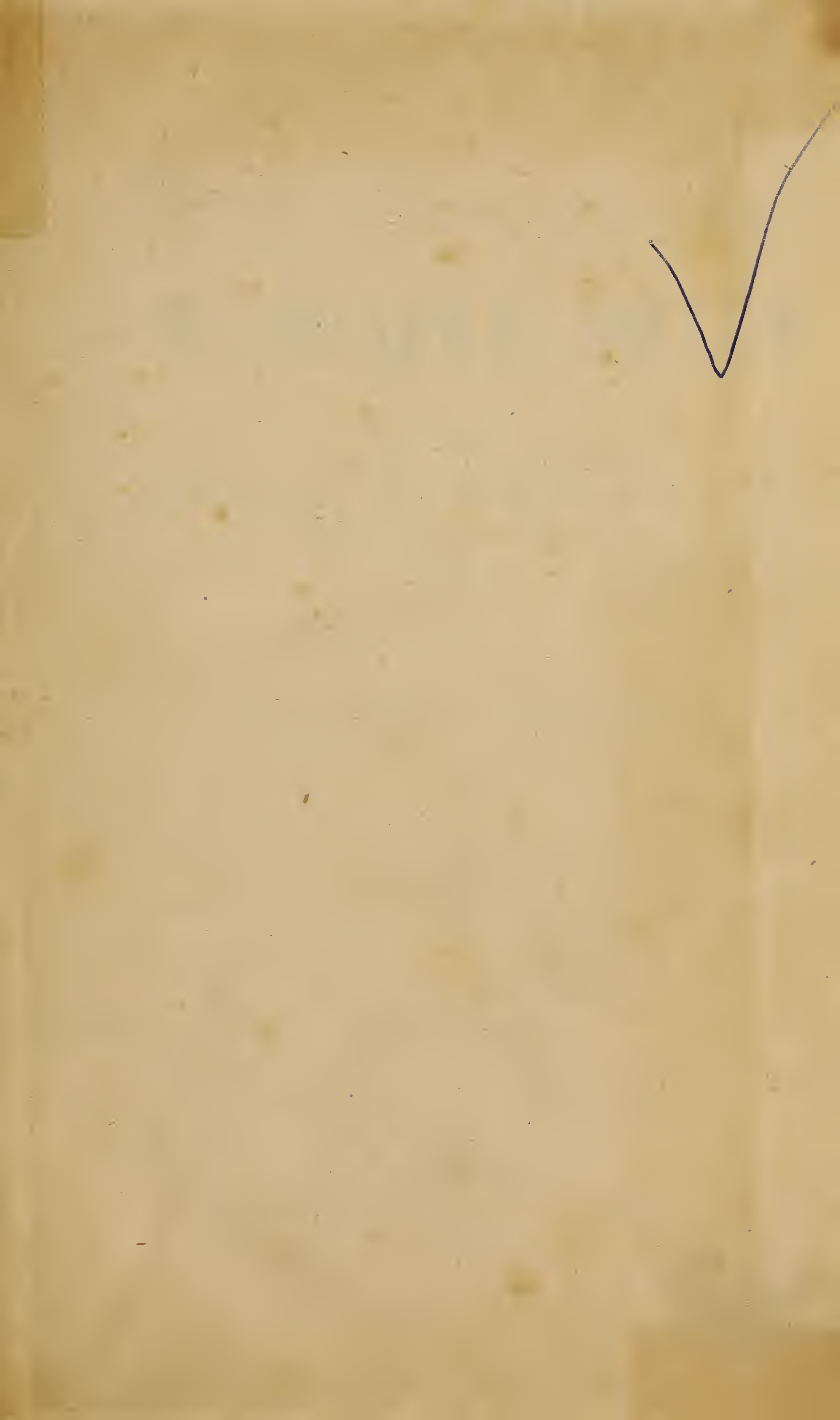

Ot potseluia k potseluiu

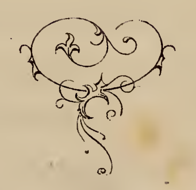
ОТЪ ПОЦѢЛУЯ КЪ ПОЦѢЛУЮ

РОМАНЪ

Sluchevskii, Konstantin Konstantinovich

Серафима Неженатаго, pseud.

С ъ приложеніемъ 12 рисунковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, д. № 53.

1872.

Читателямъ.

Странное заглавіе, безъ сомнѣнія, остановило на себѣ вниманіе щекотливаго читателя...

Но, просимъ успокоиться! Если мы и не желаемъ быть особенно скромны въ нашемъ разсказѣ, то мы, все-таки, будемъ въ высшей степени приличны и не оскорбимъ...

Мы настроены совершенно мирно. Крупные вопросы жизни, на осяхъ которыхъ вертится жизнь, останутся отъ насъ въ сторонѣ. Мы не намѣрены навязывать кому бы то ни было и какихъ бы то ни было убѣжденій. Если, порою, какъ бы невзначай, мы тронемъ ту или другую боль-

ную струнку нашего общества, — то это будетъ только для того, чтобы побренчать на ней,—занятіе, какъ видите, самое невинное.

Намъ и въ голову не приходитъ гордое намѣреніе собрать больные звуки жизни въ одно цѣлое, состряпать изъ нихъ торжественный маршъ, съ литаврами и барабанами, и вести подъ звуки этого марша въ аттаку на предразсудки, обычаи, нравы нашего общества, или на что-либо болѣе крупное, болѣе внушительное.

Нѣтъ, мы веселы и считаемъ скорбь потерею времени и наша цѣль — провести передъ глазами читателя простой и незатѣйливый рядъ картинъ.

Если, порою, кто-либо изъ нашихъ читателей подумаетъ узнать въ лицахъ, выведенныхъ нами, своихъ знакомыхъ, а, можетъ быть, и самого себя,—это будетъ только случай, слѣпой и ничѣмъ необъяснимый случай!

Если, и это будетъ чаще, читатель оскорбится тою или другою картиною и нравственное чувство его, помимо нашей воли, будетъ ущемлено, — просимъ снисхожденія. Вѣдь тѣ люди, повѣсть о которыхъ ущемитъ чувствительнаго читателя, они

ЗЕЛЕНАЯ БИБЛІОТЕКА

ТОМЪ I.

знакомые читателя! Передъ ними дверей не закрываютъ, общественный судъ щадитъ ихъ въ жизни; зачѣмъ-же осуждать повѣсть о нихъ? Это несправедливо!

Мы озаглавили наше повѣствованіе: «Отъ поцѣлуя къ поцѣлую», потому что этотъ физіолого-психическій процессъ будетъ служить аріадниной нитью разсказа.

Двигаясь отъ поцѣлуя къ поцѣлую, забавное путешествіе, не правда-ли? мы увидимъ разные, разные поцѣлуи...

Подъ обаяніемъ поцѣлуевъ нашихъ отцовъ и матерей рождались мы на свѣтъ; по одному изъ поэтическихъ народныхъ повѣрій—смерть зацѣловываетъ человѣка; цѣлуетъ ребенка счастливая мать; цѣлуютъ люди крестъ, давая присягу; цѣлуютъ лучи далекаго солнца землю; цѣловалъ Іуда Христа!

Какъ видите, лѣстница безконечная и просторъ необозримый!

Само собою разумѣется, что мы и не думаемъ исчерпать весь матеріалъ. Многіе, очень многіе виды поцѣлуевъ не будутъ даже и названы нами. Въ этомъ

случаѣ мы поступимъ сходно съ любымъ кругосвѣтнымъ путешественникомъ. Путешественникъ видитъ на самомъ дѣлѣ не весь свѣтъ, а только то, что лежитъ на линіи его пути: одну только тоненькую черту, протянувшуюся еле-замѣтнымъ волоскомъ по широкому, безконечному свѣту!

Наша цѣль: чтобы читатель не скучалъ; чтобы онъ отдохнулъ, слегка подумалъ, слегка посмѣялся,—вотъ чего мы желаемъ отъ него.

Послѣ отдыха, раздумья и улыбки, легче будетъ приняться и за дѣльную работу.

С. Н..

Глава I.

Въ домѣ Надриковыхъ большое смятеніе...

Послѣ десятилѣтнихъ ожиданій, послѣ достиженія гражданской давности бездѣтности въ бракѣ, у папаши и мамаши Надриковыхъ — родился сынъ.

Такъ какъ у насъ, въ Россіи, законъ о десятилѣтней давности, имѣющій значеніе во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, не имѣетъ примѣненія къ бездѣтности въ бракѣ, и такъ какъ вновь рожденный младенецъ мужескаго пола—Вассъ Оровичъ, былъ записанъ въ церковную книгу подъ именемъ „законнорожденнаго",—то изъ этого можно заключить, что производство дѣтей на свѣтъ въ нашемъ государствѣ — относится къ числу дѣлъ не гражданскихъ, а уголовныхъ. Для уголовныхъ дѣлъ, какъ извѣстно, давности не существуетъ.

Смятеніе въ домѣ было, по истинѣ, великое.

Акушеръ и бабушка объявили, что мать должна непремѣнно умереть; что ребенокъ здоровъ и будетъ жить.

Бѣготня людей, постукиваніе всякихъ склянокъ, банокъ и другихъ сосудовъ, взъерошенность всего домашняго обихода: нѣсколько пеленокъ на столѣ въ гостинной, открытый настежъ буфетъ, изъ котораго выглядывала богатая массивная фарфоровая посуда и серебро; два-три образа, вынутыхъ изъ божницы и положенныхъ, до употребленія, на фортепіано, — все это составляло картину весьма и весьма своеобразную.

Своеобразность эта бросалась въ глаза еще больше ближайшимъ роднымъ роженицы и ея мужа, которые то и дѣло входили въ дверь прихожей, нарочно открытую, чтобы не приходилось звонить, и освѣдомлялись о здоровьѣ.

Родные эти привыкли къ величайшему порядку въ домѣ Надриковыхъ, домѣ весьма состоятельномъ и совершенно порядочномъ. Опытные и никогда не дремавшіе глаза хозяйки давали себя обыкновенно чувствовать во всемъ, и этимъ-то глазамъ суждено было закрыться на вѣки.

У изголовья роженицы, безмолвный и неподвижный, сидѣлъ Оръ Надриковъ, отставной бригадиръ, опечаленный мужъ и отецъ.

Въ комнатѣ было тихо и почти темно, и то, весьма малое, количество свѣта, которое пробивалось за драпировку кровати, еле-еле обозначало вытянутыя и слегка покоробленныя черты лица матери...

Бригадиръ не плакалъ...

Замѣтивъ тихое движеніе правой руки жены своей, онъ взялъ эту руку, и, слегка пожавъ, продолжалъ держать и молчалъ по прежнему.

Ударъ, постигавшій его, былъ весьма силенъ. Въ пе-

стротѣ и неясности мыслей бригадира, могъ онъ отдать себѣ отчетъ только въ двухъ вещахъ: одна — что жена его отходитъ, другая—что, вотъ эта головка, которая виднѣется въ сторонѣ,—головка маленькаго „убійцы“ жены.

Бригадиръ положительно избѣгалъ смотрѣть на эту головку.

Какъ человѣкъ богобоязненный, онъ старался заглушить въ себѣ это новое, но неумолчно пробивавшееся чувство, казавшееся ему преступнымъ, и ожидалъ прибытія чудотворной иконы, за которою онъ давно уже послалъ. Отъ поры до времени онъ пожималъ руку жены своей, остававшуюся совершенно холодною и безжизненною.

— Глянь-ка, Ѳедоровна, проговорилъ онъ, обращаясь къ старушкѣ ключницѣ, только что подошедшей:—везутъ ли икону?

Ѳедоровна, ковыляя и побрякивая ключами у пояса, вышла въ сосѣднюю комнату и вернулась сообщить, что иконы еще не везутъ.

— Отведи маленько штору-то, дай свѣту побольше.

Ѳедоровна отогнула одинъ изъ угловъ зеленой шторы и яркій солнечный свѣтъ заигралъ по всѣмъ свѣтлымъ и металлическимъ предметамъ комнаты. Легли легкія звѣздочки свѣта по богатымъ, стариннымъ ризамъ иконъ божницы; взглянула со стѣны старушка-бабушка умиравшей, писанная масляными красками рукою Левицкаго, въ бѣломъ, высокомъ чепцѣ; блеснули хрустальныя и серебряныя вещицы у зеркала...

Освѣтилось и лицо умиравшей.

Не выдержалъ бригадиръ! проступило передъ нимъ это ли-

цо, проступило, будто бабушка въ бѣломъ чепцѣ, изъ своего прошедшаго—и крупныя слезы покатились по щекамъ его.

Тѣмъ временемъ, отъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ отъѣхала четырехмѣстная, извощичья карета.

Священникъ и діаконъ церкви сидѣли въ ней, держа передъ собою, на колѣняхъ, чудотворную икону Божіей Матери, всю осыпанную каменьями. Оба они были въ полномъ облаченіи. Передъ ними сидѣлъ дьячекъ и держалъ зажженную свѣчу.

Карета тронулась и встрѣчавшійся ей народъ останавливался съ любопытствомъ. Многіе ломали шапки.

Карета подъѣхала къ дому Надриковыхъ.

Когда Өедоровна дала знать бригадиру, что икону привезли и ей, какъ высокой гостьѣ, отворили обѣ половины дверей спальни, бригадиръ точно очнулся. Онъ всталъ, отодвинулъ люльку, преграждавшую ему дорогу, и пошелъ на встрѣчу иконѣ.

Икона опередила его и была въ комнатѣ раньше, чѣмъ онъ переступилъ порогъ.

Вся залитая брилліантами и самоцвѣтными каменьями, довольствовавшимися, чтобы сіять, и тѣмъ скуднымъ свѣтомъ, который шелъ въ комнату изъ-подъ приподнятой зеленой шторы, икона, въ отуманенныхъ глазахъ бригадира, такъ и засверкала.

Молча и неожиданно опустился онъ передъ нею на колѣни и положилъ земной поклонъ. Священнику и діакону, несшимъ икону, пришлось остановиться.

Послѣ безмолвнаго поклона бригадиръ всталъ, энергически расправилъ усы, въ которые закатились слезы, и отошелъ въ сторону.

Начался молебенъ и кончился. Икону поднесли къ губамъ умиравшей. Роженица рѣшительно не почувствовала ея приближенія и лежала неподвижно.

Когда икона удалилась и докторъ, ощупавъ пульсъ умиравшей, объявилъ, что она съ минуты на минуту должна кончиться, бригадиръ подошелъ къ люлькѣ, взялъ изъ нее ребенка и поднесъ его къ матери.

Едва только коснулось губъ ея теплое и пухлое личико сына, она открыла глаза и уставила ихъ на него. Она смотрѣла, какъ бы припоминая что-то, какъ бы собирая рѣявшія передъ ея угасавшимъ взглядомъ неясныя и, даже, незнакомыя ей черты, въ одинъ опредѣленный и ясный обликъ. Видимо было, что это стоило ей чрезмѣрныхъ усилій. Понявъ это, отецъ чуть-чуть отодвинулъ лицо ребенка отъ лица матери.

Это движеніе было, какъ-будто, понято ею. Она улыбнулась и сложила губы, желая поцаловать сына. Сына опять приблизили.

Раздался чуть-чуть слышный, въ тишинѣ комнаты, поцѣлуй... Потомъ,—были-ли это судороги, или доконченное судорогою добровольное движеніе глазъ, но умиравшая медленно подняла ихъ отъ ребенка на мужа, и такъ они и остались поднятыми... Ихъ закрыли другіе, самой не хватило силъ.

Бригадиръ очутился вдовцомъ, а ребенокъ сиротою.

Глава II.

Трудно не согласиться съ тѣмъ, что первый поцѣлуй, о которомъ мы говорили, былъ крайне нравственнымъ поцѣлуемъ?

Для насъ, изъ всего того, что было сказано, весьма важны двѣ вещи: первая, что только-что родившійся Вассъ Оровичъ Надриковъ, непосредственно за своимъ появленіемъ на свѣтъ, остался сиротою; а во-вторыхъ, то чувство, съ которымъ встрѣтилъ появленіе на свѣтъ своего сына отецъ, — чувство недовольства, чтобы не сказать больше, маленькимъ „убійцею“.

Ну какой-же онъ былъ убійца, посудите сами?

Но дѣло въ томъ, что никогда, никогда, не смотрѣлъ на него отецъ ласково и въ теченіе двадцати, безъ малаго, лѣтъ, считая отъ 1840 года, когда умерла бригадирша, до 1860 года, когда умеръ и бригадиръ,

Вассъ не слыхалъ отъ отца теплаго слова, не принялъ отъ него ни одного поцѣлуя.

Единственный родительскій поцѣлуй, почившій на немъ, былъ поцѣлуй матери, въ минуту ея смерти. Вассъ зналъ объ этомъ поцѣлуѣ со словъ Ѳедоровны и память матери являлась для него, съ самаго ранняго возраста, чѣмъ-то до такой степени святымъ, необъяснимо-очаровательнымъ, что покрывала собою, всегда и вездѣ, всѣ остальныя привязанности и страсти.

Безплотная и безформенная любовь эта къ незнакомой ему матери, была для него живѣе живыхъ существъ и являлась теплившимся свѣтильникомъ въ самыя темныя, безотрадныя минуты жизни; она свѣтила своимъ кроткимъ, поэтическимъ свѣтомъ тамъ, гдѣ переставалъ работать недалекій умъ Васса, тамъ, гдѣ сбивали, обманывали, огорчали, оскорбляли его.

А это бывало часто, потому что умъ у него былъ дѣйствительно не далекій, не бойкій.

Холодность отца еще больше развила въ Вассѣ прирожденную робость.

Легко сказать: двадцать лѣтъ холодности отца, холодности безпричинной, безапеляціонной! Бригадиръ и безъ того не принадлежалъ къ числу людей нѣжныхъ, общительныхъ и привѣтливыхъ, а съ „убійцею" (такъ называлъ онъ Васса по прежнему, не вслухъ, но про себя, когда только приходилось ему по той или другой причинѣ думать о сынѣ), — былъ онъ и того хуже.

Сначала, попеченіями ключницы Ѳедоровны; потомъ стараніями четырехъ гувернантокъ, замѣнившихъ одна

другую; потомъ заботами учителя, приготовившаго Васса въ гимназію; затѣмъ шестилѣтнимъ пребываніемъ въ гимназіи, — мальчикъ былъ доразвитъ до юноши и поступилъ въ Петербургскій университетъ; черезъ четыре года былъ онъ на выпускѣ.

Это было въ 1859 году.

По субботамъ въ домѣ бригадира собирались гости.

Въ гостинной бригадира стояли стулья и кресла, перешедшіе къ нему отъ отца, и, слѣдовательно, отличавшіеся прямыми, крайне неудобными, спинками и жесткостью сидѣній. Они были обиты шелковою пунцовою матеріею, покрытою тѣми рисунками листьевъ и цвѣтовъ, которые встрѣчаются иногда еще и въ наши дни, на ризахъ провинціальныхъ священниковъ, крупные и безобразные.

Довольно пестрое общество сидѣло въ гостинной. Шелъ вялый разговоръ на разныя темы.

Длинный рядъ комнатъ, устланныхъ коврами, сіялъ множествомъ свѣчей и лампъ. Огней было гораздо больше, чѣмъ гостей.

Собраніе, какъ и всегда у бригадира, было скучно и въ эту субботу.

Обратились къ разсказыванію анекдотовъ, что, какъ извѣстно, составляетъ очень скверный признакъ.

Вассъ, двадцатилѣтній студентъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ углу, поодаль отъ всѣхъ.

Юноша былъ не дуренъ собою и сильно напоминалъ покойную мать. Голубые, спокойные глаза его переходили съ предмета на предметъ осторожно, какъ бы съ выдержкою; бѣлая кожа лица его, съ яркимъ ру-

мянцемъ на щекахъ, отличалась замѣчательною прозрачностью и чувствительностью. Малѣйшая царапина или ссадина немедленно прикидывались чѣмъ-нибудь, и немного бы ошибся тотъ, кто бы сказалъ, что Вассъ полнымъ здоровьемъ не отличался. Тѣмъ не менѣе юноша, какъ сказано, былъ не дуренъ собою и находился въ той порѣ, когда начинаютъ впервые загораться передовыя искры любви и начинаетъ чувствоваться значеніе женщины.

Вассъ, дѣйствительно, почуялъ женщину. Но, опоздавъ въ любви, какъ и во многомъ другомъ въ жизни, онъ сталъ испытывать первые приливы этого чувства только на двадцатомъ году. Мечтанія его групировались на высокихъ плечахъ и зелено-синихъ глазахъ тетушки.

Тетушка эта, такъ называлъ ее Вассъ, была, откровенно говоря, не тетушкою, а дальнею родственницею, жившею у нихъ въ домѣ, со смерти старушки Ѳедоровны, послѣдовавшей къ предкамъ лѣтъ 5 послѣ бригадирши; она исправляла роль не то ключницы, не то хозяйки дома.

Это была сантиментальная дѣвица, проглотившая, по пяти и болѣе разъ, каждую изъ повѣстей Марлинскаго, Лермонтова и поэмы Байрона. У нея въ коммодѣ было нѣсколько альбомовъ, исписанныхъ стихами, съ засушенными цвѣтами и нѣсколькими обращиками чьихъ-то волосъ. Въ этихъ альбомахъ были и картинки съ изображеніями амурчиковъ, гробницъ, плакучихъ ивъ и березъ надъ неизвѣстными вензелями; были и чьи-то черные силуэтики.

Рослая и плотная, съ замѣчательно богатыми темно-русыми волосами, тетушка могла считаться одною изъ красивѣйшихъ особъ, бывавшихъ въ домѣ Надриковыхъ, и она-то послужила первою мишенью мечтаніямъ Васса и, на сколько можно было судить, замѣтила это, и не то, чтобы очень противилась.

Замѣтилъ это и бригадиръ. Дня за два до описываемой нами субботы, между нимъ и тетушкою происходилъ очень знаменательный разговоръ.

Послѣ обѣда, когда уже значительно стемнѣло и Вассъ ушелъ въ свою комнату работать, отецъ его и тетушка усѣлись, по обыкновенію, пить кофе въ полумракѣ гостинной.

Они всегда садились такимъ образомъ въ полумракѣ гостинной. Вассъ тоже всегда уходилъ въ это время въ свою комнату; прислугѣ въ это время, тоже, разъ на всегда, приказано было не входить и не мѣшать барину.

Она и не мѣшала.

— Я вамъ пріискалъ квартиру, началъ бригадиръ тетушкѣ, кладя ногу на ногу и усаживаясь въ уголъ дивана; немножко дорога, это правда: но я все таки возьму ее.

— Но я совсѣмъ не желаю оставлять вашъ домъ, я…

— На отдѣлку квартиры пойдетъ мѣсяцъ, продолжалъ бригадиръ, не слушая тетушки: — потомъ постановка мебели, обойщикъ — еще мѣсяцъ… Къ веснѣ вы переѣдете.

— Но за чѣмъ же это все? Вѣдь жила-же я у васъ долгіе годы… вѣдь я привыкла къ дому, какъ къ своему родному…

— Неужели-же вы меня не понимаете, возразилъ бригадиръ съ нетерпѣніемъ: — у меня сынъ — молодой человѣкъ, а вы — вы еще не старая женщина.

— Какъ! это вы Васса боитесь?! воскликнула тетушка, какъ бы пораженная неожиданностью, и, не найдя лучшаго отвѣта, отчасти сконфузившись, почла своею обязанностью засмѣяться.

— Видите-ли, перебилъ ее бригадиръ: — я и раньше еще думалъ о вашемъ перемѣщеніи.

— Еще раньше?!

— Да. Мнѣ попался подъ руки одинъ изъ вашихъ альбомовъ. Я хотѣлъ и вовсе разстаться съ вами, — но, я привыкъ, а для меня привычка вторая натура. Я не могу безъ васъ. Да и въ Бога я вѣрую.

Бригадиръ, называя свою привычку второю натурою, могъ совершенно основательно прибавить, что его привычка должна была быть натурою и для другихъ.

Тетушка знала это очень хорошо, и тотъ субботній вечеръ, на который пригласили мы читателя, долженъ былъ объяснить ей и привести въ исполненіе одинъ изъ давно задуманныхъ плановъ.

Повѣдаемъ теперь о томъ, что случилось.

Пользуясь временнымъ, неожиданнымъ оживленіемъ разговора въ гостинной, Вассъ вышелъ изъ своего угла, съ тѣмъ, чтобы направиться въ столовую. Тамъ, по его разсчету, тетушка должна была разливать чай.

Пройдя сосѣднюю съ гостинной залу и вступивъ въ третью комнату, Вассъ остановился.

Тишина, почему-то случайно наставшая въ гостинной, дала ему возможность услышать подлѣ себя шопотъ...

Шептались въ двухъ шагахъ отъ него, и какое-то новое, доселѣ незнакомое Вассу, чувство заговорило въ немъ.

Онъ слушалъ.

Шопотъ не только не унимался, но становился яснѣе. Это былъ не простой шопотъ двухъ переговаривавшихся людей, — это былъ шопотъ страсти, весьма близкій къ тому, чтобъ стать разговоромъ.

Вассъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

Онъ услышалъ шорохъ платья, кто-то, кому-то сопротивлялся; прозвучалъ поцѣлуй и, непосредственно вслѣдъ за этимъ, брякнула объ полъ офицерская сабля.

Кровь ударила въ голову Васса, въ глазахъ потемнѣло, въ ушахъ звѣнѣлъ только-что слышанный поцѣлуй... Вассъ сдѣлалъ два шага впередъ и миновалъ дверь.

На диванѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла тетушка, положивъ на столъ ключи, а подлѣ нея, закручивая усы, сидѣлъ кирасиръ, въ толстыхъ эполетахъ, одинъ изъ гостей, и почти однолѣтокъ и другъ хозяина дома, мужчина лѣтъ пятидесяти.

На какомъ мѣстѣ разговоровъ, имѣвшихъ мѣсто въ гостинной, исчезъ кирасиръ изъ общества, Вассъ, занятый мыслью о тетушкѣ, рѣшительно не замѣтилъ.

— Что, кончили тамъ говорить? спросила тетушка Васса.

— Кончили, отвѣтилъ Вассъ немедленно и нисколько не задумываясь.

— Ну, теперь мнѣ пора пойти чай разливать, сказала она, обращаясь къ кирасиру:—Вассъ Оровичъ побудетъ съ вами вмѣсто меня.

Тетушка вышла и Вассъ, повинуясь приглашенію тетушки, сѣлъ подлѣ кирасира на стулъ; на диванъ онъ сѣсть не хотѣлъ, и уставился глазами на каску, стоявшую передъ нимъ на столѣ.

— О чемъ-же я съ нимъ заговорю, подумалъ Вассъ.

Кирасиръ сильно крякнулъ.

— Развѣ о тетушкѣ? продолжалъ думать Вассъ.

Кирасиръ поднялся съ дивана, расправилъ передъ зеркаломъ усы, подобралъ саблю и, забравъ со стола каску и перчатки, медленно направился въ залу.

Вассъ невольно прослѣдилъ его глазами.

Онъ все еще не могъ собрать своихъ мыслей. Поцѣлуй звучалъ у него въ ушахъ и уши эти какъ-будто заболѣли у него. Точно сильнымъ морозомъ схватило ихъ; онъ даже потеръ уши руками, такъ осязательно подѣйствовалъ на него неожиданный звукъ и такъ помутилъ онъ въ немъ всякое соображеніе.

Глава III.

Прошло десять лѣтъ.

Вассъ изъ студента обратился въ коллежскаго ассесора. Папаша его, бригадиръ, умеръ; самъ Вассъ сталъ папашей, женившись, — странное стеченіе обстоятельствъ?!—на дочери того самаго кирасира, который такъ рѣзко подѣйствовалъ на его уши своимъ поцѣлуемъ.

Вассъ Оровичъ былъ чиновникомъ, т. е. принадлежалъ не только себѣ, но и канцеляріи.

Кто же не знаетъ, что канцелярія — это четвертое царство природы, царство своеобразное и торжество творческой силы человѣка! Оно не уступаетъ древностью третичнымъ, т. е. наноснымъ, формаціямъ геологовъ, потому что формацій этихъ еще не было, когда извѣстія о первомъ потопѣ были уже и пронумерованы, и прошну-

рованы въ канцелярскихъ книгахъ древняго Китая. Царство канцелярій живетъ, какъ извѣстно, вопреки общимъ законамъ природы и пополняется безъ участія женскаго элемента. На мѣсто отбывшаго надворнаго совѣтника, самъ собою является другой надворный совѣтникъ, а обязанности бабушекъ и мамокъ въ этомъ случаѣ, отличнѣйшимъ образомъ исполняютъ начальники инспекторскихъ отдѣленій со своими столоначальниками.

Въ которомъ изъ уголковъ этого обширнаго царства обрѣтался Вассъ Оровичъ, это—собственно говоря, все равно. Скажемъ только, что ему, отъ рожденія любившему зоологію, очень часто приходилось имѣть дѣло съ изображеніями всякихъ нужныхъ и ненужныхъ звѣрей. Волки, грифы, лисицы, орлы, львы, драконы, и, рядомъ съ ними: сѣкиры, шлемы, палицы, звѣзды, башни,—вотъ тѣ очертанія, съ которыми, по долгу службы, Вассу приходилось встрѣчаться чаще всего.

Онъ изучилъ ихъ добросовѣстно.

Они даже и во снѣ, особенно при головныхъ боляхъ, часто посѣщавшихъ Васса, слетались къ нему Богъ вѣсть откуда и наклевывали клювами и нахлестывали хвостами самыя странныя и непонятныя вещи.

— Вассъ Оровичъ... послушай, Вассъ Оровичъ, говорилъ ему одинъ изъ толстыхъ княжескихъ грифовъ, толкая его крыломъ.

Было далеко за полночь въ это время. Вассъ спалъ сномъ праведника. Потревоженный княжескимъ грифомъ, онъ поворачивается на другой бокъ и думаетъ заснуть на этомъ боку.

— Послушай же, когда тебѣ говорятъ, продолжаетъ

подскочившая къ нему лисица, и, проскользнувъ у самой ноги, убѣгаетъ.

Вассъ поворачивается вторично на тотъ бокъ, на которомъ прежде лежалъ.

— Да послушай-же... глухой! говоритъ ястребъ и дергаетъ за плечо.

Только теперь сообразилъ, окончательно проснувшійся, Вассъ Оровичъ, что это говорятъ съ нимъ не княжескій грифъ, не лисица, не ястребъ, а его собственная жена.

Была, должно быть, важная причина, если дрожайшая супруга разбудила своего мужа сама. Дѣло тотчасъ-же объяснилось.

— Что тебѣ? проговорилъ Вассъ Оровичъ, сильно зѣвая и потягиваясь къ спичкамъ, чтобы зажечь свѣчу.

— Я хотѣла у тебя спросить: купилъ-ли ты Мишенькѣ лекарство. Онъ что-то кричитъ. Надо пойти.

Мать никогда не ходила въ этихъ случаяхъ и посылала къ сыну отца. Вспыхнувшая въ это время спичка озарила спальню синеватымъ полусвѣтомъ и оба супруга различили одинъ другаго. Оба были въ бѣломъ.

— Нѣтъ, не купилъ, забылъ, отвѣтилъ Вассъ, зажигая свѣчу.

— Вотъ я это и знала. Ну ужъ вниманіе. Лучше было попросить Викентія Ѳедоровича. Онъ вызывался купить и купилъ бы.

При этихъ словахъ Васса Оровича покоробило.

Викентій Ѳедоровичъ — это былъ двоюродный братъ жены, офицеръ. Съ офицерами какъ-то не везло Вассу. Офицеры, какъ фатумъ какой-то, преслѣдовали его. Офи-

церъ разрушилъ его первыя юношескія грезы о тетушкѣ, теперь уже давно умершей, офицеръ былъ двоюроднымъ братомъ его жены и вызывался принести ей даже лекарство для ребенка.

— Кто знаетъ, невольно подумалъ Вассъ: — можетъ быть, и сынъ мой будетъ офицеромъ, да и меня, пожалуй, сдѣлаютъ. Ныньче время стало опять военнымъ.

— Вотъ я завтра непремѣнно напишу Викентію Ѳедоровичу; пускай пріѣдетъ и коммисію исполнитъ, говорила жена: — непремѣнно напишу.

Какими-то болѣзненными, томительными звуками сказались слова эти ушамъ Васса Оровича. Особенно печально звучали они въ виду всей нецензурной обстановки спальни. Сѣрный запахъ спички, еще не разошедшійся по воздуху, подѣйствовалъ на Васса и онъ чихнулъ.

— На здоровье, сказала жена.

— Спасибо, отвѣтилъ Вассъ Оровичъ и протянулъ руки за халатомъ, постоянно висѣвшимъ подлѣ кровати на стулѣ; на этотъ разъ халата на стулѣ не оказалось: онъ остался лежать на диванѣ. Вассъ Оровичъ поднялся и пошелъ... Госпожа Надрикова не могла удержаться отъ улыбки. Въ этой улыбкѣ былъ цѣлый смертный приговоръ.

— Пойду взглянуть на ребенка, сказалъ Вассъ, натягивая пойманный имъ халатъ и одѣвая ермолку.

Скоро вслѣдъ за этимъ раздалось по сосѣдней залѣ шлепанье туфлей его; онъ направился къ дѣтской.

Какая-то удивительная, наивная кротость была въ этихъ звукахъ, раздавшихся въ тишинѣ ночи и замер-

шихъ въ отдаленіи. Что-то неминуемо идиллическое было присуще этому ночному шествію отца, въ ермолкѣ и халатѣ, къ плачущему сыну; въ этой матери—женѣ, оставшейся лежать подъ обаяніемъ улыбки, начавшейся на одномъ и продолжавшейся на другомъ мышленіи, далеко не похожемъ на первое.

Не трудно опредѣлить, вслѣдствіе какого психологическаго процесса звуки шлепанья туфлей мужа по залѣ вызвали въ памяти жены воспоминаніе о другихъ звукахъ, а именно о томъ, какъ раздается по той-же залѣ походка Викентія Ѳедоровича, увѣренная, четкая, со звяканьемъ шпоръ. Вассъ въ ермолкѣ и туфляхъ и Викентій Ѳедоровичъ въ мундирѣ и со шпорами. Да, вѣдь, этого и сравнивать нельзя?!

Собственно говоря, сравненіе обѣихъ личностей, одной— олицетворявшейся туфлями, другой—шпорами, при здравомъ обсужденіи вопроса, должно бы было выпасть совершенно не въ пользу Викентія Ѳедоровича. Вассъ былъ и умнѣе, и даже красивѣе Викентія, но, — Вассъ — это туфли, Викентій Ѳедоровичъ—это шпоры. Тутъ и спору быть не могло.

Надо, однако, отдать справедливость женѣ Васса Оровича, что, какъ въ ту минуту, о которой мы говоримъ, такъ и во многія другія минуты, она была на столько добросовѣстна, что допускала еще въ мысляхъ сравненіе обѣихъ личностей. Вина не ея, что это сравненіе кончалось всегда въ пользу Викентія, но важно уже и то, что она сравнивала. Другія на ея мѣстѣ, если и сравниваютъ и проводятъ въ мысляхъ всякія параллели, такъ это между тѣмъ, другимъ и третьимъ, но никакъ не

между кѣмъ-либо и мужемъ. Справедливость прежде всего и мы не можемъ отказать въ ней женѣ Васса.

Не успѣли замолкнуть звуки туфлей, какъ мечты госпожи Надриковой унесли ее уже очень далеко...

...Ей грезился лѣтній вечеръ и Павловскій паркъ, и именно то мѣсто его, гдѣ чья-то счастливая мысль поставила бронзоваго, стрѣлоногаго Аполлона, въ обществѣ музъ. Хотя музъ въ дѣйствительности было девять, но въ этомъ мѣстѣ Павловскаго парка удобнѣе оказалось поставить ихъ двѣнадцать. Такъ ужъ это пришлось по числу расходящихся отъ Аполлона дорожекъ. Есть между музами, кромѣ Аполлона, и еще одинъ мужчина.

Само собою разумѣется, что мечтанія Надриковой объ Аполлонѣ и музахъ складывались отнюдь не въ археологическую форму, а въ другую, гораздо болѣе привѣтливую.

Грезилось ей прошлогоднее лѣто...

Тихій и влажный вечеръ забѣжалъ и легъ подъ густыми и сочными деревьями Павловскаго оврага. Легкая голубоватая дымка тумана поднялась надъ сонною водою прудовъ и глядѣли сквозь нее широкіе листья кувшинчиковъ и острыя шпаги тростниковъ и хвощей... И небо было голубое, съ темноватымъ отливомъ и яркимъ малиновымъ наметомъ на западѣ.

Какой это былъ удивительный, очаровательный вечеръ! Какъ бережно качалъ вѣтерокъ низкія, грузныя вѣтьви елей, тревожа тѣни, сбѣжавшіяся подъ нихъ, чтобъ уснуть, и мѣшалъ имъ спать; какъ вкрадчиво и хитро смотрѣли полутемныя музы, окруживъ Аполлона, а онъ, одинокій и хвастливый, выступалъ своими длинными бронзовыми ногами...

Вспомнила Надрикова, какъ мелькнулъ у нея передъ глазами подлѣ Аполлона Викентій, на ворономъ конѣ... Мысли у нея спутались тогда; и теперь онѣ тоже путались, перемѣшиваясь съ какою-то сладкою, неотразимою дремотою.

Пока Вассъ Оровичъ въ туфляхъ и ермолкѣ обрѣтался у больнаго Мишеньки, въ мысляхъ супруги его, грезы и мечты развивались съ необыкновенною плодовитостью.

Она сознавала, что дремлетъ и все-таки дремала.

Чудилось ей, что вороная лошадь подъ Викентіемъ, это совсѣмъ не лошадь и совсѣмъ не вороная, а бѣлая. Ясно было ей, ясно, какъ Божій день, что это Вассъ Оровичъ, въ свѣтломъ халатѣ и въ ермолкѣ, обратился въ лошадь. Ермолка его, свѣсившеюся впередъ кисточкою, стала мордою, а самъ Вассъ Оровичъ—лошадью, и выкидываетъ штуки подъ Викентіемъ... Халатъ это какая-то попона, а хвостъ,—нѣтъ, хвоста у него нѣтъ, положительно нѣтъ.

— Не мучьте его, Викентій, говоритъ Надрикова: — вѣдь ему завтра на службу надо.

— Ничего. Я только такъ, немного.

— Не толкайте его, прошу васъ!

— Да вѣдь его всегда въ толпѣ толкаютъ, онъ ужъ такой...

— Да, да, это правда. Но вы все-таки не мучьте его.

— Я не мучаю его, но я только желаю, чтобы онъ своими собственными ногами вашъ вензель на землѣ выписалъ.

— Милый, милый Викентій!..

— Да, я милый, милый...

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

И усердная лошадь скачетъ подъ всадникомъ, продѣлывая на пескѣ разныя буквы. Надрикова читаетъ эти буквы и понимаетъ все, все...

А Аполлонъ съ длинными бронзовыми ногами, все стоитъ на мѣстѣ, и бронзовыя музы окружаютъ его въ святомъ благоговѣніи... А кувшинчики и тростники совсѣмъ потонули въ туманѣ... И закатъ солнца погасъ тоже совсѣмъ!

Да, это былъ важный вечеръ. Въ этотъ вечеръ, послѣ прогулки у Аполлона,—Надрикова отдалась Викентію...

— И онъ любитъ, любитъ меня, думала Надрикова.— Я не обманулась въ немъ и я люблю его страстно, беззаконно, — но отъ того именно горячее... Но эти ночи подлѣ мужа—это мученье. Ну, вотъ, опять онъ идетъ...

Дѣйствительно: въ это время раздалось шлепанье туфлей, блеснула свѣча между опущенными занавѣсками перегородки.

Мужъ возвратился.

— Ребенокъ кричалъ потому, что мамка спала. Этакъ она его когда-нибудь съ голоду уморитъ, сказалъ Вассъ, ставя свѣчу и готовясь лечь.

— Ну что-же, заснулъ онъ?

— Заснулъ.

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе, такое продолжительное, что въ головѣ госпожи Надриковой опять успѣла было сложиться фантастическая лошадь, но Вассъ заговорилъ.

— Я давно хотѣлъ тебѣ сказать,—началъ онъ, и остановился.

— Что такое?

— Да все собирался, откладывалъ, и теперь...

Вторичная остановка, и опять молчаніе.

— Я хотѣлъ тебя спросить объ этомъ...

Тутъ Вассъ остановился снова.

— Не брякнуть-ли прямо, подумалъ онъ:—объ Викентіѣ Өедоровичѣ? упрекнуть? Да, брякну, право, брякну; упрекну, была не была, рѣшилъ онъ и продолжалъ:

— Я хотѣлъ тебя спросить: Викентія Өедоровича не позвать-ли намъ завтра обѣдать?

Блаженны кроткіе, читатель, и блаженны тѣ, кто умѣетъ перемѣнять свои рѣшенія въ самую минуту ихъ исполненія...

Условились позвать Викентія обѣдать, и глубокій сонъ и святая тишина водворились въ квартирѣ Васса Оровича.

Въ сновидѣніяхъ госпожи Надриковой потянулись уланы, гусары, кирасиры; а къ Вассу Оровичу пришли его медвѣди, волки, грифы и прочія чудища, изъ пыльныхъ фоліантовъ департамента герольдіи, перепутываясь съ нумерами бумагъ и съ цифрами счетовъ разныхъ модныхъ магазиновъ.

Прошла ночь, прошло утро и настало время обѣда.

Посмотрите, какъ оригинально перемѣнились ролями Вассъ Оровичъ и Викентій Өедоровичъ.

Былъ исходъ четвертаго часа, когда Вассъ, почему-то особенно веселый, позвонилъ къ себѣ домой. Двери отворила горничная.

— А гдѣ Василій, спросилъ Вассъ Оровичъ.

— Его Викентій Өедоровичъ за табакомъ послали-съ.

Вассъ насупился.

Не успѣлъ Вассъ пройти въ залу, какъ къ нему на встрѣчу, въ сюртукѣ съ эполетами, растегнутомъ на всѣ пуговицы, вышелъ Викентій Ѳедоровичъ.

Вассъ совсѣмъ ушелъ въ себя.

— Милости просимъ, проговорилъ Викентій, протягивая хозяину руку:—милости просимъ, мы васъ долго ждали.

— Право? отвѣтилъ Вассъ.

— Да пойдемъ-те же къ кузинѣ прямо въ спальню, пойдемъ-те, — и онъ потащилъ Васса Оровича.—Вѣдь она безъ васъ соскучилась.

Супруги поздоровались, и Вассъ невольнымъ взглядомъ окинулъ комнату. Все было въ порядкѣ.

— Какъ? только-то, и ни одного поцѣлуя. Нѣтъ, это негодится, замѣтилъ Викентій Ѳедоровичъ. Силою подтащилъ онъ мужа къ женѣ, и, поднявъ руку послѣдней къ губамъ перваго, заставилъ его поцѣловать руку.

— Вотъ такъ, вотъ это по правилу. Ну, а щечки ему не дадите? спросилъ Викентій кузину, свѣсившись надъ нею, и протянулъ было къ ней руки, чтобы... но Надрикова щелкнула его по рукамъ.

— Ай, ай! завопилъ Викентій, отскочилъ, повернувшись раза три волынкою, и загудѣвъ своими шпорами.

— Это позволяется у насъ только по праздникамъ, довольно рѣзко проговорила ему вслѣдъ Надрикова. — Вы надоѣли мнѣ, Викентій Ѳедоровичъ, прибавила она и насупилась.

— Чѣмъ-же-съ? сказалъ Викентій, подскальзывая къ ней снова, правою ногою впередъ.

— Мужемъ, отвѣтила Надрикова и позвонила.

Вошелъ человѣкъ и доложилъ, что обѣдъ готовъ.

Раньше всѣхъ сѣлъ за столъ Викентій и тотчасъ-же очень энергично разбросалъ подлѣ себя: салфетку направо, хлѣбъ налѣво, передвинулъ для чего-то ножикъ, ложку, вилку, поправилъ свои рюмки и стаканы, снялъ салфетку со стола, развернулъ ее, разостлалъ на колѣна и пригладилъ къ нимъ.

Только теперь опустилась на свой стулъ госпожа Надрикова и сѣлъ самъ хозяинъ.

— Какой у васъ сегодня супъ? проговорилъ Викентій, просунувъ голову къ суповой чашкѣ и взглянувъ въ нее, какъ новый Нарцисъ въ зеркало ручья. Лицо его такъ и обдало паромъ.

— А, разсольникъ!! отличная вещь—разсольникъ. Нашъ полковой командиръ его любитъ.

Первую налитую тарелку человѣкъ подалъ Викентію Ѳедоровичу.

— Подай, братецъ, хозяину, — зачѣмъ-же съ меня?

Человѣкъ подошелъ къ хозяину.

Тотъ готовился было отправить его назадъ, но Ви кентій увѣрилъ его самымъ положительнымъ образомъ, что онъ этого не потерпитъ.

Вассъ уступилъ и принялся хлѣбать супъ. Съ каждой ложкой разсольника, вливавшагося въ горло Васса, горло это какъ-будто съеживалось. Что-то давило его и дѣлало весьма труднымъ процессъ глотанія. Онъ упорно молчалъ.

За-то Викентій разсыпался мелкою, какъ манная каша, болтовнею и, потребовавъ вторую тарелку, не могъ удержаться и не похвалить черпавшей супъ ручки кузины.

— Особенно нравится мнѣ эта бородавочка, сказалъ онъ, и чмокнулъ хозяйку въ руку.

Васса окончательно покоробило; еслибы можно было уйти глубже, чѣмъ въ себя, онъ бы ушелъ.

— Но что вы тутъ сдѣлаете? подумалъ онъ. — Кузина! съ дѣтства привыкли.

За вторымъ блюдомъ, курицей съ рисомъ, была то же своего рода сцена.

— Что вы любите больше, кузина, — крылышко или ножку?

— Грудинку.

— А! грудинку. Постойте, я положу ее вамъ, — и Викентій Өедоровичъ, порывшись въ блюдѣ, досталъ желаемый кусокъ, весь облитый бѣлымъ соусомъ, и поднялъ его на вилку, почти съ такимъ-же торжествомъ, какъ поднимаютъ знамена на поляхъ сраженій.

— Я всегда замѣчалъ, говорилъ онъ, держа грудинку надъ блюдомъ: — я всегда замѣчалъ, что именно тотъ кусокъ, который хочется отыскать, кладутъ на блюдо дальше другихъ. Ты бы, братецъ, сказалъ повару, обратился онъ неожиданно къ человѣку: — чтобы онъ курицу складывалъ по куриному, какъ курица есть. А то ищешь грудинку на мѣстѣ, гдѣ должна быть грудинка, а находишь епископскую шапку!

— Слушаю, отвѣтилъ человѣкъ, продолжавшій слѣдить глазами за тѣмъ, какъ капали въ блюдо тяжелыя капли соуса съ поднятаго Викентіемъ на вилку куска.

— А вы сами разрѣзать курицу умѣете, кузенъ? проговорила хозяйка.

— Умѣю-съ, отвѣтилъ кузенъ.

Онъ быстро перенесъ кусокъ курицы на тарелку хозяйки и принялся рѣзать его.

— Въ походѣ надо умѣть все дѣлать, замѣтилъ Вассъ Оровичъ, находя своею обязанностью сказать наконецъ хотя что-нибудь.

— А слыхали вы, между прочимъ, что мы въ Польшу идемъ, кузина? спросилъ Викентій, даже не замѣтивъ словъ Васса. Будете сиротѣть по мнѣ, будете. Не поминайте только лихомъ.

— За что-же лихомъ?

— За что? Я надоѣлъ вамъ, какъ горькая рѣдька.

Вассъ Оровичъ хотѣлъ было подтвердить сказанное, но воздержался. Его уже давно подмывало сказать какую-нибудь дерзость, или самому провалиться подъ землю.

— Нисколько, отвѣтила Надрикова.

— А я думаю, что да. Я вамъ и доказать могу свою надоѣдливость: я, вотъ, у васъ хересу на столѣ не вижу. Право!

— Какъ такъ нѣтъ хересу, спросила Надрикова, высматривая между бутылками.

— Да нѣтъ-же, говорилъ Викентій: — развѣ-что подъ столомъ? Поищу...

Поднявъ висѣвшую до полу скатерть, Викентій Ѳедоровичъ нагнулся, протянулъ подъ столъ руку и, приложивъ правую щеку къ краю стола, сталъ искать...

Непосредственно вслѣдъ за этимъ, легкая гримаса исказила хорошенькое и оживленное лицо Надриковой, но тотчасъ-же соскользнула съ него. Надрикова совладѣла съ собой, несмотря на неожиданность...

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

Былъ-ли внимателенъ Вассъ Оровичъ? Онъ былъ внимателенъ.

Занятый обгладываніемъ куриной ножки, онъ прочувствовалъ всю эту сцену и не могъ не признать себя необычайно обиженнымъ; онъ готовъ былъ..., онъ хотѣлъ..., онъ дѣйствительно вскочилъ со стула и... схватился за свое собственное горло... Куриная косточка стала поперегъ его!?...

Усиленный и учащенный до-нельзя кашель взволновалъ, раскачалъ и разшевелилъ всю его фигуру. Какъ-будто гримаса, только что соскользнувшая съ лица жены, перешла на мужа и неистовствовала на немъ, радуясь болѣе пригодной ей почвѣ. Все лицо его точно перетасовывалось; черты проскакивали одни въ другія..., глаза налились кровью и положительнѣйшимъ образомъ сверкали.

Надрикова вскочила со стула. Викентій Ѳедоровичъ замолчалъ.

Вразумленная всѣмъ этимъ переполохомъ куриная косточка, какъ существо умное, почла своею обязанностью избрать другое рѣшеніе и образумиться...

Утомленный Вассъ опустился на стулъ, выпилъ предложенной ему воды и обѣдъ продолжался и кончился обычнымъ порядкомъ.

— Какъ-же ты чувствуешь себя? сказала Вассу жена, подойдя къ нему и поцѣловавъ его въ лобъ.

— Ничего... прошло, отвѣтилъ Вассъ, непривыкшій къ подобнымъ поцѣлуямъ со стороны жены.

Съ этимъ поцѣлуемъ убѣдился онъ окончательно въ правдѣ исторіи, разъигравшейся подъ столомъ и закончившейся неожиданнымъ событіемъ съ куриною косточкою.

Сомнѣнія разсѣялись и фактъ стоялъ передъ нимъ ясный, неопровержимый, внушительный. „Какъ-же ты чувствуешь себя"? звѣнѣло у него въ ушахъ и томило ихъ невыносимо.

Обратились къ куренію; велѣли принести ребенка; выпили кофе.

Надрикова, заявившая желаніе быть завтра въ театрѣ, пошла въ будуаръ, чтобы записать коммисію для памяти Викентію. Пошелъ за нею и Викентій.

— Дай-ка мнѣ ребенка, сказалъ кормилицѣ оставшійся одинъ Вассъ Оровичъ, положивъ сигару на край стола и протянувъ къ сыну руки.

Ребенокъ перешелъ къ отцу охотно. Онъ посадилъ его на колѣна и началъ покачивать, приговаривая:

— Тюрлюрлю тю, тю-тю-тю...

Кормилица стояла сложивъ руки на желудкѣ и весело ухмыляясь.

Минутъ черезъ десять уѣхалъ и Викентій Ѳедоровичъ, обѣщавъ вернуться съ билетомъ вечеромъ. Надрикова осталась въ будуарѣ и не провожала его...

Едва-ли ошибется тотъ, кто скажетъ, что въ супружеской жизни самое гибельное время дня — это часы между обѣдомъ и вечеромъ. Это именно то время, которое никакимъ рѣшительно особеннымъ меркантильнымъ цѣлямъ не предназначено, которое является какъ бы совершенно лишнимъ и тянется особенно долго. Умные люди давно посвятили его сну.

Но не всѣ одинаково склонны быть умными. Женщины, вообще, несравненно менѣе сонливы, чѣмъ мужчины и именно въ послѣобѣденные часы, оставляемыя мужьями,

предаются онѣ своимъ собственнымъ мыслямъ. Мы твердо убѣждены, что если-бы была какая-нибудь возможность собрать статистическія свѣдѣнія о томъ, въ какіе часы дня западали въ головы нашихъ женщинъ первыя мысли о невѣрности, и въ какіе часы созрѣвали онѣ въ факты, — выводъ былъ бы несомнѣненъ.

Послѣобѣденное время, время храпѣнія головъ семейства, время тишины, водворяющейся въ квартирѣ (дѣтей на эти часы обыкновенно гонятъ въ дѣтскія), время чтенія подходящихъ романовъ, время дружескихъ посѣщеній пансіонскихъ подругъ и разговоровъ съ ними, безъ свидѣтелей,—это та обильная почва, унавоженная вѣками, на которой выростали всевозможныя благія начинанія разныхъ скандальныхъ хроникъ нашихъ и минувшихъ дней.

Такое время настало, послѣ описаннаго нами обѣда, и для госпожи Надриковой.

Едва только опочилъ Вассъ Оровичъ и жена осталась наединѣ, какъ была тотчасъ-же окружена своими любимыми мечтами, будто лѣсомъ.

Мечтанія ея были горячи и крупны, и множились замѣчательно, подъ храпъ мужа, шедшій изъ сосѣдней комнаты, густыми, хотя и довольно рѣдкими, волнами.

Это былъ морской прибой, раздававшійся подлѣ того очарованнаго лѣса, въ которомъ гуляли мечты госпожи Надриковой.

— Неужели-же не заболятъ у него уши отъ его собственнаго храпа? подумала она.— И неужели-же можетъ онъ спать, подозрѣвая мои отношенія къ Викентію?.. Или-же онъ ровно ничего не замѣчаетъ? подумала она и захлопнула дверь въ спальню.

Лѣсъ, въ которомъ гуляла Надрикова, обступилъ ее полнѣе и гуще, и окружилъ своими чарующими чащами. Только море отошло подальше и прибой его доносился издалека, раздражая всѣ нервы ея и завостряя всѣ ея мечты.

Глава IV.

Это будетъ и справедливо и несправедливо, если кто-нибудь отважится бросить камень въ спящаго Васса...

Какъ? скажутъ моралисты, — спать послѣ сцены съ хересомъ, спать послѣ того, что заставило Васса напѣвать сыну тюрлюрлютю-тю—тю—тю, въ ожиданіи выхода Викентія изъ будуара, спать непосредственно вслѣдъ за всѣмъ этимъ, — это невозможно, это безнравственно!!

Смѣемъ завѣрить, что все это было именно такъ, а не иначе.

Если у насъ непосредственно послѣ похоронъ считаютъ необходимымъ устроить поминки, наѣстся до отвалу и ублажить свои губы, только что цѣловавшія дорогаго покойника, разными винами и медами, — такъ отчего-же не признать законнымъ и послѣобѣденный сонъ Васса?

Онъ былъ человѣкомъ неминуемо кроткимъ и робкимъ. Ему никогда и въ голову не западало бороться съ кѣмъ и съ чѣмъ бы то ни было, а главное, самое главное, постигшая его участь была совершившимся фактомъ...

Видали-ли вы когда-нибудь, читатель, совершившійся фактъ, освѣщенный луною?!

Мы покажемъ вамъ этакій фактъ.

Прошло недѣли двѣ послѣ описаннаго нами обѣда.

Это было какъ разъ на святкахъ 1869 года. Вассъ Оровичъ, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна и зная, что къ нимъ вечеромъ явится двоюродный братецъ жены, велѣлъ часовъ въ девять подать себѣ мѣховое пальто, одѣлъ шляпу и отправился изъ дому.

Ночь наступила лунная, свѣтлая, святочная. Было градусовъ десять морозу и какое-то особенное движенье, царствовавшее на улицахъ, давало знать о томъ, что на Васильевскомъ Острову совсѣмъ еще не думали ложиться спать.

Вассъ жилъ на Васильевскомъ Острову.

Въ этотъ вечеръ многимъ, очень многимъ гулявшимъ по улицамъ и взглядывавшимъ на яркую до-нельзя луну, приходила въ голову мысль о той правдѣ: будто у луны есть физіономія, и, непремѣнно, смѣющаяся физіономія. Темныя пятна ея, дѣйствительно, имѣли сходство съ носомъ, глазами, ртомъ и, благодаря ясности и силѣ свѣта, какъ бы дышали и подмигивали.

Именно такое впечатлѣніе произвела луна и на Васса Оровича. Ему показалось, даже не разъ, во время прогулки, на которую онъ вышелъ, будто носъ луны просовывался порою въ направленіи къ землѣ, проскакивалъ

впередъ съ острыми лучами свѣта, и то и дѣло зацѣплялъ кончикомъ за подвертывавшіяся по дорогѣ звѣзды, а сама луна улыбалась.

Такъ какъ Вассъ гулялъ долго, то разныя звѣзды успѣвали подвертываться подъ луну.

Это выдѣленіе нособразныхъ снопиковъ свѣта изъ луны замѣчаютъ всѣ тѣ, у кого есть слезы въ глазахъ, прошибающія, какъ извѣстно,—отъ мороза. Вассъ всегда плакалъ на морозѣ.

Въ этотъ вечеръ ему было, Богъ знаетъ почему, какъ-то особеннымъ образомъ странно. Впечатлѣніе, произведенное на него ночью, едва только онъ почувствовалъ себя на воздухѣ, показалось ему тоже страннымъ. Будто сговорились они настроиться на одинъ и тотъ-же ладъ,—онъ, Вассъ, сидя у себя дома въ кабинетѣ, а она, ночь, странствуя по необозримымъ пространствамъ синяго безграничнаго неба.

Легкое скрипѣніе рѣявшихъ по улицѣ санокъ; оживленный и веселый говоръ нѣсколькихъ человѣкъ, собравшихся у противуположнаго дома; пѣсня, доносившаяся откуда-то неподалеку; огни въ небѣ, огни въ окнахъ, въ снѣгу; чорныя короткія тѣни, высовывавшіяся то тамъ, то здѣсь, изъ-подъ разныхъ предметовъ и иззубривавшія фантастическими зубцами края широкихъ, бѣлыхъ плоскостей залитаго свѣтомъ снѣга,—все это какъ-то особенно быстро замѣчено было Вассомъ Оровичемъ и оцѣнено по достоинству.

— Хорошо, хорошо, думалось ему:—право хорошо, и онъ медленно двинулся вдоль по тротуару, избравъ, конечно, освѣщенную луною сторону.

— Но всѣмъ-ли также хорошо, какъ мнѣ? подумалъ онъ.—Вотъ, напримѣръ, у этой колоды стоятъ двѣ тройки. Лошади совсѣмъ запарены, паръ идетъ столбомъ. Есть-ли у нихъ хоть сѣно-то?

Вассъ подошелъ къ колодѣ и остановился.

Всѣ шесть лошадиныхъ головъ, почуявъ человѣка, какъ есть повернулись къ нему, свидѣтельствуя о томъ, что сѣна передъ ними дѣйствительно не имѣется. Утомленныя мохнатыя морды, съ обледенѣлыми усами, побрякивая уздечками, протянулись къ Вассу, а ближайшая пристяжная даже положила къ нему морду на плечо. Вассъ отступилъ.

— Хо-ля, хо-ля, сказалъ онъ:—ты добрая лошадь, но зачѣмъ-же мнѣ платье пачкать?

Зачѣмъ остановился Вассъ у тройки, и какъ это случилось, что онъ вздумалъ бесѣдовать съ лошадью вслухъ, чего онъ никогда не дѣлалъ,—на это онъ не могъ дать себѣ положительнаго отвѣта и ограничился только постановкою вопроса. Самому ему, въ глубинѣ души, эта выходка съ лошадью понравилась.

Стойка у колоды, въ ясномъ лунномъ свѣту, въ виду шести обратившихся къ нему усталыхъ и обледенѣлыхъ мордъ,—была очень оригинальна и вѣяла какимъ-то совсѣмъ незнакомымъ Вассу чувствомъ.

— Хорошо, думалъ онъ,—жить въ деревнѣ, а не въ городѣ, и быть окружоннымъ всякимъ добрымъ звѣрьемъ, а на недобрыхъ ходить охотиться. Да и самый запахъ какого-нибудь хлѣва, или конюшни, или сѣна, должно быть, очень, очень пріятенъ, особенно въ этакую ночь!

Вассъ взглянулъ на луну,—луна изъ-за густаго пара,

поднимавшагося со всей шестерни, заморгала сильнѣе и ярче, лицо ея выяснилось и заходило всѣми чертами, съ большею противъ прежняго рѣзкостью.

— Святки, святки, подумалъ Вассъ: — хорошее это время, святки!!

Одна изъ лошадей фыркнула въ отвѣтъ на это, и Вассъ Оровичъ, въ качествѣ совершившагося факта, освѣщеннаго луною, двинулся дальше.

— Не дурная это была сцена у меня съ шестью лошадиными головами и луною. Шалитъ луна, шалитъ и заставляетъ другихъ глупости дѣлать; вотъ хоть бы эти мальчишки, что повалилъ одинъ другаго въ снѣгъ и тузитъ на пропалую.

Остановился Вассъ и надъ мальчишками.

— А вѣдь то-же, будетъ время, женятся, непремѣнно женятся, подумалъ онъ, и пошелъ дальше.

Къ нему въ голову все неотступнѣе лѣзло воспоминаніе о будуарѣ и о томъ, что тамъ въ настоящую минуту творится. Всякой подобной мысли Вассъ противупоставлялъ одинъ и тотъ-же аргументъ совершившагося факта, но это нисколько не помогало, мысли лѣзли, лѣзли безостановочно и какія мысли!!

— И вѣдь вотъ что хуже всего, подумалъ онъ: — что вѣдь я злобы-то никакой рѣшительно не чувствую? или уже не люблю я жены совсѣмъ, что-ли? А? вѣдь я умѣлъ когда-то любить и любилъ сильно, сильно...

Послѣдняя мысль, — была важная мысль.

Вассъ припомнилъ, что онъ, дѣйствительно, когда-то любилъ, только другую, другую, а не жену, и давно забытая имъ женская особа, вдругъ, сразу, съ удивительною ясностью предстала передъ нимъ.

Вассъ опять остановился.

Сердце его сильно стучало, сильнѣе, чѣмъ за обѣдомъ, когда онъ поперхнулся куриною косточкою.

Онъ оглядѣлся.

Кругомъ были хорошо знакомыя мѣста. Перекрестокъ двухъ улицъ, длинный деревянный заборъ, въ сосѣднемъ домѣ кондиторская. Дверь ея была открыта, въ окнахъ былъ огонь, совсѣмъ такъ, какъ долгое время назадъ, передъ свадьбою.

А вотъ и второй этажъ другаго, еще болѣе знакомаго, дома, вотъ и два крайнихъ окна. Есть-ли въ нихъ свѣтъ?

Вассъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился опять. Въ окнахъ былъ свѣтъ.

— Пойти развѣ къ ней; вдругъ явиться.... Вѣдь меня обманули, такъ отчего-же и мнѣ не сдѣлать того-же? Но, можетъ быть, тамъ уже кто-нибудь другой живетъ, или кто-нибудь другой вмѣсто меня есть. Ну, конечно, есть.... подумалъ Вассъ. — А въ окнахъ дѣйствительно свѣтъ, даже на томъ же столѣ свѣчка стоитъ на который я ее не разъ ставилъ... Пойти, развѣ? право пойти... Ну, а если, положимъ, что тамъ все она живетъ, но меня сначала не узнаютъ, или, если узнаютъ, такъ внизъ по лѣстницѣ спустятъ?... тотъ; другой какой-нибудь?..

Аргументъ былъ сильный; легко сказать: внизъ по лѣстницѣ? еще, пожалуй, убьешься.

— Нѣтъ, не пойду, рѣшилъ Вассъ и взглянулъ на окна.

Въ это время въ комнатѣ, въ которую стремились мысли Васса, происходила слѣдующая сцена.

Сидѣли двѣ швеи и работали. Обстановка была самая скромная. Одна изъ швеекъ, хозяйка, женщина лѣтъ тридцати двухъ, недурная собою, сидѣла на старомъ, твердомъ, осунувшемся въ сидѣньи диванѣ, почти исчезая подъ скомканною массою бѣлаго полотна, которое она строчила. Передъ нею, на стулѣ, сидѣла другая, немного помоложе, но некрасивѣе; эта шила шляпку и собирала на ней длинную, шелковую ленту. По стульямъ и по комоду лежали и висѣли платья и матеріи. На столѣ горѣла единственная свѣча; стѣнные часы съ гирями безъ умолку стучали тяжелымъ, чечевице-образнымъ маятникомъ. Въ красномъ углу развѣшено было нѣсколько иконъ; передъ двумя изъ нихъ теплились лампадки.

Обѣ женщины были полураздѣты. Противъ незавѣшанныхъ оконъ, по другой сторонѣ улицы, тянулся заборъ и поэтому нескромныхъ взглядовъ опасаться было нечего. Работа шла быстро. Обѣ женщины разговаривали.

— И былъ онъ у меня, говорила хозяйка: — совсѣмъ кроткій, совсѣмъ тихій; добрый былъ онъ. Только приходитъ онъ разъ ко мнѣ, — это мы уже три года съ нимъ жили... и я ужъ давно замѣчала, что онъ что-то перемѣнился, приходитъ, я его и спрашиваю; молчитъ...

— Да это они всѣ сначала молчатъ, отвѣтила гостья, откусывая нитку и принимаясь вдѣвать ее въ иголку, держа послѣднюю противъ свѣчи и стараясь сплюнуть съ языка кусочекъ нитки.

— Что, говорю, не жениться-ли хочешь? — Прости, говоритъ онъ мнѣ, Глашенька, — да и бухъ мнѣ въ ноги, и руки цѣловалъ и платье цѣловалъ, ей Богу.

— Да это они всѣ руки, да платья цѣлуютъ, отвѣтила гостья, принимаясь шить. — Небось денегъ обѣщалъ?

— Прости, говоритъ: — женюсь, не смѣю противиться.

— Ну ужъ я бы противилась. Въ церковь бы ворвалась, ей Богу, ворвалась, а не пустила-бъ жениться. На мнѣ женись — ладно, на другой — ни за что на свѣтѣ! А что-же ты, видаешь его нынче?

— Онъ тутъ недалече и живетъ; встрѣчала, не разъ встрѣчала. Такой-же, какъ и былъ, ни какой перемѣны.

— А жену-то видѣла?

— И ее видала.

— Какая-жъ она?

— Да ничего, только глазами такъ и стрѣляетъ. Не по немъ она, не по немъ... Марья! а Марья! кликнула хозяйка: — что-же чаю-то!

— Си-чаасъ! раздалось изъ-за дверей: два раза руки обварила съ вашимъ чаимъ.

— А что, спросила гостья хозяйку: — еслибы онъ опять къ тебѣ пришолъ? Вѣдь это у нихъ бываетъ. Женится, а потомъ къ любовницѣ опять, да еще къ старой, прежней. Что бы ты?

— А ничего. Приняла бы.

Въ это самое время за дверью раздался грохотъ упавшаго самовара и, непосредственно вслѣдъ за этимъ, брань кухарки.

Обѣ собесѣдницы сначала вздрогнули и переглянулись, но это длилось только одну секунду: причина грохота была слишкомъ ясною.

— Это она, должно быть, святки празднуетъ, проговорила хозяйка.

— Пойду посмотрѣть, сказала гостья, и вышла въ кухню, взявъ съ собою единственную свѣчу.

Въ комнатѣ водворилась тишина, и лунный свѣтъ, падавшій изъ окна, ближайшаго къ столу, за которымъ осталась сидѣть хозяйка, облилъ яркимъ живымъ серебромъ всю массу скомканнаго въ кучу полотна и оно засквозило мягкими, голубоватыми тѣнями всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ и переливовъ.

Хозяйка, оставивъ работу, отбросилась на спинку дивана; бѣлая кофточка ея слегка распахнулась; руки, утомленныя долгою работою, опустились, упали со стола прямо внизъ, на колѣни... Мысль о святкахъ, о которыхъ она только-что упомянула, на которыхъ веселятся, и мысль о Вассѣ, исчезнувшемъ для нея, перепутались въ какую-то неразборчивую кутерьму, къ которой примѣшивалось, невѣдомо для нея самой, чувство утомленія послѣ долгой, усиленной работы. Немного изношенное, но не дурное и весьма пріятное, лицо ея освѣтилось снизу отраженіемъ луннаго свѣта отъ полотна, лежавшаго на столѣ и на колѣняхъ; плеча-же и грудь, подъ бѣлою кофточкою, сіяли въ полномъ и нераздѣльномъ свѣту... Швея уставила глаза на окно и смотрѣла на небо безмолвно и неподвижно!

Въ это самое время, та-же самая луна, въ десяти шагахъ отъ нея, освѣщала другую, много различную отъ этой, картину.

Дѣло въ томъ, что Вассъ, самъ того не вѣдая какъ, со смѣлостью, достойною самой лучшей участи и подталкиваемый какимъ-то святочнымъ шутникомъ-кикиморой, своротивъ съ улицы во дворъ, поднялся по лѣст-

ницѣ, безошибочно отсчиталъ всѣ ея ступеньки и сталъ передъ закрытою дверью, какъ листъ передъ травой.

Какъ сказано: луна смотрѣла и сюда, щедро разсыпая свой зеленоватый свѣтъ на деревянныя ступени и круглыя, точеныя перила, осыпанныя инеемъ точно серебрянымъ порошкомъ.

— Ну вотъ я и тутъ, думалось Вассу: — вотъ и дверь, и главное сдѣлано. Онъ вздохнулъ свободнѣе, а сердце стучало немилосердно и ощущенія самыя небывалыя наполняли его мысли и грудь...

— Ну вдругъ, думалъ онъ: — изъ сосѣднихъ дверей кто-нибудь выйдетъ, примутъ за вора, начнутъ кричать, что я тогда сдѣлаю? Нѣтъ, лучше уйду...

Вассъ повернулся, подошелъ къ ступенькамъ и взялся за перила, но остановился... ноги его рѣшительно не двигались, въ нихъ было въ каждой по пуду свинца.

Воспоминаніе о будуарѣ, о сценѣ съ хересомъ, съ куриною косточкой, даже воспоминаніе о далекихъ студенческихъ годахъ и о томъ, что и какъ пережилъ онъ за этою дверью, передъ которою стоялъ теперь, нерѣшительный, обманутый и обманывающій въ качествѣ совершившагося факта, — рѣяли по его мыслямъ съ быстротою изумительною, нарождаясь одни изъ другихъ и погоняемыя одни другими...

— Вѣдь я уже здѣсь, думалъ онъ: — вѣдь дѣло уже сдѣлано.... я бы никогда не былъ тутъ, еслибы.... вина не моя. Ну что-жъ, если постучу и ошибусь, теперь не поздно, девять часовъ, еще можно, — и Вассъ очутился снова у дверей.

Не успѣлъ онъ прислушаться къ стуку упавшаго са-

мовара и къ ругани кухарки, дошедшихъ до него съ полною ясностью, какъ ключъ въ двери, передъ которою онъ стоялъ, стали повертывать и ручка второй, внутренней двери заходила...

Съ быстротою молніи сбѣжалъ Вассъ по лѣстницѣ внизъ, не стуча, но скользя по ступенямъ съ помощью перилъ и сталъ какъ вкопанный, притаивъ дыханіе. Его даже ударило въ потъ.

— И провалъ ихъ возьми, говорила кухарка: — съ самоварами да кофіями! Шестой разъ наставляемъ, напасть этакая, право!

Вассъ услышалъ, какъ поставила кухарка самоваръ на окно и какъ стала она черпать изъ ведра воду и наливать ее, при чемъ кусочки льда постукивали о мѣдь и звучали стеклянными, острыми звуками. Услышалъ Вассъ и то, что вслѣдъ за кухаркою вышелъ еще кто-то другой, съ свѣчой въ рукахъ...

Онъ притаилъ дыханіе.

— Ну, это она! думалъ онъ. — Господи Боже мой, ну какъ увидитъ? не выдержу, ей Богу не выдержу, брошусь къ ней, обниму, скажу: прости, забудь... пропадай остальное!

— Чего-же ты бранишься, говорилъ голосъ: — сама самоваръ опрокинула, да еще и бранится.

— Нѣтъ, рѣшилъ Вассъ: — это не ея голосъ; это не она, слава Богу...

— А вамъ-то што? нѣшто васъ браню, самоваръ браню, отвѣчала кухарка.

— Нѣтъ, ты и Глафиру Андреевну поминала, я слышала, и меня тоже.

— Вы это слышали? Ну и ступайте, коли слышали; жалиться ступайте. Не клиномъ земля сошлась; найдемъ, гдѣ работать и безъ Глафиры Андреевны. И кто васъ на лѣстницу-то зоветъ, да мѣшаться проситъ? Знали бы что строчили, а и то нѣтъ: вездѣ сунуться надо, прости Господи... съ вами только согрѣшишь, ей Богу.

Собесѣдница кухарки ушла, ничего не отвѣтивъ, а вслѣдъ за нею послѣдовала и кухарка.

Тишина на лѣстницѣ водворилась прежняя и у Васса отлегло съ сердца.

— Такъ она здѣсь-таки, думалъ онъ.—Глаша здѣсь... Вѣдь она приметъ, навѣрное приметъ... и я буду правъ, если пойду... Только не будь тамъ этой, другой...

Наступила минута, въ которую Вассъ окончательно рѣшился было идти, несмотря на другую; и онъ двинулся, — но двинулся назадъ, съ лѣстницы, прочь со двора, и очутился на улицѣ.

Собственно говоря, въ томъ омутѣ самыхъ противуположныхъ стремленій, въ этой глухой борьбѣ желаній, обязанностей, сомнѣній, совѣсти, гордости, робости и множества другихъ элементовъ, которые овладѣли Вассомъ, ноги его явились, временно, въ качествѣ мыслящей функціи организма.

Подобно тому, какъ сельскія лошади темною ночью, въ зимнюю вьюгу, вѣрнѣе хозяевъ своихъ отыскиваютъ дорогу домой, такъ точно и ноги Васса, привыкнувъ къ всегдашней тактикѣ хозяина, исполнили свою обязанность вѣрно. Было даже и такъ, что Вассу казалось, будто онъ направляется въ двери, что вотъ ужъ онъ и

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

ручку повернулъ, и стучится, а ноги, тѣмъ временемъ, уносили его въ противоположную сторону и онъ очутился на улицѣ...

Луна сіяла по прежнему; движенье не унималось. Мимо Васса пробѣжали какіе-то три замаскированныхъ штукаря. Одинъ безцеремонно обратилъ къ нему свою вымазанную харю и ууокнулъ ему прямо въ лицо. Вассъ даже не удивился. Послѣ того, что случилось съ нимъ, ничто не могло удивить его.

— Ужъ не луна-ли, думалъ онъ: — заставляетъ людей глупости дѣлать? и онъ перешолъ на тѣневую сторону улицы.

Все тѣло его было точно переломано; онъ ослабѣлъ и утомился.

— Извощикъ! кликнулъ онъ.

Подкатились двое саней. Вассъ усѣлся въ ближайшія, не торгуясь, и велѣлъ ѣхать домой.

Всѣ событія послѣдняго времени сѣли въ санки вмѣстѣ съ нимъ и чухонская кляченка еле-еле тянула грузную ношу.

Дотащившись до дому и расплатившись съ извощикомъ, Вассъ сталъ подниматься по лѣстницѣ и думалъ о томъ, какъ крѣпко - крѣпко поцѣлуетъ онъ сына, какъ не зайдетъ онъ совсѣмъ къ женѣ и этимъ покажетъ презрѣніе, какъ ляжетъ онъ спать и какъ успокоится наконецъ...

Мечтамъ его не суждено было сбыться.

Глава V.

Не мало удивился Вассъ, увидѣвъ свою квартиру освѣщенною, хотя, какъ сообщилъ ему человѣкъ, Викентій Ѳедоровичъ давно уѣхали. Съ отъѣздомъ его обыкновенно всѣ огни тушились и барыня ложилась спать. Еще болѣе онъ былъ поражонъ тѣмъ, что тотъ-же человѣкъ сказалъ ему, будто барыня приказали просить ихъ къ себѣ, когда пріѣдутъ.

— Да ты не ошибся-ли? спросилъ удивленный Вассъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Приказали тотчасъ просить.

Невольно подумалось Вассу, что святочное время подѣйствовало даже на его жену и вывело ее изъ обычной колеи. Нечего было дѣлать, и онъ отправился.

Надрикова полулежала въ своемъ будуарѣ на диванѣ, отбросивъ правую руку за голову и держа лѣвую съ смятымъ платкомъ на груди.

При болѣе тщательномъ обозрѣніи ея фигуры и подробностей, ея окружавшихъ, легко можно было убѣдиться, что всему тому, что засталъ Вассъ, по приходѣ своемъ въ комнату, предшествовала другая обстановка, и что тутъ происходило что-то такое, совсѣмъ противуположное той тишинѣ, которая царила теперь.

Прежде всего замѣтилъ Вассъ, что портретъ Викентія, обыкновенно стоявшій у жены на столѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ не находился, а валялись на полу изорванные клочки его; у стѣны валялась разломанная рамка. Большое количество скомканной и перерванной бумаги и конвертовъ было брошено подъ письменный столъ, ящикъ котораго, чего то-же никогда рѣшительно не случалось, былъ выдвинутъ и ключъ торчалъ въ немъ.

Не менѣе выразительна была и сама Надрикова.

На сколько свѣтъ лампы позволялъ различать, черты ея лица были какъ бы слегка искажены; она не плакала, но она должно быть много и сильно плакала до этого; не только блѣдно, но даже желто было ея лицо, и на немъ лежала печать той сдержанной злобы, причины которой не представляется рѣшительно никакой возможности предотвратить и которая такъ жестоко безобразитъ даже самыя красивыя женскія лица, если она ложится на нихъ. На лицахъ дѣвушекъ подобное выраженіе немыслимо.

Войдя въ комнату, Вассъ подошелъ къ дивану и сѣлъ на стулъ подлѣ него.

— Что тебѣ? спросилъ онъ жену: — ты звала меня?

— Да, я звала...

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе.

— Ты какъ будто нездорова?

— Нѣтъ, я здорова, но я... я обижена, я оскорблена, я обезчещена... нѣтъ, я не могу больше... Охъ! вырвалось у нея изъ груди и вслѣдъ за этимъ тяжелымъ вздохомъ послѣдовало долгое истерическое рыданіе...

Грудь ея неправильно и судорожно волновалась, руки то и дѣло подходили къ горлу, какъ бы для того, чтобы облегчить спиравшееся дыханіе. Она вздрагивала всѣмъ тѣломъ и подоспѣвшій къ ней Building Вассъ съ трудомъ разобралъ отрывчатыя слова: „запри дверь... подай воды!“

Вассъ совершенно растерялся. Ничего подобнаго въ жизни своей не видалъ онъ и всего менѣе могъ ожидать отъ жены. Онъ принесъ изъ спальни воды, захватилъ одеколону, заперъ дверь и, самъ не зная, какъ ему быть и что дѣлать, суетился какъ шальной, то уговаривая жену, то поддерживая ей голову, то расправляя сводимыя судорогами руки...

Прошло нѣсколько минутъ тяжолаго времени. Надрикова начала успокоиваться.

Слезы хлынули градомъ, дыханье стало ровнѣе, руки опустились, глаза перестали закатываться и закрылись тяжело и какъ бы насильно. Все лицо ея сразу поблѣднѣло и вытянулось и еслибы не учащенный бой сердца, къ которому Вассъ поспѣшилъ приложить руку, онъ бы испугался пуще прежняго, почитая жену умершею или умирающею.

Прошло еще минуты три и Надрикова открыла глаза. Она обвела ихъ по комнатѣ и остановила на мужѣ, какъ бы собираясь съ мыслями. Вассъ считалъ неумѣстнымъ заговорить съ нею и ждалъ, сѣвъ на стулъ.

— Я обманула тебя, произнесла наконецъ Надрикова тихо, протяжно, но съ совершенною твердостью.

— То есть, въ чемъ это? спросилъ Вассъ, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, хотя новаго этимъ ушамъ ничего не сообщали. Но слова эти были такъ откровенны, такъ неожиданны и, наконецъ, били его такъ прямо въ лицо, такъ убѣдительно безжалостно, что только-что произнесенныя имъ слова сказались какъ-то сами собою, противъ воли.

— О! это тебѣ извѣстно. Я и не скрываю. Вотъ эти записки, письма, видишь? Это мой обманъ, это все доказательства... Если хочешь, подбери и прочти... Ты понялъ меня? спросила Надрикова послѣ нѣкотораго времени.

— Это... Викентій?!.. пробормоталъ Вассъ, косясь на обильно разбросанныя по полу записки.

— Да, отвѣтила Надрикова. — Но, ты понялъ-ли, для чего я говорю все это?

— Понялъ-ли я, пробормоталъ совершенно сбитый съ панталыку Вассъ: — думаю, что не трудно.

— Нѣтъ, ты не понялъ меня, возразила Надрикова, и горькая, злобная, обидная улыбка оживила ея лицо:— ты не понялъ, но я тебѣ объясню.

— Да что-же тутъ объяснять? Тутъ нечего объяснять, проговорилъ Вассъ, и тоже улыбнулся, только иначе.

— Ты долженъ драться съ нимъ!

Вассъ вскочилъ со стула и отступилъ шага на два передъ гигантскимъ безобразіемъ предложенія жены, поразившимъ его окончательно.

Мы предлагаемъ любознательному и пытливому чита-

телю вдуматься въ тотъ сбродъ самыхъ кричащихъ противорѣчій, который сразу заговорилъ въ Вассѣ, въ человѣкѣ безконечно робкомъ, добромъ, честномъ, но крайне нерѣшительномъ, чтобы не сказать трусливомъ до болѣзненности. И всѣ эти мысли стрѣляли въ его головѣ одна сквозь другую, и, Богъ знаетъ почему, поверхъ всего этого, виднѣлся ему лунный свѣтъ и недавняя стоянка его на деревянной лѣстницѣ передъ знакомою, закрытою дверью...

Не менѣе оригинальны были и мысли, роившіяся въ головѣ Надриковой. Злая улыбка ея перешла въ улыбку, полную нескрываемаго презрѣнія и, не смотря на это, въ лицѣ ея лежало столько непреклонной рѣшительности, столько неоспоримой воли, что было чего испугаться такому человѣку, какимъ былъ ея мужъ. Его ударило въ ознобъ и онъ молчалъ.

— Ты долженъ драться съ нимъ, повторила Надрикова и, приподнявшись, сѣла на диванъ.

— Я! драться съ Викентіемъ? съ нимъ, за тебя?... но вѣдь эти записки, — вѣдь это, ты сама говоришь, что ты меня съ нимъ обманула... и мнѣ драться?!

— А кому-же драться за жену, какъ не мужу?

— Но, вѣдь, тутъ сама жена обманула и сама жена проситъ... Да, еслибъ она не просила, я бы могъ драться, я бы непремѣнно, даже, дрался... но такъ, какъ это вышло... нѣтъ, это глупо, это невозможно?!

Губы Васса продолжали еще двигаться и шлепать одна объ другую, хотя онъ уже пересталъ говорить. Надрикова сидѣла передъ нимъ неподвижно и неспуская съ него глазъ.

— Ну, а если я, заговорила она глухо и какъ бы отчеканивая слова:—если я напишу ему сама, что ты вызываешь его?

— Это невозможно... Это разбой! У меня сынъ есть!

Надрикова не выдержала и, быстро вставъ съ дивана, выпрямилась во весь ростъ.

— Такъ я все-таки напишу ему, проговорила она, и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ столу.

Вассъ схватилъ ее за руку.

— Нѣтъ, погоди, сказалъ онъ: — погоди!

— Такъ ты напишешь?

— Но за что-же, скажи мнѣ, пожалуйста, за что хочешь ты этаго? объясни, вѣдь тутъ объ жизни дѣло идетъ...

— Какого-же тебѣ еще объясненія нужно? громко отвѣтила Надрикова.—Да вѣдь когда ты спалъ тутъ, за стѣною, вѣдь онъ пробирался ко мнѣ сюда... Вѣдь здѣсь всякій уголъ, всякая вещь, видѣли меня съ нимъ... Вѣдь то, что здѣсь было переговорено и перешоптано, вѣдь этого не перескажу я тебѣ... И это все была ложь, это былъ двойной, низкій обманъ... А!! закончила Надрикова, схватившись одною рукою за грудь и опершись другою на стулъ: — вѣдь и меня съ тобою вмѣстѣ обманулъ онъ... меня!...

Вассъ прозрѣлъ окончательно.

Глубокій, полный дѣйствительной боли, вздохъ, выдѣлился изъ груди Надриковой. Она съ большимъ усиліемъ держалась на ногахъ.

— Пиши, проговорила она почти шопотомъ, но непритворно внушительно:—а нѣтъ, такъ я напишу: но ты долженъ, понимаешь-ли, я заставлю тебя...

Она опустилась на стулъ, а Вассъ, подойдя къ столу, написалъ письмо, свернулъ, запечаталъ и вышелъ изъ комнаты.

Спокойствіе ночи не было нарушено въ квартирѣ Надриковыхъ, а письмо, рано утромъ, полетѣло по адресу, черезъ посредство дворника ихъ.

Глава VI.

Въ пятомъ часу пополудни, въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ Петербурга, ресторановъ, посѣщаемыхъ самою богатою молодежью, преимущественно офицерами, въ одинъ изъ богато убранныхъ нумеровъ, по срединѣ котораго поставленъ былъ столъ, сервированный на двухъ, вошелъ Викентій Өедоровичъ. За нимъ слѣдовалъ офиціантъ, съ салфеткою на рукѣ.

Викентій положилъ на столъ фуражку, снялъ саблю и усѣлся на диванѣ. Человѣку приказалъ онъ ожидать прихода дамы, которая спроситъ его, и проводить ее сюда. Выслушавъ приказаніе Викентія, хорошо знакомаго въ ресторанѣ, человѣкъ удалился.

Викентій Өедоровичъ Барликовъ относился къ числу людей, которыми кишмя кишитъ наше общество.

Ни самъ онъ, ни кто другой, не могли бы, если бы хотѣли, дать отчотъ въ томъ—какъ и почему былъ онъ тѣмъ, чѣмъ былъ и дѣлалъ то, что дѣлалъ. Единственное, въ чомъ могъ бы онъ завѣрить положительнѣйшимъ образомъ, еслибы у людей была способная на то память, такъ это въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ сыномъ своего отца и своей матери; законнымъ сыномъ, прибавимъ мы.

Все остальное въ его жизни было безъ корня, безъ почвы, безъ связи, безъ объясненій, и это—отъ крупнаго до мелкаго.

Начнемъ съ того, что первою кормилицею Викентія была его мать, но потомъ перешелъ онъ къ двумъ мамкамъ, къ одной послѣ другой; по несостоятельности обѣихъ, младенца поили молокомъ нарочно купленной для этого коровы, оказавшейся состоятельнѣе. Физіологическимъ послѣдствіемъ этихъ перемѣнъ была, вѣроятно, вся судьба Викентія.

Приготовленный въ гимназію, попалъ онъ въ юнкерское училище; мальчику было пятнадцать лѣтъ, когда, въ одно прекрасное утро, богатая обстановка родительскаго дома рухнула подъ молоткомъ аукціонной продажи, по смерти отца, за долги его, и, при выпускѣ изъ училища, Викентій долженъ былъ довольствоваться скромною долею пѣхотнаго офицера одного изъ скромныхъ армейскихъ полковъ.

Не успѣлъ онъ износить первыхъ эполетъ съ синей рогожкой, какъ умираетъ бездѣтный дядя, со стороны матери, армія мѣняется на адъютантство, Викентій становится франтомъ и не знаетъ, что ему дѣлать съ хлынувшими къ нему деньгами.

Въ одинъ прекрасный вечеръ вернулся онъ домой и ему объявили, что мать его, женщина лѣтъ сорока, выходитъ замужъ, и что изъ того состоянія, которое она думала передать ему, единственному сыну, половина составляетъ свадебный подарокъ жениху. Викентію оставалось только одно: поздравить мать.

Послѣ этого новый отецъ и новый сынъ единовременно и сообща спускаютъ состояніе; проходитъ малое время, денегъ нехватаетъ; слѣдуетъ разводъ и, два года спустя послѣ свадьбы, мать уѣзжаетъ за границу, а освободившійся отъ нея мужъ получаетъ весьма выгодное и прибыльное административное мѣсто.

Все это дѣлалось какъ по маслу, быстро, неожиданно, безпричинно. У Викентія остаются на перечотѣ послѣднія сотни рублей и масса долговъ, какъ вдругъ умираетъ другой дядя, съ отцовской стороны. Опять наслѣдство, опять свобода. Викентію двадцать пять лѣтъ и онъ независимъ, и мы вводимъ его въ нашъ разсказъ именно въ это время.

Понятно, что біографическія подробности повліяли на образованіе его характера. Собираясь въ оперу, попадалъ онъ въ балетъ, совершенно на томъ-же основаніи, на какомъ изъ гимназиста сталъ юнкеромъ и былъ дважды богатымъ. Проспать двадцать четыре часа къ ряду и не спать двѣ ночи напролетъ; обѣщать и обмануть; помнить дни имянинъ ходкихъ кокотокъ и забыть пріѣхать на похороны единственной бабушки; считать безконечною важностью, чуть не историческимъ событіемъ, переводъ ему на шею, изъ арміи, отличившагося въ Туркестанѣ поручика и знать только изъ третьихъ рукъ

о состоявшемся освобожденіи крестьянъ, — вотъ нѣкоторыя черты этого недоразвившагося Фигаро, съ саблею на привязи, гибкимъ языкомъ и весьма смазливою физіономіею. Фигаро здѣсь, Фигаро тамъ, глупость тутъ, мелкота повсюду.

Можно себѣ представить, какъ относился Викентій къ женщинамъ.

Въ ту минуту, о которой идетъ рѣчь, онъ былъ жестоко недоволенъ собою. Дѣло въ томъ, что онъ остался безъ женщины. Это значитъ, что съ Надриковою пришлось ему разстаться, а фактическимъ обладателемъ той особы, которую мы будемъ имѣть честь представить читателямъ, онъ еще не былъ.

Для людей опытныхъ въ женскомъ дѣлѣ, такая потеря времени считается неудачною выкладкою. У людей опытныхъ, разрывъ съ одною особою и переходъ къ другой должны совпасть и произойти совершенно съ тою же точностью, съ которою двигаются шестерни въ машинахъ.

Людьми, еще болѣе опытными, дѣло разлуки съ одною и встрѣча съ другою женщиною пригоняется такъ, что оставляется даже извѣстное количество времени въ запасѣ, когда эти господа могутъ считать обѣихъ женщинъ своими.

Самые-же опытные люди, находящіе совершенно необходимымъ всегда имѣть подобный запасъ, устраиваютъ дѣло такъ, что они никогда не бываютъ при одной женщинѣ, а всегда служатъ двумъ.

Служба двумъ женщинамъ еще считается отношеніемъ, связью и носитъ на себѣ, нѣкоторымъ образомъ,

характеръ привязанности, чувства, интриги; служба-же красотѣ вообще и женщинамъ въ обширномъ, космическомъ значеніи этого слова, — въ кружкахъ молодежи за особую честь не почитается и прозвища побѣдителя, подобному космополиту не выдаетъ.

Викентій считалъ себя и считался за мужчину ходкаго и обидно было ему, и досадно непомѣрно, что остался онъ безъ женщины. Разрывъ съ Надриковою произошелъ раньше, чѣмъ онъ этого хотѣлъ.

Ему, дѣйствительно, прискучило, какъ говорилъ онъ это и себѣ и другимъ, имѣть на своей шеѣ глупость Васса; ему, видите-ли, жена-то, пожалуй, и была пригодна, но взять на себя обузу мужа: говорить съ нимъ, встрѣчать его, даже ухаживать за нимъ — это было, изволите-ли видѣть, жертвою громадною.

Нѣкоторое время, положимъ, это еще можно было терпѣть; нѣкоторое время, такъ казалось Викентію, еще можно было снисходить до этакой жертвы, — въ виду новости предмета и въ знакъ благодарности за полученіе въ собственность миленькой особы жены, но долго оставаться при этихъ условіяхъ, ни одинъ порядочный человѣкъ, къ числу которыхъ, безспорно, принадлежалъ и Викентій — не могъ. Разстаться съ Надриковою, въ принципѣ было давно рѣшено; собственно говоря, этотъ принципъ опережалъ у него даже самое сближеніе съ женщиною; но оставаться совершенно безъ женщины, даже на самый короткій срокъ, этого не полагалось.

Къ тому-же, какъ бы то ни было, а у Васса поваръ былъ все-таки очень хорошій, обстановка квартиры изъ лучшихъ и будуаръ изъ самыхъ удобныхъ. Викентію

не разъ уже приходило въ голову, и именно въ тѣ минуты, когда Надрикова бывала въ этомъ будуарѣ, ластилась къ нему особенно трепетно и онъ пилъ вволю отъ страсти и тепла молоденькой, хорошенькой и горячей женщины, впервые обманувшей мужа, ему не разъ приходило въ голову, что хорошо бы было сохранить такой будуаръ и такого мужа, какимъ былъ Вассъ, для всѣхъ будущихъ интрижекъ; но онъ не считалъ нужнымъ сообщать этой мысли своей красавицѣ и ограничивался принятіемъ ея къ свѣдѣнію.

Разрывъ послѣдовалъ раньше, чѣмъ можно было ожидать...

Это случилось очень просто.

Глупая записка вывалилась у него изъ кармана по самой срединѣ завѣтнаго будуара, въ тотъ именно вечеръ, когда Вассъ отправился странствовать по Васильевскому Острову, въ качествѣ совершившагося факта.

Записку эту схватили, прочли, бросили ему въ лицо, опрокинулись на диванъ, зарыдали...

Еще проще поступилъ Викентій: онъ опоясался саблею, взялъ фуражку и уѣхалъ, сказавъ одну только многознаменательную фразу:

— Послѣ этого, между нами все кончено. Мнѣ довольно брошенной въ лицо записки. Мы — квиты. Я бы могъ даже оправдаться, но это слишкомъ мелко. До-свиданья-съ, на страшномъ судѣ!

Страшный судъ былъ помянутъ имъ для красоты. Этою самою фразою окончилъ Викентій уже двѣ, до того случившіяся съ нимъ, сцены, при разлукахъ съ двумя женщинами. Но такъ какъ пошлость этой фразы

сіяла всѣмъ своимъ блескомъ безъ свидѣтелей и при такихъ условіяхъ, которыя наиболѣе противорѣчили ея гласности, то и оставалась она всякій разъ новою фразою и, такъ или иначе, а все-таки, какъ бы заканчивала что-то, какъ бы являлась финаломъ.

— Какой ни на есть, а все-таки финалъ, думалъ Викентій, вспоминая, что и во всякомъ балетѣ есть финалъ.

Расписался и черканулъ! шутка сказать — страшнымъ судомъ черканулъ, поди-ка — расхлебывай.

Какъ дѣйствовала эта фраза на тѣхъ, кому отпечатывалъ ее Викентій, судить не беремся. То, что случилось, послѣ его ухода, въ будуарѣ Надриковой — мы знаемъ. За сухую и отталкивающую наготу всѣхъ взглядовъ Викентія на женщинъ, просимъ извинить насъ: они не наши. Прибавимъ только то, что ко дню ухода его изъ дому Васса, состоялъ онъ должнымъ хозяину слишкомъ тысячу рублей, взятыхъ безъ росписки. Этими деньгами съ избыткомъ окупились: брилліантовое кольцо, поднесенное имъ кузинѣ въ день ея рожденія, и четыре ложи въ театръ, изъ которыхъ одна была литерная и Надрикова провела въ ней съ Викентіемъ вечеръ, сказавъ мужу, что ѣдетъ къ одной изъ подругъ своихъ.

Все это, какъ видите, было очень просто и случается ежедневно. Не менѣе простою была и та встрѣча, и то препровожденіе времени, къ описанію котораго пригласили мы читателя въ ресторанъ.

Закуривъ папиросу и разстегнувъ сюртукъ, Викентій сѣлъ на диванъ и положилъ обѣ ноги на стулъ, при чемъ не замедлилъ прорвать шпорою довольно вѣтхую, хотя и богатую, шелковую покрышку мебели. Онъ пу-

скалъ густые клубы дыма и рисовался совершенно такъ, какъ являются изображенія офицеровъ, курящихъ трубки, на нѣкоторыхъ набросках карикатурныхъ листковъ.

Викентій былъ недоволенъ не только тѣмъ, что онъ былъ безъ женщины, но еще и тѣмъ, что то существо, которое поджидалъ онъ теперь, гувернантка одного барскаго дома, была собственно не то, что принято называть женщиною, т. е. не она сама была послѣднею, заключительною цѣлью его.

Нѣтъ, она должна была служить только средствомъ для плановъ Викентія въ томъ домѣ, въ которомъ она была гувернанткою. Въ домѣ этомъ была подросшая дочь, богатая невѣста, а Викентій, съ нѣкотораго времени, серіозно подумывалъ о необходимости жениться. Посредничество гувернантки, какъ при дѣвушкѣ, такъ и при родителяхъ, глубоко уважавшихъ гувернантку, (Викентію это было извѣстно), могло быть очень сподручно. Сама-же ожидаемая особа была только, только не дурна, да и время не всегда позволяло ей быть свободною, слѣдовательно, замѣнить Надрикову она ни въ какомъ случаѣ не могла.

Она была возможна для него, какъ женщина, только при открытомъ входѣ въ будуаръ Надриковой; но теперь, теперь, достиженіе, даже ея, становилось какъ бы настоятельною необходимостью.

Замѣтимъ, впрочемъ, тутъ-же, что Викентій далеко не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Въ немъ, какъ и въ большинствѣ господъ его породы, въ глубинѣ души всегда существовало скрытое и свято скрываемое сознаніе своего ничтожества и увѣренность въ томъ, что права его

на успѣхъ весьма незначительны. Ни красавцемъ, ни богачемъ, ни чудомъ ума, онъ не былъ и зналъ это. Но не дай Богъ, чтобы кто-нибудь другой осмѣлился знать то же самое. Шолъ-же онъ всегда на юру и достигъ замѣчательной ловкости въ умѣньи пользоваться случаемъ.

Мы сказали: большинство людей его породы, а не всѣ, потому что такихъ экземпляровъ, которые, не будучи красавцами, богачами и геніями, дѣйствительно убѣждены въ томъ, что они красавцы, богачи и геніи, чрезвычайно мало. Они рѣдки, какъ тигристыя лошади, но они все-таки есть и составляютъ явленія крайне любопытныя. Викентій не относился къ числу тигристыхъ лошадей и именно по этому хотѣлъ онъ заручиться гувернанткою для входа въ барскій домъ, съ самыми благородными намѣреніями.

Разныя, разныя мысли роились въ головѣ Викентія и выкруживались изъ нея вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ. Не разъ уже находился онъ въ подобномъ выжидательномъ положеніи и, какъ полководецъ передъ сраженіемъ, не могъ опредѣлить, какъ и куда придется ему направить аттаку.

Предстоящее свиданіе было полемъ сраженія: свои войска онъ зналъ, но ни войскъ, ни расположенія противника не могъ предвидѣть и терялся въ различныхъ комбинаціяхъ.

Одна изъ этихъ комбинацій была чрезвычайно проста:

— А ну, какъ надуетъ, да не пріѣдетъ, думалъ онъ; вѣдь за обѣды-то заплатить придется. Глупо будетъ, очень глупо будетъ. Оно, пожалуй, и лучше бы было

не брюскировать Надрикову; отдѣлаться шуткою, сказать, напримѣръ, что и принесъ-то я любовную записку съ тѣмъ, чтобы показать ее... Мало-ли, что можно было сказать. Всему бы повѣрила!

Викентій пустилъ дымъ кольцомъ, направивъ его на уголъ стола. Воздухъ въ комнатѣ былъ совершенно спокоенъ и густое кольцо темно-сѣраго дыма такъ и попало на самый уголъ и расплылось по-верху и бокамъ скатерти.

Болѣе того, что сказано, Викентій о Надриковой не думалъ. Онъ ушолъ изъ дому рано и письма не получилъ.

По мѣрѣ ожиданія, все съ большею и большею ясностью начала рисоваться ему самая простая комбинація будущаго сраженія. Ударило пять часовъ, — ея нѣтъ. Она не придетъ и обѣдъ пропалъ...

Онъ ошибся: дверь отворилась и въ комнату вошла стройная женщина, подъ густымъ вуалемъ.

Офиціантъ почтительно остановился у дверей.

Викентій вскочилъ съ дивана, крикнулъ: „подавать“! и съ ловкостью военнаго человѣка, какимъ онъ былъ дѣйствительно, подошелъ къ вошедшей.

— Ну ужъ это могла я сдѣлать только для васъ, Викентій Ѳедоровичъ, сказала гувернантка, развязывая на шеѣ соболій боа.

Сказанное ею говорится рѣшительно всякою женщиною, готовящеюся отдать себя, и говорится рѣшительно всякому мужчинѣ.

— О! да неужели-же вы думаете, Вѣра Осиповна, что я не цѣню этого, подхватилъ Викентій и, схвативъ

боа, повернулъ его надъ головою своей гостьи, снялъ и бросилъ на каминъ.

И то, что отвѣтилъ Викентій, отвѣчается рѣшительно всякимъ мужчиною, рѣшительно всякой женщинѣ, готовящейся отдать себя.

— А я, по правдѣ, думалъ, что вы не придете, продолжалъ Викентій, нѣжно охвативъ правою рукою станъ гувернантки, и взявъ лѣвою ея лѣвую руку.

Такимъ образомъ повелъ онъ ее къ дивану, изображая, нѣкоторымъ образомъ, Фауста и Маргариту.

Оба сѣли на диванъ.

Подана была закуска, и обѣдъ начался и пошелъ обычнымъ порядкомъ.

— Я, дѣйствительно, думала не идти сюда, отвѣтила Вѣра Осиповна на послѣднія слова Викентія: но всетаки пошла.

— Благодарю васъ, благодарю... ну, дайте-же я вамъ ваши ручки согрѣю за это. Онѣ такія холодныя!

Викентій взялъ обѣ руки Вѣры Осиповны и началъ мять ихъ въ своихъ рукахъ.

Во время всей этой операціи онъ нѣжно глядѣлъ на нее, какъ бы дѣйствительно соболѣзнуя о холодѣ ея ручекъ, а она какъ бы вѣрила этой нѣжности. На самомъ дѣлѣ— оба обманывали. Къ операціямъ, въ родѣ только что названной, Викентій приступалъ только по уходѣ офиціанта.

Обѣдъ кончился, подали кофе и затопили каминъ. Офиціанту сдѣланъ былъ знакъ головою, чтобы онъ убирался, и офиціантъ, какъ бы сразу подобравъ всего себя, даже со своимъ духомъ включительно, проскользнулъ въ дверь и она захлопнулась.

— Послушайте, Вѣра Осиповна, началъ Викентій: —вотъ вы со мною наединѣ, вотъ и отдѣлены мы отъ всѣхъ, — при этомъ Викентій, какъ-бы случайно, щелкнулъ задвижкою двери: — а все-таки...

— Что вы дѣлаете, Викентій Ѳедоровичъ, воскликнула Вѣра Осиповна, перебивъ своего собесѣдника: — за чѣмъ это?

— Но развѣ вы не вѣрите мнѣ, Вѣра? Нѣтъ, вѣрьте мнѣ и объясните: почему это вы такъ робки со мною, такъ пугливы?

Викентій сѣлъ подлѣ Вѣры на диванъ. Въ головѣ у него шумѣло отъ излишне выпитаго вина; не безъучастна была въ обѣдѣ и Вѣра.

— Я не пугаюсь, но, вы понимаете, быть съ мужчиною, одной и въ такомъ мѣстѣ!!

Вѣра наклонилась къ плечу Викентія и закрыла лицо рукою. Викентій не замедлилъ тоже склониться къ ней и поцѣловалъ ее въ темя, въ голову.

— Не надо, прошептала Вѣра.

— О! подхватилъ Викентій: — могу-ли я знать теперь, что надо и что не надо...

Вслѣдъ за этимъ онъ разразился цѣлою тирадою, одною изъ тѣхъ общихъ и пошлыхъ тирадъ, которыя такъ-таки и напечатаны цѣликомъ въ любомъ романѣ или просто въ общихъ, легкихъ, дешевыхъ письмовникахъ.

Въ заключеніе Викентій увѣрялъ, пожирая Вѣру взглядами и какъ бы формуя ее своими собственными руками, что еще никогда, никогда не чувствовалъ онъ такого притока безкорыстной, искренней любви, что

никогда не чувствовалъ онъ подлѣ себя такой, изъ ряду вонъ, хорошей женщины, и что, вообще, онъ, отыскивая свой идеалъ, который, какъ это само собою разумѣется, отыскался въ Вѣрѣ, даже только-что бросилъ одну хорошую, очень хорошую женщину...

— Да ужъ не брякнуть-ли тутъ-же, подумалъ про себя Викентій, заключивъ тираду: что я хочу, молъ, для васъ, у васъ въ дому познакомиться,—однако, удержался и замолчалъ.

— Все это можетъ быть и правда, замѣтила Вѣра, но гдѣ доказательства?

— Что! доказательства, доказательства... гдѣ бы взять доказательствъ, подумалъ Викентій, гдѣ тутъ доказательства?—Постой-ка, дай высморкаюсь, тѣмъ временемъ, можетъ, найду доказательство, вѣдь такъ или иначе, а сморкаться людямъ надо, — и Викентій, справляясь съ платкомъ, продолжалъ:

— О, если бы мои глаза могли служить вамъ доказательствомъ. Если бы вы могли видѣть, какъ плакала эта женщина, какъ чуяла она, что счастливая и неизмѣримо выше ея стоящая соперница, лишаетъ ее меня... Но какихъ-же вамъ, ради Бога, доказательствъ? Да вѣдь можно-ли цѣловать, не любя, какъ цѣлую я васъ...

И вотъ, читатель, какъ просто и некрасиво зарождаются иногда будущія поколѣнія!...

Въ это время у дверей постучали.

Собесѣдниковъ обдало холодной водой.

— Это что такое? вскрикнулъ Викентій:—да я имъ тутъ за это камня на камнѣ не оставлю!

— Ради Бога, тише, проговорила Вѣра, оправляясь: — не пускайте сюда никого, прогоните ихъ.

Вѣра встала съ дивана и отошла въ сторону, за каминъ.

Викентій подошолъ къ двери.

— Кто тамъ? кого чортъ принесъ?

— Это я-съ, Викентій Ѳедоровичъ, — нужно-съ!

Викентій узналъ голосъ своего деньщика.

— Это мой деньщикъ, вѣроятно, что-нибудь по службѣ.

Дверь была полуотворена и Викентію подано письмо. Онъ тотчасъ узналъ почеркъ Васса.

Письмо это долго ѣздило вслѣдъ за нимъ, такъ какъ приказано было непремѣнно вручить его по принадлежности, а приказано было дворнику, доставлявшему уже много записокъ, которыми всегда очень дорожилъ Викентій. Деньщикъ не могъ не приложить старанія къ розыску и дѣйствительно розыскалъ его.

— Ага! подумалъ Викентій: — она мужа заставила просить пріѣхать; знаемъ мы и этотъ пріемъ.

Конвертъ былъ разорванъ. Письмо гласило слѣдующее:

„М. Г.

„Викентій Ѳедоровичъ!

„Причина, не совсѣмъ удобно передаваемая бумагѣ, побуждаетъ меня сдѣлать Вамъ вызовъ. Секундантъ мой явится къ Вамъ завтра.

„Вассъ Надриковъ.“

Прочтя письмо, Викентій взглянулъ на деньщика, потомъ опять на письмо, потомъ на Вѣру, и опять на

деньщика. Онъ не сразу сообразилъ всю эту неожиданность и стоялъ неподвижно и безмолвно.

Легкая туча прошла у него передъ глазами. Хотѣлось ему тоже, чтобы все это было шуткой.

— Что отвѣтить прикажете? Просили отвѣта, — заговорилъ деньщикъ.

— А? Что? да, . . я пришлю отвѣтъ.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ деньщикъ, повернулся и изчезъ за закрытою имъ дверью.

— Что это такое? спросила Вѣра, подойдя къ Викентію.

Она оперлась, сложенными какъ бы на молитву, руками на его плечо, подъ эполетъ и заглянула въ письмо.

— Что это такое? повторилъ Викентій, все еще не собравшись съ мыслями, и взглянулъ на Вѣру. — Это, проговорилъ онъ съ разстановкою и отбивая каждое слово: — это то доказательство, котораго ты просила. На, прочти!

Онъ передалъ ей письмо. Вѣра прочла его.

— Я не понимаю, я ничего не понимаю, проговорила она.

— Этотъ вызовъ идетъ отъ мужа той дамы, о которой я только что говорилъ тебѣ, отвѣтилъ Викентій, рисуясь передъ нею во весь ростъ своего рыцарскаго великодушія.

— А! произнесла Вѣра: — какъ фамилія? Надрикова, Надрикова... не встрѣчала.

У Викентія, какъ изволите видѣть, не хватило честности даже на то, чтобы избавить имя Надриковой отъ

участія въ той комедіи, которую онъ разъигрывалъ. Вѣдь ему теперь, менѣе чѣмъ когда-нибудь, нужно было беречь его, да онъ не берегъ его и до этого.

Онъ таскалъ это имя безсовѣстно и безпощадно давнымъ давно; онъ, какъ и громадное большинство салонныхъ мухоловов, требовалъ не только обладанія женщиною, нѣтъ — ему нужно было теребить и имя женщины. Донъ-Жуанъ носилъ списокъ своихъ любовницъ при себѣ, Синяя-борода пряталъ головы женъ въ шкапъ, у Викентія — имена женщинъ кишили на языкѣ и висли на ушахъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, всѣхъ чаявшихъ и нечаявшихъ его откровенности.

И мы бы солгали, сказавъ, что именъ этихъ было немного, и мы бы солгали еще больше, сказавъ, что между этими именами не слышались имена личностей порядочныхъ, къ числу которыхъ, безспорно, принадлежала Надрикова, и не могла принадлежать Вѣра.

— Такъ поцѣлуй-же меня, проговорила Вѣра: — теперь, больше чѣмъ прежде, хочу я твоего поцѣлуя.

— Да, отвѣтилъ Викентій: — всѣ вы женщины таковы. Возможность кровопусканія раззадориваетъ васъ, а нѣтъ того, чтобы пользоваться мирною свободою и безопасностью наслажденія. . .

На этотъ разъ Викентій не лгалъ. Онъ, дѣйствительно, страдалъ правдою высказанной имъ мысли.

— Конечно, думалось ему: — Вассъ соперникъ не опасный, но вѣдь пуля дура, да и зачѣмъ было не довольствоваться мирнымъ и безопаснымъ наслажденіемъ, подъ сѣнью того теплаго будуара, который я такъ любилъ?

Вѣра сильно ошиблась, разсчитывая на возбужденіе

прежняго огня и рѣчистости Викентія. Онъ точно поледенѣлъ.

Стушевались въ немъ сразу и планы на женитьбу, и Вѣра, и только что завершонный успѣхъ. Онъ спросилъ у официанта счетъ и сталъ опоясывать саблю.

— Когда-же мы увидимся? спросила Вѣра.

— Я напишу тебѣ.

— Скоро?

— На дняхъ напишу.

Черезъ десять минутъ въ нумерѣ стало пусто; онъ былъ приведенъ въ порядокъ и ждалъ, потемнѣвъ съ наступавшею ночью, другихъ посѣтителей и не менѣе поучительныхъ сценъ, чѣмъ та, которой только что былъ онъ свидѣтелемъ и къ которымъ привыкъ отъ рожденія.

Глава VII.

Теперь мы пригласимъ читателя присутствовать при одной весьма оригинальной сценѣ, въ которой два человѣка, заявляя себя противниками извѣстнаго образа дѣйствія, послѣ произнесенія извѣстнаго количества общихъ, подходящихъ фразъ, всецѣло отдаются этому образу дѣйствія.

Это явленіе довольно обыкновенное и въ немъ проявляется то именно великое, гражданское мужество, избыткомъ котораго мы преисполнены и которымъ цвѣтемъ и зиму и лѣто, подобно тому, какъ цвѣтутъ, только лѣтомъ, мирныя поверхности нашихъ прудовъ — яркою зеленью ряски.

Милости просимъ въ комнату Ивана Артамоновича Челаева.

Комната эта въ отдаленной части города и составляетъ четвертую часть квартиры, занимаемой Челаевымъ. На диванѣ сидитъ хозяинъ; подлѣ него, глубоко въ креслѣ, — Вассъ Оровичъ Надриковъ.

Кругомъ стола и подъ стульями сидятъ и лежатъ цѣлыхъ пять собакъ. Между ними нѣтъ ни одной охотничьей. Собаки эти только что успокоились и покончили лай и ворчанье свое на гостя.

Оба собесѣдника заняты весьма серьознымъ дѣломъ: Вассъ проситъ Челаева быть его секундантомъ на предстоящей дуэли. Челаевъ, послѣ недолгихъ преній, соглашается.

Судить о Челаевѣ по той комнатѣ, въ которую мы ввели читателя, очень трудно, хотя, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, это не невозможно, и первое, что бросалось въ глаза, при входѣ въ нее, кромѣ собакъ, это — громадные размѣры хозяина и цѣпь мироваго судьи, лежавшая передъ нимъ на столѣ, рядомъ съ нагайкою.

Иванъ Артамоновичъ дѣйствительно былъ мировымъ судьею одного изъ самыхъ отдаленныхъ участковъ столицы; онъ кончилъ петербургскій университетъ лѣтъ двадцать назадъ, побывалъ въ разныхъ министерствахъ и нигдѣ не усидѣлъ.

Иванъ Артамоновичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, Богъ ихъ знаетъ почему, составлены изъ фальшфейеровъ и сюрпризовъ и являютъ собою прямое опроверженіе нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ, ходячихъ правилъ, какъ, напримѣръ, того: что всякая причина имѣетъ свои послѣдствія; что

всякой формѣ соотвѣтствуетъ извѣстное содержаніе; что лицо есть зеркало души, и что Сенька носитъ непремѣнно свою шапку, а не чью-либо другую.

Что касается до формы, — то формы Ивана Артамоновича были, какъ сказано, самыя грандіозныя. Чуть не съ косую сажень ростомъ, имѣя аршинъ въ плечахъ, Челаевъ обладалъ огромными ногами и пальцами рукъ такихъ размѣровъ, что готовыхъ перчатокъ, въ продажѣ, для него въ Петербургѣ не было, можетъ быть, нашлись бы въ Москвѣ. Величина ногъ и пальцевъ была наслѣдственна у Челаевыхъ.

Не смотря на эти размѣры, Челаевъ ни силою, ни здоровьемъ не отличался; у него былъ хроническій катарръ желудка, а мускулы замѣнялись жиромъ. Это былъ первый сюрпризъ.

Далѣе: обладая огромною головою, поросшею сильными, чорными, жосткими волосами, нося на лицѣ своемъ, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, чрезвычайно густую бороду, выразительные усы и брови, имѣя глаза темные и безпокойные, — Иванъ Артамоновичъ, при всемъ томъ, обладалъ такимъ тоненькимъ, теноровымъ голоскомъ, что ничего не могло быть страннѣе, какъ слышать этотъ голосъ выходящимъ изъ такого почтеннаго помѣщенія, какое представляла собою вся фигура Челаева. Это былъ второй сюрпризъ.

Относительно того, что Челаевъ служилъ опроверженіемъ аксіомы, будто: между причинами и послѣдствіями существуетъ необходимая связь, — лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что Челаевъ попалъ въ мировые судьи.

Въ мировые судьи Челаевъ положительнѣйшимъ образомъ не годился. Онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ задатковъ той выдержки, которая одна даетъ судьѣ возможность терпѣливо выслушивать ту великую чушь, съ которою, зачастую, являются къ нему тяжущіеся. При разборѣ какого-либо дѣла онъ, съ первыхъ словъ, принималъ сторону того, кто казался ему правымъ и, поэтому, зачастую, ошибался.

Ни у одного изъ судей не было столько кассированныхъ съѣздомъ рѣшеній, какъ у Челаева. То — не спросилъ онъ нужнаго свидѣтеля, то — обошолъ такую-то статью уложенія о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. . .

Мы бы солгали, сказавъ, что частыя кассаціи его рѣшеній были возстановленіемъ здраваго смысла. Напротивъ того: большинство этихъ кассацій возстановляло только формальную сторону процесса, нарушенную Челаевымъ, что доказывало несовершенство самаго устава о мировыхъ судьяхъ, сохранившаго нѣкоторыя особенности старыхъ порядковъ и засореннаго, до поры до времени, памятью нынѣ забытыхъ, приснопамятныхъ учрежденій.

Тѣмъ не менѣе, можно было безъ ошибки полагать, что на слѣдующее трехлѣтіе Челаевъ едва-ли будетъ снова выбранъ мировымъ судьею.

Къ числу весьма рѣзкихъ особенностей Челаева, тоже относившихся къ тѣмъ сюрпризамъ, изъ которыхъ была сложена вся его личность, должно отнести ту щепетильную вѣжливость, то уваженіе его къ обычаямъ, къ „принятому“ въ обществѣ, ту необычайную, до

смѣшнаго доходившую, чистоплотность его, — онъ мѣнялъ по три рубашки въ день, — которые рѣшительно не гармонировали съ впечатлѣніемъ силы, энергіи и неуклюжести, которое онъ производилъ. Еще менѣе гармонировала съ чистоплотностью страсть Челаева къ собакамъ. Страсть эта замѣняла у него всѣ другія, и нѣжность его къ „Джону" или „Джеммѣ", двумъ красивѣйшимъ представителямъ его собакъ, была самая искренняя, самая родительская.

Въ основаніи души своей Иванъ Артамоновичъ былъ человѣкомъ глубоко честнымъ и, даже, добрымъ, но ничьею рѣшительно любовью онъ не пользовался, да и не могъ пользоваться.

Вамъ такъ и чуялось, что вы имѣете дѣло съ какимъ-то обманомъ, съ какою-то трясиною, въ которую можете провалиться, съ призраками того, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Передъ вами былъ великанъ, говорившій голоскомъ карлика; мировой судья, котораго коробило, когда стоявшій передъ нимъ мужикъ, обвинявшійся въ прошеніи милостыни, почесывалъ спину... Это впечатлѣніе лживости не покидало васъ ни на минуту, пока вы оставались въ обществѣ Челаева и ничего не будетъ удивительнаго, если мы прибавимъ, что Челаевъ былъ раздражителенъ, нервенъ, говорилъ немного и выѣзжать въ свѣтъ не любилъ.

Онъ не продѣлалъ въ жизни ни одного романа и поступилъ совершенно предусмотрительно, рѣшивъ, разъ на всегда, остаться холостякомъ.

Надриковъ и Челаевъ были товарищами по университету.

Они сблизились по той именно причинѣ, что оба не сближались рѣшительно ни съ кѣмъ. При первой мысли о необходимости прiисканiя секунданта, Вассъ тотчасъ-же вспомнилъ о Челаевѣ. Мы говоримъ вспомнилъ, потому что Челаевъ давно пересталъ бывать у Васса. Онъ зналъ отношенiя Надриковой къ Викентiю и не могъ безъ досады видѣть слабость и безпомощность своего прiятеля; не желая быть свидѣтелемъ всей этой исторiи, онъ предпочелъ не бывать у Надриковыхъ и, дѣйствительно, не бывалъ.

И такъ, наши прiятели заняты были разговоромъ.

Получивъ всѣ необходимыя свѣдѣнiя о причинѣ вызова и ходѣ всего дѣла, Иванъ Артамоновичъ почелъ своею обязанностью принять предложенiе и мы вводимъ читателя въ его комнату, какъ разъ въ минуту приличнаго этому случаю разсужденiя.

— Я, братецъ ты мой, говорилъ Челаевъ: — принимаю, принимаю, потому что долженъ, — но, скажи ты мнѣ на милость: вѣдь все это выходитъ ужасно глупо.

— То есть, что именно глупо? что я вызвалъ?

— Нѣтъ, ты долженъ былъ вызвать, но только ты не долженъ былъ дѣлать этого по просьбѣ жены; надо было раньше.

— Да, это дѣйствительно странно, я согласенъ съ тобою, проговорилъ Вассъ: — но что-же мнѣ было дѣлать?

— Что было дѣлать? что дѣлать?

На этихъ словахъ Челаевъ задумался. Ему и самому было бы очень интересно объяснить себѣ, что бы онъ сдѣлалъ въ подобномъ случаѣ. Но объясненiе это не давалось.

— Не надо было допускать, проговорилъ онъ неожиданно.

— Да, конечно, не надо было, отвѣтилъ Вассъ.

— А если уже случилось, такъ подать къ мировому, да и дѣлу конецъ.

— Къ мировому? почти вскрикнулъ Вассъ и опѣшилъ передъ неожиданностью и новостью мысли, опѣшилъ почти также, какъ въ ту минуту, когда жена сама погнала его на дуэль.

— Нѣтъ, я шучу, поторопился сказать Челаевъ: — шучу. Ты сдѣлалъ лучше: ты мироваго въ секунданты берешь и этотъ мировой идетъ, ей Богу идетъ. Я пойду, и это рѣшено. Я, братецъ ты мой, дуэль въ принципѣ признаю, хотя она неоспоримо глупа, глупа и глупа, но есть случаи, гдѣ она необходима, и твой случай изъ такихъ. Не укладывается только у меня въ головѣ: какъ это пришлось тебѣ драться съ любовникомъ жены, не за то, что онъ любовникъ, а за то, что онъ былъ ей, твоей женѣ, невѣренъ? Вотъ гдѣ курьозъ и тутъ есть какая-то фальшъ, непремѣнно фальшъ.

— Знаешь-ли что, отвѣтилъ Вассъ, слегка покраснѣвъ: — знаешь-ли что, я беру свою просьбу назадъ. Я обращусь къ кому-нибудь другому.

— Вассъ! проговорилъ Челаевъ и заколыхался всѣмъ своимъ тѣломъ, видимо уязвленный: — Вассъ — не ври. Глупо.

Чего такъ испугался Челаевъ, какого призрака? Въ простыхъ, ясныхъ и совершенно подходившихъ къ случаю словахъ Васса, замерещилось Челаеву что-то обидное, сильное, пугающее и онъ сразу отступилъ отъ

всѣхъ своихъ траншей, при одной мысли отдѣлаться отъ секундированія.

Для насъ съ вами, читатель, какъ для людей совершенно постороннихъ, ясно, что и Челаевъ и Вассъ, которыхъ ни къ глупымъ, ни къ необразованнымъ людямъ причислить было нельзя, подчинялись, въ ту минуту, которую мы описываемъ, какимъ-то совершенно скрытымъ, тайнымъ пружинамъ и являлись слѣпыми исполнителями рѣшеній невидимаго ареопага, рѣшеній нигдѣ неписанныхъ, но неумолимыхъ, драконовскихъ и, какъ казалось имъ, вполнѣ яснымъ.

Въ тихую комнату, въ разговоръ, съ глазу на глазъ, двухъ пріятелей, съ ловкостью шпіона проникалъ и подстерегалъ ихъ, такъ-называемый, общественный судъ и глядѣлъ милліонами невидимыхъ, но чувствуемыхъ глазъ, какъ бы говоря: „берегитесь, я тутъ и вы мои!!“ И оба собесѣдника сознавали, что они его.

Дальше было еще глупѣе.

— А ты стрѣлять умѣешь? спросилъ Челаевъ.

— Нѣтъ.

— И я не умѣю. Такъ нужно учиться.

— Да, нужно...

— Но, есть-ли въ тебѣ, спросилъ Челаевъ: — чувство злобы къ Викентію, есть-ли въ тебѣ желаніе, этакъ, придушить его?

— Нѣтъ, я къ нему ничего не чувствую.

— Такъ плюнь на все это дѣло.

— А жена?

— Да, жена. Ну, а ее ты любишь? Сильно любишь? Безъ нея жить не можешь?

— Могу-ли я жить безъ нее, объ этомъ я не думалъ, но любить — люблю. Привыкъ.

— Ну, а чувство злобы къ тому, что другой, кромѣ тебя, обладаетъ ею?

— Это — скверное чувство.

— Оно есть?

— Есть.

— И тебя не тянетъ задушить Викентія, своими руками задушить?

— Нѣтъ, не тянетъ.

— Такъ зачѣмъ-же драться? Отдай ее ему...

— Не могу, перебилъ Вассъ Челаева, и сложилъ руки на груди.

— Значитъ, драться?

— Драться.

— Тьфу! какая мерзость... А нужно, нужно, иначе нельзя. Но, можетъ быть, можно уѣхать вмѣстѣ съ нею, время поможетъ, забудется?

— Она не поѣдетъ.

— Ты думаешь? Но, можетъ быть, поѣдетъ, — вѣдь ты не говорилъ?

— Объ этомъ и говорить нечего, я впередъ знаю.

— Такъ уѣзжай ты одинъ.

— А что-же я съ собою сдѣлаю?

— Уѣзжай, Вассъ. Ей-ей уѣзжай. Ужасно, братецъ ты мой, глупо сложилась вся эта штука: драться съ любовникомъ жены за то, что любовникъ этотъ былъ женѣ невѣренъ? Тьфу! Я понимаю дуэль — но не эту! Нѣтъ, воля твоя, но я этого не извариваю. Такъ какъ здѣсь оставаться нельзя, это ясно; драться на дуэли,

такъ какъ это приходится, глупо; къ мировому подать — невозможно; разъѣхаться ты не можешь... а что-нибудь все-таки нужно дѣлать, такъ уѣзжай. Лучше всего, по моему, не говоря никому, ничего, уѣхать, какъ-будто по дѣламъ, что-ли; а тамъ посмотрѣть, что будетъ. Уѣзжай Вассъ!! докончилъ Челаевъ, уже поднявшись на ноги и готовясь выйти изъ-за стола, чтобы ходить по комнатѣ.

Задвигались и собаки, и замахали хвостами.

— Да не могу я ѣхать, жалобно и изъ глубины души отвѣтилъ Вассъ: — ну что-же я съ собою сдѣлаю? а ребенокъ?

Онъ опустилъ голову и глядѣлъ на полированную поверхность стола, въ которой, къ низу головою, отражался стоявшій передъ нимъ Челаевъ.

— Не могу я ѣхать! Во-первыхъ, куда? Ну, положимъ, я уѣду; ну что-жъ тогда... Пріѣду куда-нибудь, въ Италію, что-ли, — никого не знаю, встану по утру, напьюсь кофе... ну, а потомъ что? Положимъ, пойду гулять, положимъ, знакомаго встрѣчу, положимъ, разговорюсь... ну, а потомъ что? Вѣдь я привыкъ къ тому, что у меня есть, я къ людямъ привыкъ, къ стѣнамъ привыкъ, къ ней привыкъ, ребенокъ мой... Нѣтъ, объ этомъ лучше и не думать, лучше подъ пулю, ей Богу лучше... Не поѣду.

Послѣднія слова Вассъ проговорилъ необыкновенно энергично, но съ легкимъ дрожаніемъ губъ и чуть не сквозь слезы.

Не трудно было видѣть, по той горячности, съ которою онъ ратовалъ противъ мысли объ отъѣздѣ, что эта

мысль была не новая и уже и самому ему приходила въ голову, что она даже тянула его къ себѣ, что онъ боролся противъ нея и осилилъ. Отвѣчая Челаеву, онъ, нѣкоторымъ образомъ, повторялъ себя.

Дѣйствительно, для Васса уѣхать, порвать связь съ прошедшимъ, съ привычками; со стуломъ, на которомъ онъ сиживалъ въ своемъ кабинетѣ, съ окномъ, въ которое привыкъ глядѣть на висѣвшій за нимъ термометръ; съ женой, которая дала ему возможность свыкнуться съ мыслью о томъ, что онъ мужъ, потому что нельзя-же быть мужемъ, не имѣя жены; съ извѣстными часами служебныхъ занятій... было невозможностью. Привычки Васса были его жизнью, и внѣ своихъ привычекъ онъ жизни не признавалъ, да ея и не было для него.

Что касается до Челаева, начавшаго широко шагать по комнатѣ, то, подговаривая своего пріятеля къ отъѣзду, онъ поступалъ совершенно согласно своимъ взглядамъ и правиламъ; Челаевъ не могъ понять: какъ это, святое право дуэли, могло быть скомпрометировано до такой степени, какъ это вышло съ дуэлью Васса. Ему хотѣлось спасти принципъ, во что бы то ни стало и, предлагая Вассу уѣхать, онъ дѣлалъ это предложеніе совершенно искренно.

— Да хоть бы ты, сказалъ онъ Вассу въ отвѣтъ на его отказъ ѣхать: — хоть бы ты иначе дуэль устроилъ. Выпало драться за жену, такъ скрыть бы причину, придраться къ противнику на улицѣ, за цвѣтъ его лица придраться, что-ли, а не такъ... Ну, что мы людямъ скажемъ?

— Было мнѣ время думать.

— Этакую, подумаешь, хорошую, честную вещь, какъ дуэль, проговорилъ Челаевъ, — да такъ испакостить! Это ни на что не похоже. Гдѣ-же онъ живетъ, Викентій-то?

— У Измайловскаго моста, домъ № 5.

— На чемъ-же ты драться хочешь?

— Все равно.

— Такъ это ты мнѣ предоставляешь?

— Тебѣ.

— Ладно. Я ѣду сегодня-же.

— Спасибо тебѣ, отвѣтилъ Вассъ — и, отодвинувъ свое кресло отъ стола, поднялся медленно и какъ бы не хотя. Принятіе секундированія Челаевымъ, было, все-таки, ступенью къ дуэли и дуэль на нѣсколько процентовъ стала неизбѣжнѣе. Вассъ былъ радъ этому.

Оба собесѣдника стояли у стола, раздѣлявшаго ихъ, и, нѣкоторое время, молча глядѣли другъ на друга; оба они дошли до геркулесовыхъ столбовъ своего разговора и не знали, что и какъ имъ дѣлать дальше; оба они, съ математическою точностью, отражались въ лакированной поверхности стола и, уставивъ глаза другъ на друга, занимались созерцаніемъ... Ясно было, что говорить было не о чемъ, оставалось приступить къ какому-нибудь дѣйствію.

Какое-же это могло быть дѣйствіе? до дуэли далеко, а нельзя-же, вплоть до самой дуэли, стоять, какъ они стояли другъ противъ друга и отражаться въ лакированной поверхности стола? Нельзя, тоже, назвать устремленіе взглядовъ — дѣйствіемъ...

И вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла,

точно сговорившись, Челаевъ и Вассъ, одновременно, приходятъ въ движеніе, одновременно обходятъ столъ, одинъ вправо—другой влѣво, одновременно поднимаютъ, каждый изъ нихъ, обѣ руки, одновременно тянутся эти руки на встрѣчу однѣ другимъ и увлекаютъ за собою своихъ властителей...

Объятіе сложилось классическое, внушительное.

Вассъ утонулъ въ охабкѣ Челаева и, даже, приподнялся на цыпочки, а собаки, бѣгая подлѣ, замахали хвостами сильнѣе прежняго; Челаевъ принялъ въ себя Васса и свѣсился надъ нимъ... Это было дѣйствительнымъ дѣйствіемъ... Вассъ, просто на просто, хрустнулъ подъ наплывомъ челаевской нѣжности и дальнѣйшій разговоръ на ту-же тему сталъ не нуженъ.

Объятіе разрѣшилось, или, лучше сказать, лопнуло поцѣлуемъ.

Отъ указаній того, что слѣдовало за поцѣлуемъ, мы воздержимся.

Пріятели условились о времени и мѣстѣ слѣдующаго своего свиданія. Въ назначенный часъ видѣлись они; привели въ ясность необходимыя для дуэли условія; Челаевъ ѣздилъ къ Викентію, видѣлся съ его секундантами; Вассъ побывалъ нѣсколько разъ на стрѣльбищѣ и научился отличать дуло отъ курка пистолета.

Условленный день наступилъ.

Глава VIII.

Это было шесть дней спустя послѣ описанной нами бесѣды Челаева съ Вассомъ, лопнувшей поцѣлуемъ, разрѣшившимъ ихъ объятіе.

Часу въ четвертомъ утра, у подъѣзда квартиры Надриковыхъ стояла четырехмѣстная извощичья карета. Въ каретѣ сидѣлъ, ожидая Васса, — Челаевъ. П редъ нимъ, на скамейкѣ, стоялъ ящикъ съ пистолетами.

Надрикова совсѣмъ не спала эту ночь.

Вассъ тоже не ложился и, даже, не заходилъ въ спальню, а просидѣлъ всю ночь въ кабинетѣ. Онъ привелъ въ порядокъ бумаги. Много и долго ходилъ по комнатѣ; побывалъ нѣсколько разъ у сына, крестилъ его, цѣловалъ. . . .

Удивленная этими визитами мамка почла за лучшее не ложиться и сидѣла подлѣ люльки, штопая чулки.

Едва только, въ третьемъ часу утра, началъ собираться Вассъ въ дорогу, и Надрикова, догадывавшаяся еще съ вечера, что утро слѣдующаго дня будетъ утромъ поединка, услыхала шумъ и сборы его, она почувствовала себя не хорошо и по глазамъ ея, глядѣвшимъ въ темноту ночи, пошли какія-то блестки.

Послѣдніе дни были для нея днями тяжкаго испытанія. Нервы ея раздражились до крайнихъ предѣловъ. Мужъ почти не говорилъ съ нею совершенно, былъ холоденъ и сдержанъ, и именно эта полная невозможность поговорить съ кѣмъ бы-то ни было и отвести душу, повліяла весьма сильно на состояніе ея нервной системы.

Чего, чего не перебывало у нея въ головѣ и одна изъ мыслей, посѣщавшихъ ее наиболѣе часто, была слѣдующая: помѣшать дуэли тѣмъ или другимъ способомъ.

Такъ и теперь. Замѣтивъ приближеніе отъѣзда Васса — Надрикова встала съ постели и, набросивъ пеньюаръ, вышла за занавѣску и сѣла на диванъ.

— Теперь еще есть время остановить, думала она: вѣдь онъ ѣдетъ, онъ можетъ не вернуться?! и за что-же это ему? за меня! За меня, за такую, какова я есть... нѣтъ, надо остановить.

Надрикова, не зажигая свѣчи, вышла въ гостинную, перешла къ залѣ и остановилась у порога. Въ полураскрытую дверь прихожей, широкою полосою, ложившеюся по паркету, по стѣнѣ и по потолку, сіялъ свѣтъ свѣчи, стоявшей за дверью.

Надрикова слышала очень хорошо ходьбу Васса и шаги человѣка. Разговора не было между ними. Слышала она и то, какъ пошолъ Вассъ къ сыну, прощаться.

Медленно опустилась она на подлѣ стоявшій стулъ и рѣшилась-было, дождавшись возвращенія мужа изъ дѣтской, выйти къ нему и удержать. Но рѣшеніе это немедленно обратилось въ дымъ и въ тысячный разъ злоба оскорбленной женщины вытѣснила тѣ чувства сожалѣнія, страха и чести, которыя заговорили въ ней. Она была разбита и истерзана, и хотѣла только, чтобы все это кончилось, такъ или иначе.

Тѣмъ временемъ снова раздались шаги Васса и, за нимъ, человѣка.

— У меня на столѣ, говорилъ онъ ему, голосомъ довольно твердымъ, хотя и не громко,—лежитъ пакетъ. Ты отдашь его завтра барынѣ, если я не вернусь къ завтраку.

— Слушаю съ.

— Вотъ это письмо, передашь ты ей вмѣстѣ съ нимъ и скажешь, что я скоро вернусь, что я къ обѣду буду дома.

— Слушаю-съ.

— Ну, прощай-же, да береги домъ.

Надрикова слышала весь этотъ разговоръ съ полною ясностью; слова мужа такъ и отчеканивались въ ея ушахъ.

— Неужели-же, подумала она: —не зайдетъ онъ проститься со мною. Неужели-же такъ-таки ни слова не скажетъ онъ мнѣ? Но, что-же говорить ему и что я для него?

Повернулся замокъ въ двери, открылась дверь, послышался стукъ прихлопыванья калошъ; Вассъ и человѣкъ вышли на лѣстницу, при чемъ послѣдній взялъ свѣчу и глубокая темнота водворилась въ залѣ. . .

— Еще есть время . . . остановлю его . . . я должна остановить . . . я могу сбѣжать по лѣстницѣ . . . я могу закричать въ форточку! . .

Надрикова встала со стула, но ноги ея налились свинцомъ и не слушали своей хозяйки. . .

Вскорѣ, вслѣдъ за этимъ, раздался скрыпъ отъѣзжавшей кареты и рѣшеніе, только что находившееся въ ея рукахъ, судьба, которой она была хозяйкою — выскользнули изъ рукъ и никакой физической возможности воротить и помѣшать — не представлялось.

Куда направилась карета, было ей совершенно неизвѣстно... Наступали долгіе часы томительнаго ожиданія.

Надрикова вернулась въ спальню, сѣла на диванъ и задумалась. Ей было о чемъ подумать!

Связь ея съ Викентіемъ относилась къ числу тѣхъ связей, о которыхъ думаютъ послѣ того, что онѣ совершились.

Трудно сказать, какихъ связей въ обществѣ больше: тѣхъ-ли, которымъ предшествуетъ разсужденіе и борьба, или тѣхъ, за которыми они слѣдуютъ? Есть, конечно, и третій родъ связей, о которыхъ вовсе не думаютъ; нѣчто въ родѣ начала такой связи видѣли мы между Викентіемъ и Вѣрою Осиповною, — но объ нихъ долго говорить нечего и психологическаго интереса не представляютъ онѣ никакого.

Иначе съ тѣми связями, о которыхъ думаютъ, которыя служатъ основаніемъ борьбы.

Какъ это случилось, что Надрикова отдалась Викентію, она этого и сама не понимала. Пустенькая и не-

опытная, какъ и большинство молодыхъ женщинъ, почуяла она себя, выйдя замужъ, оперившеюся. Судьба дала ей мужа добраго, простаго, носившаго халатъ, шлепавшаго туфлями и давившагося куриными косточками, и судьба-же дала ей двоюроднаго брата, со шпорами, свободно ходившаго къ ней въ домъ и когда-то игравшаго съ нею въ лошадки. Кромѣ того, та-же судьба дала ей и средства, и удобства въ жизни; на глазахъ ея совершались десятки любовныхъ продѣлокъ и ни къ чему страшному онѣ не приводили. Въ обществѣ, въ кружкахъ, которые она посѣщала, люди пальцами указывали, что, вотъ, такая-то живетъ съ такимъ-то, а вотъ эта съ этимъ, и никто ими не гнушается, да и не должно этого дѣлать, и нельзя ставить этихъ отношеній въ строку.

Кромѣ того, и это очень важно, никогда и никто рѣшительно, ни мать, ни отецъ, ни учитель въ пансіонѣ, никогда, даже намеками, не дали знать ей о томъ, что нужно-же отличать людей. Она знала только Ивановъ Петровичей, Петровъ Ивановичей, офицера и статскаго, блондина и брюнета, хорошо знакомыхъ и шапочно знакомыхъ, а больше ничего она не знала.

Выходя замужъ за Васса, видѣла она въ немъ недурную наружность, порядочныя средства и большую робость въ обращеніи, на что добрые родные обратили особенное вниманіе, сказавъ, что она будетъ мужа въ рукахъ держать. Все это ей нравилось и она стала госпожей Надриковой, стала даже матерью; но, такъ какъ мирная и тихая жизнь не вызывала ее ни на какія разсужденія, то и была она женою, совершенно не-

знавшею мужа и никогда бы и не узнала его, если бы не особенныя обстоятельства.

Совершенно этотъ-же масштабъ перенесла она и на Викентія. Если, такъ казалось ей, самое важное, бракъ удался мнѣ, хотя я и не думала о немъ, — то что-же тутъ думать объ остальномъ, о мелкомъ? Вѣдь я счастлива, такъ я и буду счастлива. Подвернулась этакая удобная минута, сказано было нѣсколько болѣе или менѣе подходящихъ словъ, было даже очень весело, приходилось много смѣяться, на дворѣ было свѣтло... Надрикова не успѣла и призадуматься, какъ имѣла уже любовника.

Это положеніе было для нея такою новостью, чѣмъ-то такимъ неожиданнымъ, происшедшимъ, какъ бы не въ ней самой, явленіемъ, что когда на утро слѣдующаго дня она проснулась, то вспомнила о совершившемся не непосредственно раскрывъ глаза, а минуты двѣ спустя...

— Неужели-же я имѣю уже любовника? сказала она себѣ. — Имѣю, имѣю — отвѣтилъ ей внутренній голосъ, и она, съ какою-то странною гордостью, подошла къ зеркалу, чтобы посмотрѣть на себя.

Она была блѣднѣе обыкновеннаго и глаза немного помутились. Эта гордость, при сознаньи красоты, о чемъ только-что сказало ей зеркало, стала еще сильнѣе, когда явился передъ нею Вассъ, въ халатѣ и ермолкѣ, и пожелалъ ей добраго утра... Онъ показался ей совершеннымъ полишинелемъ и она даже удивилась, какъ это она до сихъ поръ еще не замѣтила, что ея мужъ небольше, какъ — полишинель!

Дни бѣжали за днями. Ни Викентій, ни Вассъ не были, казалось, изъ тѣхъ людей, что могли бы потревожить радужность ея свѣтлаго существованія и оно шло въ розовомъ свѣтѣ, и не грозило никакими перемѣнами. Правда, были кое-какіе намеки, этакіе раскаты далекой грозы, чуть-чуть доносившіеся, но они тотчасъ-же изчезали. Къ числу такихъ непріятныхъ намековъ относился, напримѣръ, Челаевъ и прекращеніе его посѣщеній.

Челаевъ очень хорошо видѣлъ настоящее положеніе дѣла и нерѣдко давалъ чувствовать себя весьма и весьма непріятно. Онъ, напримѣръ, послѣ обѣда всегда оставался въ будуарѣ, когда бывалъ Викентій, и никогда не являлся въ будуаръ, когда его не было. Еще непріятнѣе было Надриковой то, что Челаевъ зачастую продергивалъ Викентія, что, по правдѣ, было не трудно, и на что Викентій, рѣзкій и грубый съ Вассомъ, отвѣчалъ всегда уклончиво и осторожно.

Это, и именно послѣднее, особенно не нравилось Надриковой! Но Челаевъ, видя полнѣйшую невозможность поправить дѣло, почти прекратилъ свои посѣщенія и хозяйка радовалась этому и устанавливалась все болѣе и болѣе въ той увѣренности, что жить на свѣтѣ безконечно легко, надо только умѣть жить и не быть серіозною.

— Замѣтилъ-ли ты, сказала она однажды Викентію: — что Челаевъ почти пересталъ къ намъ ходить.

— Замѣтилъ-ли я? спросилъ Викентій, вытягиваясь въ креслѣ и принимая къ себѣ на колѣно Надрикову.

— Да. Его уже двѣ недѣли не было.

— А ты рада этому?

— Очень.

— Ну, такъ я тебѣ скажу: это я сдѣлалъ... У насъ съ нимъ былъ разговоръ... Мы поговорили...

— Съ нимъ, обо мнѣ?

— Нѣтъ. О такихъ вещахъ прямо не говорятъ, возразилъ Викентій: — но косвенно.

— Какъ это косвенно?

— Ну, да, я далъ ему понять, что люди, стоящіе на дорогѣ... понимаешь?

— То есть, я все-таки не понимаю, проговорила Надрикова, значитъ, онъ стоялъ на дорогѣ къ чему нибудь, ко мнѣ, значитъ?

— Да нѣтъ же, отвѣтилъ Викентій, начиная путаться и затрудняясь въ томъ, что и какъ сказать. Я затѣялъ разговоръ о предметѣ постороннемъ, не помню, о чемъ, ну и показалъ, что я изъ тѣхъ людей, что шутокъ не любятъ... Понимаешь?

— Понимаю, понимаю. Не сердись, мой милый, мой золотой, отвѣчала Надрикова, и крѣпко, крѣпко поцѣловала Викентія.

Считаемъ своею обязанностью сказать, что Викентій лгалъ и лгалъ жестоко.

Никакого такого разговора онъ съ Челаевымъ не затѣвалъ, да еслибы такой разговоръ и выдался самъ собою, то онъ, Викентій, конечно, повернулъ бы его совсѣмъ въ другую сторону.

— Неужели-же ты думала, ты могла думать, говорилъ Викентій, что я когда нибудь и во вѣки вѣковъ, произнесу твое имя?

— Нѣтъ, мой другъ, я не думаю этого, возразила Надрикова:—но, вѣдь, можетъ-же случиться какъ-нибудь. Вѣдь, когда кого-нибудь любишь, такъ и думаешь объ немъ... Да и самъ ты, помнишь, вѣдь ты назвалъ мнѣ ту, послѣднюю, помнишь?

— Ахъ да, то было совсѣмъ другое; какое-же сходство между ею и тобою?

— Видишь-ли, продолжала Надрикова: —я смотрю на эти отношенія такъ, что ихъ должна покрывать глубокая тайна, глубокая тайна. . . Ты говоришь мнѣ, что я страстна съ тобою, что я лучше всѣхъ женщинъ въ мірѣ умѣю цѣловать тебя, но знаешь-ли ты, почему это?

— Почему? сказалъ Викентій, проглотивъ зѣвокъ, пробиравшійся наружу и стиснувъ руку Надриковой.

— Потому, что наши отношенія тайна, только по этому. Съ тобою я рѣшительно во всемъ другая, чѣмъ съ другими, такъ и въ этомъ я должна быть другая, я сознаю это. Со всѣми я холодна, чопорна, сдержанна— съ тобою!... я вся твоя, да, вся!... и въ этомъ столько счастья, столько, что большаго и желать нельзя!

Какъ бумажный болванъ, который служитъ въ парикмахерскихъ для дѣланія париковъ, сидѣлъ Викентій и слушалъ Надрикову.

Ни одной мозговой нити не пошевельнули въ немъ слова молодой женщины, готовой распуститься, подуй только на нее теплый вѣтеръ и взгляни солнце, пышнымъ и роскошнымъ цвѣткомъ. Викентій былъ не солнцемъ, а печкой, подобно тому, какъ Вассъ былъ для нея не теплымъ вѣтромъ, а какою-то сонною тягою соннаго воздуха.

Въ только-что приведенныхъ словахъ Надриковой, какъ и въ большинствѣ ея разговоровъ съ Викентіемъ, каждое слово заключало въ себѣ вопросъ, каждая мысль способна была къ развитію, стоило только прислушаться къ нимъ, и брызнуть живою водою на эту почву, едва не колебавшуюся отъ запасовъ таившейся въ ней жизни, и полную безконечнаго желанія пользоваться ею.

Хотя Надрикова, какъ сказано, успѣла уже сдѣлаться и женою, и матерью, и любовницею, но все это продѣлала какъ бы не она, а кто-то другой за нее. Не Викентію, конечно, было понять это, да онъ и не понималъ: есть-ли тутъ что понимать, или нѣтъ.

Чего не дала Надриковой судьба въ двухъ мужчинахъ, въ каждомъ, то дала она ей во взаимнодѣйствіи ихъ личностей.

Чѣмъ довѣрчивѣе, чѣмъ необдуманнѣе, чѣмъ цѣльнѣе отдалась она Викентію, тѣмъ глубже и шире была рана, нанесенная ей его грубымъ и пошлымъ обманомъ, и немыслимъ возвратъ. Чѣмъ безропотнѣе, мягче, безотвѣтнѣе проступала въ ея памяти личность Васса, тѣмъ назойливѣе и неотступнѣе являлась передъ нею мысль объ обманѣ, о невозможности примиренія съ нимъ, и Вассъ, поставленный ею-же подъ пулю, выросталъ передъ нею до какихъ-то гигантскихъ размѣровъ, хотя и крайне неясныхъ, жидкихъ и неуловимыхъ формъ.

— Если бы, думала Надрикова, вернувшись изъ залы на диванъ, — еслибы можно было еще остановить, но нѣтъ, это невозможно. . . Пусть-же совершается чему быть должно, пусть. . . .

Тяжело, безконечно тяжело, проступили двѣ крупныя, горячія слезы на ея темныхъ и густыхъ рѣсницахъ и долго, долго не хотѣли скатываться съ глазъ. . .

Здѣсь, именно на этомъ мѣстѣ, приходится намъ вставить эпизодъ, весьма оригинальный, перервавшій непрерывную нить размышленій Надриковой, самымъ неожиданнымъ образомъ.

Случилось такъ, что, минутъ пятнадцать спустя послѣ отъѣзда Васса, передъ нею, въ спальнѣ, какъ есть человѣкъ человѣкомъ, стоялъ Викентій! . .

Она не вѣрила своимъ глазамъ. Она была совершенно готова принять его за привидѣніе, и, хотя знакомый ей голосъ и звукъ шпоръ, и подготовили ее отчасти къ появленію существа, издававшаго и тотъ и другой, но она положительнѣйшимъ образомъ была испугана, поражена, и какъ бы почуяла присутствіе сверхъестественнаго.

При видѣ Викентія она поднялась съ дивана.

Викентій, направляясь къ мѣсту дуэли и распорядившись о томъ, чтобы секундантъ его пріѣхалъ прямо на мѣсто, не заѣзжая за нимъ, велѣлъ кучеру направиться къ дому Надриковыхъ. Здѣсь, подъ рукою, успѣлъ онъ собрать справки о томъ, что Вассъ уже уѣхалъ, и поэтому рѣшился предстать передъ женой его.

Цѣль его была такая: можетъ быть, она, Надрикова, которой, какъ онъ совершенно основательно заключилъ, дуэль эта обязана была своимъ происхожденіемъ, можетъ быть, она, въ послѣднюю минуту, пожелаетъ покончить миромъ? Вѣдь трудно предположить, чтобы

любовь ея прошла совершенно? можно будетъ даже просить у нея прощенія, можно будетъ руки и ноги цѣловать, вѣдь цѣловалъ-же я ихъ, и тогда она такъ сладко забывалась. . . Все это подѣйствуетъ, непремѣнно подѣйствуетъ.

— Тогда, думалось дальше Викентію: —можно будетъ просить ее написать, подъ диктовку, записку, которую будто бы она послала ко мнѣ раньше, съ вечера, прося пріѣхать, тайно отъ мужа. Эту записку, возбранявшую дуэль во имя Бога, любви, сына и пр. и пр. (Викентій мысленно уже составилъ эту записку) онъ, пріѣхавъ, все таки, на мѣсто дуэли, покажетъ, одному только Вассу, и она несомнѣнно послужитъ достаточною гарантіею чести и рыцарскихъ наклонностей и прекратитъ дуэль.

Причину-же своего появленія у Надриковой—Викентій думалъ представить ей какъ неудержимое, всесильное стремленіе сердца, виноватаго сердца, увидѣться съ нею еще разъ; какъ плодъ его неподражаемой любви...

— А если, если, думалъ Викентій, взбѣгая къ ней на лѣстницу: — если все это ни къ чему не поведетъ? Ну такъ тогда это будетъ промахомъ, сдѣланнымъ опять-таки благодаря неудержимой, неподражаемой, божественной любви. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно будетъ сказать и всѣмъ другимъ и тутъ есть даже извѣстная доля героизма, что-то изъ ряду вонъ эфектное! . . .

Викентій любилъ эфекты.

И такъ, — онъ стоялъ передъ Надриковою, точно вынырнувъ изъ хаоса ея собственныхъ мыслей.

Пятидневнаго процесса страданій было съ избыткомъ достаточно, чтобы переработать ее на столько, что ни

одинъ нервъ не пошевельнулся въ ней, въ томъ благопріятномъ направленіи, на которое такъ разсчитывалъ Викентій. Передъ нимъ стояла не дѣвочка, но женщина и взглядъ ея, холодный, какъ ледъ, такъ и осадилъ его на первыхъ-же порахъ. Куда дѣвалось и цѣлованье ногъ и всѣ проэкты записокъ.

— Вы!... здѣсь!... теперь?! спросила она. Да кто пустилъ васъ?!

— Меня?! но, мнѣ кажется, что я не разъ уже являлся такимъ образомъ, почти прошепталъ Викентій.

Вмѣсто отвѣта, Надрикова сдѣлала нѣсколько шаговъ къ столу, на которомъ стоялъ колокольчикъ и, положивъ руку на него, готовилась позвонить.

— О, ради Бога! проговорилъ Викентій: — ради Бога не дѣлайте этого... Я уйду, я сейчасъ уйду... я ѣду драться... я тутъ въ послѣдній разъ!

— Да, если бы это было въ то-же время и въ первый разъ, рѣзко и выразительно перебила его Надрикова. Ступайте прочь....

— Но неужели-же нѣтъ въ васъ жалости, почти плача бормоталъ Викентій — вѣдь у меня мать есть, старуха... это убьетъ ее!!

Этотъ мотивъ о матери совсѣмъ не входилъ въ планъ атаки Викентія. Этотъ мотивъ вырвался изъ него естественно, самъ собою...

— Ступайте вонъ! почти крикнула Надрикова: — или я позову человѣка.

Трудно описать хотя приблизительно то чувство глубокаго негодованія, которое сразу нахлынуло въ Надрикову и лишило ее даже возможности говорить.

— И этому человѣку отдалась я? пронеслось по ея мысли и камнемъ упало на сердце и заложило дыханіе.

— Ужъ не побить-ли мнѣ тебя, думалъ въ свою очередь Викентій, и онъ было сдѣлалъ шага два впередъ, но остановился передъ мыслью побить женщину, да, къ тому же, этого не скроешь, думалось ему, прокричатъ... да и колокольчикъ у нея въ рукахъ!? Ужъ не убить-ли ее? проскочило по головѣ Викентія?!

Въ это время Надрикова позвонила и по залѣ послышались шаги человѣка.

Дѣлать было нечего. Подобравъ остатки своихъ плановъ и мѣропріятій, Викентій повернулся, вышелъ и приказалъ человѣку подать себѣ шинель. Спуститься съ лѣстницы и сѣсть въ сани было дѣломъ одной минуты.

— Пошелъ прямо, крикнулъ онъ кучеру: — скорѣй.... Къ Павлу Иларіоновичу.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

Глава IX.

Морозное утро лѣниво занималось надъ Петербургомъ. Кое-гдѣ чистили улицы; кое-гдѣ открывали ворота и калитки. Наибольшее оживленіе царствовало надъ домами, въ воздухѣ; тамъ происходили два совершенно самостоятельныхъ явленія, и, переплетаясь одно съ другимъ, завѣряли, что близилось время пробужденія столицы отъ сна. Одно изъ явленій— это цѣлыя фаланги дымившихся трубъ и на нихъ фигурки трубочистовъ; другое — это легіоны галокъ и воронъ, носившихся съ криками и карканьемъ по воздуху, между столбами дыма.

Дымъ, трубочисты и птицы какъ бы привѣтствовали лѣнивое, сѣрое утро. Чтобы хотя немного разбавить темныя краски пейзажа, бѣлый снѣжокъ началъ выпадать, сначала рѣдкій, слабый, а потомъ сильный, хотя и дѣвственный.

Пока́ Викентій стремился къ Павлу Иларіоновичу, снѣгъ этотъ успѣлъ облѣпить бобровый воротникъ его шинели, но Викентій не чувствовалъ снѣга; онъ весь былъ въ своихъ мысляхъ и даже, противъ обыкновенія, не погонялъ кучера. Кучеръ несся и безъ того.

Павелъ Иларіоновичъ Макалинскій, къ которому, какъ желѣзо къ магниту, стремился Викентій, былъ человѣкомъ совершенно замѣчательнымъ и нужнымъ Викентію, какъ нельзя болѣе, въ настоящую минуту.

Павелъ Иларіоновичъ находился какъ разъ на половинѣ пути человѣческой жизни.

Финансистъ временъ Вронченки, онъ, оставивъ службу, имѣлъ капиталецъ и жилъ себѣ припѣваючи холостякомъ, занимаясь аферами своего рода, съ которыми мы впослѣдствіи познакомимъ читателя.

Злые языки говорили, будто онъ, Павелъ Иларіоновичъ, былъ на своемъ вѣку дважды битъ, — одинъ разъ въ Оренбургѣ, за подлогъ, а вторично въ Кишиневѣ, за шпіонство.

Первое битье отбросило его, черезъ всю широкую Россію, къ мѣсту испытанія втораго; кишиневское-же направило его къ Петербургу, городу, равно удаленному какъ отъ Оренбурга, такъ и отъ Кишинева, и поглощающему, равно невозмутимо, все и вся.

Едва-ли есть другая страна въ мірѣ, изъ странъ просвѣщенныхъ, гдѣ бы было такъ легко, какъ въ Россіи, отдѣлываться отъ своего прошедшаго, простою перемѣною мѣста жительства; развѣ только въ Америкѣ? Можно имѣть на своихъ плечахъ цѣлую эпопею великихъ и малыхъ прегрѣшеній, сдѣлаться сказкою нѣ-

скольких городовъ, — и тѣмъ не менѣе, юркнувъ ловко и вовремя и поднявъ за собою столбъ пыли, или пустивъ краску, какъ каракатица, очутиться совсѣмъ другимъ человѣкомъ въ другой мѣстности и между другихъ людей.

Въ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, какое-нибудь случайное письмо, или еще болѣе случайная корреспонденція газеты, сообщитъ обитателямъ новаго мѣста о новомъ человѣкѣ; но, во-первыхъ, это бываетъ страшно рѣдко, а во-вторыхъ, лгутъ люди зачастую, изъ зависти лгутъ, а газеты — тѣмъ только и существуютъ.

Такъ было и съ Павломъ Иларіоновичемъ. Оренбургская и кишиневская исторіи хотя и дошли въ столицу слѣдомъ за нимъ, но заблудились въ улицахъ и переулкахъ и приняли такія туманныя и невѣроятныя очертанія, что повѣрить имъ было весьма трудно.

Да и не все-ли намъ равно въ Петербургѣ, что и какъ дѣлалъ человѣкъ тамъ-то и тогда-то? Будь онъ только вѣжливъ съ нами, одѣвайся хорошо, расплачивайся за карты, возмущайся во время и въ мѣру тѣми или другими событіями, и никакой слухъ о прошедшемъ не будетъ въ состояніи помутить новаго и безгрѣшнаго существованія.

Такихъ Адамовъ и Евъ, до ихъ грѣхопаденія, не нуждающихся даже въ одеждахъ, у насъ очень, очень много — и слава Богу! Все понимать, значитъ — все прощать, по изрѣченію великаго мудреца, и мы многое прощаемъ!

Будучи нѣкоторымъ образомъ Адамомъ до его грѣхопаденія, Павелъ Иларіановичъ былъ, какъ сказано, весьма

своеобразнымъ, вполнѣ сложившимся и не скрывавшимъ своихъ убѣжденій Адамомъ. Павелъ Иларіоновичъ уважалъ только физическія условія жизни и болѣе ничего и никого рѣшительно. Онъ относился съ презрѣніемъ самымъ спокойнымъ, самымъ законченнымъ, ко всѣмъ „сочиненіямъ человѣка“, какъ онъ выражался, къ чувствамъ, совѣсти, долгу, правамъ.

— Я-бы взялъ свою сестру любовницею, сказалъ онъ однажды, еслибы у меня была сестра.

— А что-бы сказали люди? возразили ему на это.

— Я бы составилъ себѣ кружокъ людей, которые воспользовались бы сестрою послѣ меня и намъ было бы весело.

Павелъ Иларіоновичъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что какую бы гадость и подлость не сдѣлалъ человѣкъ, онъ все-таки найдетъ людей, которые примутъ его въ свою среду, людей, съ которыми ему будетъ не скучно.

Онъ пришелъ къ этому заключенію по своему собственному опыту и, вполнѣ цѣня и уважая себя, любилъ щеголять этимъ убѣжденіемъ и наслаждался донельзя тѣми минутами, когда ему приходилось излагать его передъ кѣмъ-нибудь, особенно въ видахъ поученія.

Понятно, что, ораторствуя, онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ и выводахъ. Онъ излагалъ свои взгляды четко и опредѣлительно до наивности, и бывали примѣры, когда холодная, отталкивающая, отвратительная логика его, наскочивъ на натуру живую, свѣжую и неиспорченную, обдавала человѣка, особенно молодаго, такимъ ужасомъ, поражала такою чудовищностью крайнихъ выводовъ, разила такимъ затхлымъ духомъ, что

однажды навсегда спасала этого человѣка отъ самой возможности приближенія къ логикѣ Макалинскаго.

Съ этой точки зрѣнія, Павелъ Иларіоновичъ принесъ свою долю пользы.

Но, бывало и иначе.

Если ему подвертывался человѣкъ тронутый жизнью, человѣкъ въ мозгу и на сердце котораго проявились первыя туберкулы, и слегка сказались первые признаки грусти, нравственнаго разложенія и слабости, — тогда Павелъ Иларіоновичъ переросталъ, въ глазахъ этого человѣка, размѣры простаго смертнаго и являлся глашатаемъ высшихъ судебъ, пиѳіею, пророкомъ.

Понятно, что пророчествовалъ Макалинскій только людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ; множество богатыхъ молодыхъ людей Петербурга знали его, многимъ бывалъ онъ нуженъ и многіе провалились въ него.

Говорилъ Павелъ Иларіоновичъ хорошо, — кто у насъ не умѣетъ хорошо говорить? взглядъ его былъ свѣтелъ и невозмутимъ, улыбка откровенна и естественна...

Слово за словомъ, мысль за мыслью, примѣръ за примѣромъ, подмывалъ онъ въ своемъ паціентѣ, одинъ за другимъ, всѣ слабенькіе устои чувства и совѣсти, и подкрѣплялъ свои совѣты и увѣщанія двумя весьма вѣскими аргументами.

— Я это совѣтую вамъ по здравому смыслу, говорилъ Павелъ Иларіоновичъ: — но вы можете сдѣлать и иначе и тогда васъ похвалятъ другіе, но только не я... Мое дѣло сторона.

Это былъ одинъ аргументъ.

Другой аргументъ былъ еще внушительнѣе.

— Послушайте, говорилъ Макалинскій: — вамъ вѣрно нужны деньги? У меня есть. Я дамъ. Отдадите когда сможете. Не отдадите — не надо. А для памяти векселекъ все-таки напишите.

Въ послѣднемъ, какъ видите, было даже самопожертвованіе и тонкое, гастрономическое пользованіе людьми, потому что вексель все-таки рискъ.

Макалинскій не только эксплуатировалъ людей, но онъ любилъ, эксплуатируя, наслаждаться этимъ.

Онъ факторствовалъ, на всѣ руки, художественно; онъ былъ ростовщикомъ-романтикомъ и умѣлъ поставить себя на такую ногу, что бывалъ принятъ въ весьма порядочныхъ обществахъ и, даже, принималъ у себя.

Пользованіе людьми, съ желаніемъ еще и портить ихъ, формовать по формамъ, выработаннымъ Макалинскимъ, конечно, никакому судебному преслѣдованію подлежать не могли. Самъ онъ тщательно избѣгалъ какой-либо огласки; политическихъ вопросовъ, какъ это само собою разумѣется, для него не существовало, и, съ этой стороны, онъ былъ тоже совершенно неуязвимъ.

Въ скромную лабораторію его стекались по одиночкѣ, загоняемые, время отъ времени, нравственно хромые, подслѣповатые, больные люди и переработывались въ ней быстро и безвозвратно на одинъ и тотъ-же ладъ.

Такихъ лабораторій довольно много на Руси и время алхимиковъ не прошло; они только преобразились.

Читатели видятъ, что Макалинскій былъ одновременно и Адамомъ и алхимикомъ! странное сопоставленіе, не правда-ли?...

Рысакъ, на которомъ ѣхалъ Викентій, былъ сразу оса-

женъ широкобедрымъ кучеромъ у подъѣзда Макалинскаго.

Подлѣ подъѣзда сидѣлъ дворникъ и спалъ, уткнувшись въ овчину. Палка его скатилась на панель и валялась въ двухъ шагахъ отъ своего владѣтеля, готовая служить любому артисту, чтобы уложить ею его самого.

— Дома Павелъ Иларіоновичъ? спросилъ Викентій:— соскочивъ съ саней.

Проснувшійся дворникъ всталъ и снялъ шапку.

На повторенный вопросъ онъ отвѣтилъ, что Макалинскій только что вернулся.

— Отвори.

Минуты черезъ двѣ Викентій позвонилъ у Павла Иларіоновича. Хозяину было тотчасъ-же доложено и онъ велѣлъ просить.

Ранніе визиты и экстренныя посѣщенія бывали у него часто. Для Макалинскаго не было ни дня, ни ночи, какъ не было ни чести, ни безчестія. Съ Викентіемъ онъ былъ близокъ, потому что чувствовалъ въ немъ одного изъ господъ, шедшихъ по желаемой дорогѣ.

Особенно льстило ему то, что паціентъ былъ изъ хорошей семьи и изъ видныхъ кавалеровъ.

Неожиданность посѣщенія вызвала на губы хозяина улыбку, даже раньше, чѣмъ Викентій вошелъ въ комнату.

— Добро пожаловать. Какими судьбами? проговорилъ Павелъ Иларіоновичъ, вставая съ оттоманки и двинувшись на встрѣчу вошедшему гостю.

— Я къ вамъ... отвѣтилъ Викентій:—за совѣтомъ!

— О, если за совѣтомъ и, даже, за помощью,—го-

товъ служить. Сядемъ-те; что вамъ нужно и что затрудняетъ васъ?

— Важное дѣло, страшно важное! Вопросъ жизни, отвѣтилъ Викентій.

— О! О! О! Этому я не повѣрю, до этаго далеко. Но садитесь-же и говорите.

Оба собесѣдника одновременно опустились на оттоманку, и Викентій довольно ясно, коротко и послѣдовательно разсказалъ, что онъ долженъ драться, разсказалъ всю исторію, начиная со сцены въ будуарѣ Надриковой, и не упомянулъ только о посѣщеніи ея, только что имѣвшемъ мѣсто.

— Что мнѣ теперь дѣлать, что?! Они ждутъ, они уже тамъ! закончилъ Викентій и взглянулъ на свои часы и на часы хозяина, висѣвшіе подлѣ, на стѣнѣ.

Было пять часовъ.

До тѣхъ поръ, пока Викентій говорилъ, на лицѣ его, кромѣ нѣкоторой блѣдности и безпокойства въ глазахъ, ничего другаго замѣтно не было. Но когда онъ замолчалъ и остановилъ свои чалые глаза на Макалинскомъ, послѣдній не могъ не замѣтить, что по всему лицу Викентія пробѣгала легкая, нервная дрожь и что двѣ непрошенныя и трудно пробивавшіяся слезинки наростали въ углахъ глазъ, съ обѣихъ сторонъ переносицы.

— Что-же мнѣ дѣлать? повторилъ Викентій.

Макалинскій былъ весь созерцаніемъ.

Выслушивая объясненіе Викентія, онъ зналъ съ первыхъ-же словъ, чего желаетъ отъ него его неожиданный посѣтитель и, придавъ своему взгляду возможно строгое выраженіе, любовался замѣшательствомъ гостя и,

такъ сказать, всасывалъ въ себя всю прелесть этой сцены.

Вѣдь сцены, подобныя этой, составляли задачу жизни Макалинскаго; для нихъ жилъ онъ, для нихъ разставлялъ онъ сѣти. Въ сѣтку попался Викентій и застрялъ въ ней со своею саблею и шпорами.

Прошла, по крайней мѣрѣ, минута самаго полнаго молчанія. Строгій взглядъ Павла Иларіоновича держалъ подъ собою трепетавшаго Викентія... Отъ этого взгляда похолодѣло въ груди его, и передъ глазами пошли одинъ за другимъ, одинъ изъ другаго, большіе разноцвѣтные круги, да круги.

Викентію положительно дѣлалось дурно, и онъ бы невыдержалъ долѣе, еслибы не совершенно неожиданный и рѣзкій переходъ, еслибы не страшный, гомерическій хохотъ Макалинскаго, потрясшій всѣ внутренности Викентія и какъ бы разсыпавшійся сразу по угламъ комнаты, доселѣ спокойной и тихой.

Павелъ Иларіоновичъ расхохотался невѣроятно, спазматически.

Для того, чтобы сколько нибудь уравновѣсить свою плотную фигуру подъ обуявшимъ ея хохотомъ, онъ схватился обѣими руками за плеча Викентія, и такъ и повисъ на нихъ, точно бѣсноватый.

Викентій окончательно растерялся.

Послѣ нѣсколькихъ, особенно сильныхъ, подхватываній смѣха, съ языка Макалинскаго начали срываться, однѣ за другими, слова, а потомъ и цѣлыя фразы.

— Такъ это... для этого-то... ха, ха, ха!—для этихъ глупостей... дуэль... ха, ха, ха! дуэ... о! младенецъ, дитя... ха! ха! ха! ха!!

Мало по малу, смѣхъ оставилъ Павла Иларіоновича и онъ заговорилъ толкомъ, будто призванный рѣшать и вязать. Макалинскій вѣщалъ свысока и общій смыслъ его рѣчи былъ тотъ, чтобы Викентій, не долго думая, отправился домой, какъ ни въ чемъ не бывало, и легъ спать.

— Плюньте вы, говорилъ онъ:—плюньте на все и ложитесь спать. Хотите, такъ у меня лягте?

— Но вѣдь они ждутъ?

— Я дворника пошлю.

— Надо будетъ службу бросить!

— Ну и бросьте. Экая невидаль. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

— Но, вѣдь, это стыдъ?! Объ этомъ прокричатъ; всѣ узнаютъ...

— Сегодня объ этомъ, завтра о другомъ, послѣ завтра о третьемъ, а въ концѣ концовъ, ни о чемъ.

— Мнѣ никуда нельзя будетъ показаться?

— Милости просимъ ко мнѣ — у меня всегда найдутся здравомыслящіе люди; скучно небудетъ.

— Но товарищи заставятъ меня драться!

— Во-первыхъ, на то полиція есть, чтобы не заставили, а во вторыхъ — сегодня товарищи, а завтра?!... что они вамъ?? Вѣдь у насъ четыре желѣзныхъ дороги къ услугамъ, не считая Царскосельской... Пройдетъ годикъ, другой, гдѣ-нибудь, этакъ за границей, проваландайтесь, потомъ въ Москвѣ, что-ли; поживите, а тамъ можно будетъ и въ Петербургъ вернуться, если ужъ безъ Петербурга вы не можете. Можетъ у васъ денегъ нѣтъ — я ссужу. Ладно, что-ли? Такъ?... Я

пошлю дворника, закончилъ Павелъ Иларіоновичъ вставая. — Лошадь у васъ здѣсь?

— Здѣсь... но только... какъ-же это такъ? такъ нельзя...

— Какъ хотите. Мое дѣло сторона. Вы совѣта спрашивали, я и далъ совѣтъ, — а остальное ваше дѣло. Только не медлите... поѣзжайте въ такомъ случаѣ, становитесь подъ пулю. Можетъ, кривая и вывезетъ?!

Викентій всталъ съ мѣста. Отвратительное видѣніе чорнаго, глубокаго дула пистолета, направленнаго на него, видѣніе, преслѣдовавшее его въ послѣдніе дни — поднялось передъ нимъ снова... Съ другой стороны, точно далекая заря, свѣтило ему издали розовое небо и пажити Баденъ-Бадена, Ниццы, рулетка, женщины, свиданья... Выборъ былъ не труденъ и кости брошены... пистолетъ изчезъ.

— Послушайте, Павелъ Иларіоновичъ, сказалъ онъ: — я не поѣду, я не буду драться; но только, знаете-ли что... я ни совѣта вашего, ни службы не забуду: поѣзжайте вы, поѣзжайте сами. Все лучше будетъ.

— Теперь, въ пять часовъ утра? Да, что-же про меня дворникъ подумаетъ? Отвѣтилъ Макалинскій, кокетничая съ Викентіемъ.

— Но, вѣдь, они ждутъ, они въ полномъ сборѣ... Мнѣ надо поговорить съ моимъ секундантомъ, онъ тоже тамъ. Поѣзжайте, прошу васъ.

— Что-же это, въ качествѣ уступки приличію?

— Прошу васъ.

— Ну, ладно. Для васъ поѣду.—Уступка за уступку. Эй! кликнулъ Павелъ Иларіоновичъ человѣку: — одѣваться!

Вошелъ человѣкъ и минутъ черезъ десять Павелъ Иларіоновичъ катилъ по направленію къ Лѣсному институту, а Викентій остался у него на квартирѣ въ ожиданіи пріѣзда секунданта, товарища его по полку. Надо-же было, хотя какъ-нибудь, оговорить все это дѣло и придать ему болѣе или менѣе подходящій видъ.

Во время отсутствія хозяина, Викентій занялся работою двухъ литературныхъ произведеній; онъ изготовилъ рапортъ объ отставкѣ и написалъ письмо Вѣрѣ, назначая ей свиданіе въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ имѣло мѣсто первое свиданіе и на ближайшій, имѣвшій наступить, вечеръ.

По изготовленіи обоихъ документовъ и въ ожиданіи возвращенія хозяина и секунданта, онъ курилъ безъ перерыва и очень много думалъ о Баденъ-Баденѣ, въ которомъ бывалъ не разъ, и гдѣ проводилъ очень и очень пріятно свое время . . . .
. . . .

Мы отъ души поздравляемъ читателя съ тѣмъ, что ему не приходится глядѣть на картину дуэли.

Дуэль, на которой мы готовились присутствовать, — паче чаянія разлетѣлась, какъ дымъ. Никакой рѣшительно крови пролито не было, пороху не жгли, покойника не увозили. Павелъ Иларіоновичъ встрѣтился съ Иваномъ Артамоновичемъ и не подрались. Товарищи Викентія не администрировали ему никакого рѣшительно внушенія, хотя и предложили оставить полкъ и онъ немедленно уѣхалъ за границу. Анна Ѳедоровна Надрикова затаила въ душѣ своей еще одно новое чувство къ своему прежнему обладателю, а Вассъ Оро-

вичъ какъ бы вздохнулъ свободнѣе и началъ, даже, подумывать о томъ, гдѣ ему нанять на предстоящее лѣто дачу, — потому что, такъ или иначе, но лѣто должно-же было прійдти, а на лѣто нужно-же обзавестись дачею.

Въ городѣ поговорили о случившемся, и потомъ, согласно предсказанію Макалинскаго, начали говорить о другомъ.

Въ солнечной системѣ тоже никакихъ рѣшительно перемѣнъ не произошло.

Открытымъ остался, однако, вопросъ: какъ-же будутъ жить, и можно-ли жить вмѣстѣ супругамъ Надриковымъ?!

Глава X.

Мы, читатель, ужасно не любимъ всякія мрачныя сцены и потому, съ величайшимъ удовольствіемъ, перепорхнули черезъ предстоявшую дуэль Викентія съ Вассомъ Оровичемъ и, послѣ первой станціи, запасшись водой и припасами, распустивъ всѣ паруса, вздернувъ радужный вымпелъ, трепещущій въ попутномъ вѣтрѣ, вторично выходимъ въ открытое море, во вторую часть разсказа.

А море, въ которое выходимъ мы, — бурное и широкое море. Плаваютъ въ немъ акулы жадныя и другія чуда морскія, царствуютъ порою свирѣпые штормы, попадаются неизвѣданные, на картахъ не обозначенные, рифы, спускается иногда тяжелое затишье.

Висятъ тогда вдоль мачтъ и реевъ безсильные паруса, годные скорѣе на то, чтобы служить тряпками

при обтираніи подносовъ, чѣмъ на то, чтобы носить въ неизвѣданныя страны жаждущихъ денегъ, славы или знанія людей. Молчитъ тогда и не колыхнется, вмѣстѣ съ моремъ, и наше судно. Не скрыпитъ оно, то здѣсь, то тамъ перескакивая съ волны на волну, покачиваясь изъ стороны въ сторону, на легкомъ и веселомъ ходу... А судно наше, надо отдать ему справедливость, старое, дряблое... Оно—брачная жизнь и ея обстановка.

Ужъ кто, кто не ѣздилъ на этомъ суднѣ; ужъ и гдѣ то далекое море, тѣ высыхающіе и поросшіе тиною заливчики и бухты доморощенныхъ разсказовъ, въ которыхъ оно не гостило, гдѣ тѣ неизвѣданныя глубины океана, надъ которыми не скользило оно и какими рулевыми не управлялось?

На брачной жизни строили свои безсмертныя созданія и великій мастеръ, и мелкій кропатель; ветхое судно, побрякивая и потрескивая, все источенное солью и полипами, такъ или иначе, но всегда добиралось до гавани и отдавалось въ починку до новыхъ трудовъ.

Такъ и мы теперь, вслѣдъ за конемъ съ копытомъ, лѣземъ — со своими Надриковыми, и пускаемся въ новый путь. Отдаетъ приказъ капитанъ; стали навертывать якорную цѣпь, отдали якорь, чувствуется движеніе судна и мы двинулись въ путь...

Невѣрность жены, дуэль, существованіе ребенка и все это перемѣшанное съ оригинальною личностью Васса, вотъ элементы, находящіеся въ полномъ дѣйствіи въ ту минуту, когда мы пускаемся въ путь вторично.

Викентій уѣхалъ. Что-же дальше? Вѣдь жизнь идетъ,

вѣдь должны-же опредѣлиться отношенія. Вѣдь живутъ-же мужъ и жена, его обманувшая и поставившая подъ пулю, подъ одною кровлею; какъ имъ быть?

Собственно: тутъ представлялись три дороги; о четвертой дорогѣ, открывавшейся Вассу, дорогѣ физическихъ насилій, до убійства включительно, мы не будемъ и говорить. Эти уголовно-исправительные пріемы не могутъ интересовать насъ; они были не по характеру дѣйствующихъ лицъ, и ничего подобнаго съ Надриковыми не случилось.

Три другіе пути, три возможныхъ рѣшенія, о которыхъ мы упомянули, были слѣдующіе:

Во-первыхъ: представлялась полная и совершенная возможность разъѣхаться и, даже, развестись, и на этомъ кончить.

Во-вторыхъ: ничто не мѣшало взглянуть на все дѣло миролюбиво, какъ это и дѣлаютъ тысячи людей; сказать самому себѣ, что все это, съ точки зрѣнія вѣчности, вздоръ; жить мирно и, даже весело, сохранить такъ называемый „домъ", и предоставить обѣимъ половинамъ полную свободу дѣйствія, какая кому понравится.

Въ-третьихъ: пользуясь вышеупомянутымъ бальзамомъ времени, направить мужу и женѣ обоюдныя усилія на то, чтобы загладить прошедшее; устроить такъ, какъ-бы ничего особеннаго съ ними не случилось; отбросить всякія мысли о разбитомъ идеалѣ, о справедливомъ воздаяніи и очутиться, современемъ, добродѣтельными супругами, взаимно любящими и уважающими другъ друга.

На которомъ изъ этихъ трехъ рѣшеній остановиться? вотъ въ чемъ заключался вопросъ. Но пока онъ назрѣвалъ и уяснялся, для мужа и жены наступило время какого-то междуцарствія и полнѣйшей неопредѣленности.

Въ домѣ произошло много перемѣнъ.

Одни только неодушевленные предметы, да распредѣленіе занятій остались не тронутыми; все остальное перетасовалось, какъ бы омылось и оправилось.

Прежде всего въ домѣ появился ребенокъ.

До того его какъ бы не было, теперь-же именно ребенокъ сталъ той нейтральной почвой, на которой глубокій, неисцѣлимый разрывъ, прошедшій по всѣмъ отношеніямъ мужа и жены, не обозначился совершенно или, лучше, обозначился слабѣе всего.

Для Анны Өедоровны ребенокъ былъ живымъ выраженіемъ того времени, когда она была еще неповинна передъ мужемъ, и такъ какъ она, что дѣлаетъ ей величайшую честь, положительно рѣшилась вернуться къ этому времени, то ребенокъ явился ей какъ бы звѣздочкой, указывавшей сторону, въ которую надо идти.

Для Васса ребенокъ имѣлъ еще большее значеніе. Онъ и всегда-то горячо любилъ сына; дитя служило ему защитою въ самыя тяжелыя минуты, напримѣръ, тогда, когда мамаша уходила съ Викентіемъ въ будуаръ, а папаша бралъ малютку на колѣни и качалъ его, напѣвая: тюрлюрлютю-тю-тю-тю... Теперь-же ребенокъ сталъ для него всѣмъ рѣшительно, потому что Вассу нужно-же было кого-нибудь любить, а любить жену — было, по крайней мѣрѣ, странно преждевременно.

Кромѣ того, дитя имѣло еще и то значеніе, но уже для обѣихъ сторонъ, что оно служило весьма благодарною и почти единственною причиною для начала и содержанія разговоровъ, для ослабленія натянутости отношеній. Особенно въ первое время эта натянутость была невыносима. Какое-нибудь, самое обыденное, явленіе жизни, ну просто приходъ къ обѣду или встрѣча въ квартирѣ, — нельзя-же было не обѣдать и не встрѣчаться, или необходимые по хозяйству счеты, — все это начиналось и кончалось ребенкомъ.

Дитятко, какъ это видитъ читатель, непосредственно выиграло отъ проступка мамаши.

Рѣшено было, обѣими сторонами, не сговаривавшимися объ этомъ, ждать и ждать спокойно.

Мы бы солгали, сказавъ, что Вассъ былъ доволенъ всѣмъ случившимся; но мы бы солгали точно также, еслибы не упомянули о томъ, что онъ началъ порою, какъ бы случаемъ, какъ бы нехотя, чувствовать какое-то спокойствіе, какую-то радость при видѣ той тишины, той зеркальности отношеній, которыя начинали устанавливаться между нимъ и женою.

— Что ни на есть, думалось ему:—а все-таки такъ спокойно, а спокойствіе важное дѣло, важное. Будущее само придетъ, что его торопить.

— Неужели-же такъ все и останется, какъ есть, думала Надрикова и что-то страшно тяжелое ложилось ей на сердце, — и проходило тучею по глазамъ, и щеки ея вспыхивали огнемъ, и кровь кипѣла...

Да, нечего сказать, тутъ была противоположность.

Въ постоянной борьбѣ и сомнѣніи, Анна Ѳедоровна,

особенно въ первое время, предпочитала самое полное уединеніе. Женскій стыдъ загонялъ ее въ самый дальній уголъ будуара,—ей казалось, что всѣ рѣшительно знаютъ ея исторію,—и тамъ, раскрывъ книгу и не читая, или держа въ рукахъ вышиванье, и не вышивая, она мечтала и томилась, и думала, и передумывала.

Богъ знаетъ, почему всѣ ея заключенія складывались въ ея головѣ въ какія-то изрѣченія, короткія и полныя смысла, немного напоминавшія собою афоризмы библіи и складъ заповѣдей.

Вотъ, напримѣръ, кусочекъ этой длинной цѣпи, нѣсколько звѣньевъ умствованій и выводовъ Анны Ѳедоровны, въ той именно формѣ, въ какой сложились опи мѣсяца четыре спустя послѣ всего случившагося, въ одинъ изъ весеннихъ, апрѣльскихъ вечеровъ, часу въ 9-мъ къ ночи.

Картина представляется слѣдующимъ образомъ: Надрикова, опять-таки, лежитъ въ будуарѣ на диванѣ; въ комнатѣ царствуетъ тотъ зеленовато-жолтый свѣтъ, который забрасываетъ весна въ наши петербургскія квартиры, послѣ захожденія солнца, во время долгихъ, долгихъ сумерекъ. Надрикова уже съ полъ-часа, какъ лежитъ совершенно неподвижно, положивъ на столъ недочитанную книжку и уставивъ глаза въ уголъ. Думы, клубившіяся въ ней, перебродили и стали выстраиваться въ слѣдующемъ порядкѣ:

— Ты должна измѣниться, думала Анна Ѳедоровна: —потому что ты мать и тебѣ искать чего-либо новаго не надо.

— Ты полюбишь своего сына, потому что нельзя-же,

чтобы мать не любила сына. Вмѣстѣ съ этимъ ты привяжешься всѣмъ существомъ своимъ къ мужу, потому что онъ честный человѣкъ и доказалъ это.

— Мечты о Викентіѣ не могутъ болѣе возвращаться и онѣ уже не возвращаются, слѣдовательно, въ этомъ ты побѣдила.

— Если, паче чаянія, чего, конечно, не случится, ты почувствуешь въ сердцѣ тотъ самый огонь, который жогъ тебя въ присутствіи Викентія, если взглядъ твой вздумаетъ совратиться и отдохнуть, долѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на комъ-либо изъ мужчинъ, — ты будешь на столько честна и разсудительна, что избѣгнешь повторенія этого взгляда.

— Ты была обманута однажды, — ты не поддашься обману вторично. Лучшимъ средствомъ противъ этого будетъ увеличеніе нѣжности къ мужу. Ты должна быть нѣжна съ нимъ и не отталкивать отъ себя. Онъ человѣкъ честный и любитъ тебя. Въ случаѣ чего-либо, начни съ того, что откройся мужу и попроси помощи.

— Судьба вывела тебя, сравнительно, дешево изъ страшной обстановки; вторично она не сдѣлаетъ этаго.

— Если, чего не дай Богъ, ты не совладаешь съ собою; если кто-нибудь, до сихъ поръ тебѣ неизвѣстный, таинственный, овладѣетъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ твоимъ; если чарующая сила любви и страсти, для которой ты создана и которой, этого скрывать нечего, ты не имѣешь къ мужу, обезсилитъ тебя, — ты отдашься, не даромъ. Жизнь за жизнь и все за все, а никакъ не иначе...

— Да, все за все, не иначе, думала Анна Ѳедоровна,

лежа на своемъ диванѣ, и, чѣмъ кручѣ, бурливѣе, назойливѣе были въ ней ея мечты, чѣмъ хаотичнѣе напластывались онѣ въ ея головѣ, тѣмъ упорнѣе становилась внѣшняя неподвижность, оковавшая ее всю, отъ головы до ногъ. Она даже не моргала и дыханіе было слабо, слабо до невозможнаго...

Если цвѣтеніе цвѣта въ ясную лѣтнюю ночь является какимъ-то обрядомъ, совершаемымъ дремлющею природою, и каждый изъ цвѣтковъ совершаетъ этотъ обрядъ по своему, и обрядъ этотъ есть выраженіе всей сути цвѣтка и для исполненія его поднялся онъ и развился, — то Надрикова въ минуты, подобныя только что описанной, тоже цвѣла, тоже совершала обрядъ... Замѣтимъ только, что цвѣтки бываютъ и колючіе, и ядовитые, и искуственные.

Глубоко и ровно вздохнувъ, какъ бы оправившись отъ какого-то очарованія, отвела она, наконецъ, свои глаза отъ темнаго угла, въ который глядѣла, и направила ихъ на окно. За окномъ виднѣлось свѣтлое, желто-зеленое небо весенняго, безоблачнаго вечера, съ чуть обозначавшимися звѣздами...

Точно такимъ было это небо и вчера, и третьяго дни, и тѣ-же самыя звѣзды приходились сегодня къ тому же углу окошка, что и вчера...

— Но, неужели-же это жизнь? Развѣ это жизнь, гдѣ столько однообразія, и такая полная невозможность...

— Невозможность чего? поспѣшно спросила себя, какъ бы спохватившись, Надрикова, и начала было перечислять сначала свои афоризмы: „ты должна измѣниться, потому что ты мать“... и. т. д.

Сама не замѣтивъ какъ, Надрикова, задавая себѣ вопросъ: „невозможность чего?“ встала съ дивана и подошла къ окну.

Видѣла она и отличала одинъ отъ другаго всякіе движущіеся предметы: вотъ это человѣкъ, это собака, это лошадь; даже короткими умствованіями и заключеніями сопровождала она свои наблюденія, какъ бы невольно, какъ бы не сама, а кто-то другой въ ней: что вотъ идутъ двое, мужчина и женщина, и молчатъ, вѣроятно, это супруги; что вотъ, несетъ мужикъ кадку съ рыбой на головѣ, какъ онъ ловко держитъ ее, и неужели вода не выплескивается и т. п., на самомъ-же дѣлѣ, она ни объ чемъ не думала, и все-таки стояла задумчивою, даже унылою...

Въ это время раздались по залѣ шаги. Она узнала шаги мужа. Сердце стукнуло сильнѣе.

— Ну, подумала Анна Ѳедоровна, приму его поласковѣе, вѣдь онъ стоитъ ласки, — ты должна измѣниться, потому что ты мать... и цѣлый рядъ афоризмовъ сразу пронесся у ней въ головѣ.

Не успѣлъ пронестись послѣдній, какъ Вассъ стоялъ уже подлѣ жены и не замедлилъ объяснить ей свое посѣщеніе. Понятно, что онъ началъ съ ребенка.

— Я пришелъ къ тебѣ, началъ Вассъ: — сказать, что у Митеньки (такъ звали сына) въ комнатѣ мамка стекло разбила.

— Такъ надо поскорѣе починить.

— Да, надо; я и пришелъ тебѣ сказать объ этомъ.

Ничего не отвѣтила Анна Ѳедоровна, промолчала и направилась къ завѣтному, любимому дивану и сѣла на него.

Вассъ занялъ мѣсто шагахъ въ двухъ на стулѣ.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, весьма тягостнаго для обоихъ, Анна Өедоровна прервала его вопросомъ, удивившимъ Васса, такъ какъ вопросъ прямо и непосредственно становился на почву, никогда не посѣщавшуюся Надриковою, — на почву чувства.

— А любишь-ли ты Митю? спросила она.

— Люблю.

— А любишь-ли ты меня? почти прошептала Надрикова, и, опустивъ глаза, стала глядѣть на едва обрисовывавшіяся въ сумеркахъ арабески ковра.

Едва проговорила она эти слова, какъ тотчасъ-же, непосредственно, проявилось въ ней тщетное желаніе взять эти слова назадъ. Чего-чего не дала бы она за возвратъ этихъ словъ, — но, увы! они сорвались съ языка и производили свое дѣйствіе. И совѣстно, и жалко было ей этихъ словъ, и глупо и неудобосваримо подѣйствовали они на Васса.

Вассъ совсѣмъ ошалѣлъ.

Скачокъ отъ форточки, о которой онъ пришелъ сообщить, до обоихъ вопросовъ жены, особенно до послѣдняго, былъ чрезмѣрно великъ. Подобно тому, какъ приноровливается глазъ человѣка къ тому, чтобы смотрѣть ему на сильный свѣтъ, или въ глубокую тѣнь на далекое разстояніе, или на предметъ, находящійся подъ носомъ, — приноровливается и умъ его къ той или другой предстоящей работѣ. Неожиданность совершенно сбиваетъ съ толку; самые лучшіе глаза отказываются глядѣть, самый свѣтлый умъ отказывается мыслить... Одно изъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ

разрѣшеній, для втораго случая, — выражается смѣхомъ или улыбкою.

Вассъ дѣйствительно улыбнулся, но только не тою улыбкою, которая переходитъ въ хохотъ, а тою, которая какъ бы мѣшаетъ своимъ приходомъ.

— Митю?... тебя?... люблю-ли я, пробормоталъ Вассъ, улыбаясь и прійдя въ движеніе всею своею фигурою:— но, вѣдь, онъ мой сынъ... мой сынъ онъ... а ты моя жена... люблю-ли я? да я... да я жизнь свою положу, я сожгу себя за васъ!...

Если когда-нибудь, кто-нибудь на свѣтѣ говорилъ правду, такъ ее говорилъ въ эту минуту Вассъ. Но правда эта, какъ она ни сквозила, произвела на жену только тяжелое дѣйствіе, и ей стоило большихъ усилій остаться въ своей роли.

Заставить Васса продолжать рѣчь въ томъ-же смыслѣ,— было бы безбожно, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствительно продолжалъ бы ее, и Надрикова почла обязанностію перебить его.

— Придвинься Вассъ, садись ближе ко мнѣ,сказала она и сама потянулась придвинуть стулъ, какъ бы для поддержки своего колебавшагося намѣренія, фактомъ придвинутаго стула.

— Садись-же, говорятъ тебѣ, прибавила жена, видя нерѣшительность мужа.

Вассъ придвинулся.

Передъ нами, читатель, одна изъ куріознѣйшихъ сценъ въ мірѣ, сцена съ переодѣваніемъ.

По послѣднимъ словамъ Надриковой видно, что не она являлась виновною передъ мужемъ въ невѣрности

и скандалѣ, а виновенъ былъ мужъ въ преступленіи гораздо большемъ, въ томъ, что онъ былъ робокъ и слабъ и боялся сѣсть подлѣ жены. Но, такъ какъ куріозы, подобно несчастьямъ, никогда не ходятъ въ одиночку, а всегда обществами, то и здѣсь за куріозомъ переодѣванія шествовалъ другой, не меньшій: любовнаго объясненія между мужемъ и женою!?

Не забудьте, что прошелъ уже слишкомъ годъ съ того времени, какъ Вассъ не имѣлъ права на свою жену и почти полгода послѣ дуэли... и вотъ теперь, послѣ сильнаго катаклизма, для него снова замерцала заря. Въ двухъ шагахъ отъ него сидѣла его жена, которую онъ любилъ, молодая, красивая... Глупая, надоѣвшая мысль о соперникѣ не приходила мѣшать своею назойливостью... жена сама требуетъ, чтобы мужъ сѣлъ ближе... Боже мой! но неужели это возможно, неужели такое счастье должно завершиться?

Дрожь прошла по тѣлу Васса, когда онъ придвинулся къ женѣ и взялъ ее за руку, робко, со страхомъ... Еслибы онъ былъ внимателенъ, онъ бы замѣтилъ, что рука эта была холодна, какъ ледъ, и тонкіе нѣжные пальцы ея были совершенно неподвижны, безжизненны.

— Анна, проговорилъ онъ: — знаешь-ли что .... забудемъ весь послѣдній годъ. Его не было. Я согласенъ...

— Да, забудемъ, отвѣтила она, и по мысли ея, съ быстротою молніи пронесся одинъ изъ афоризмовъ, которые она сочинила себѣ: „ты привяжешься къ мужу, тебѣ нечего искать больше“....

— И ты будешь опять моею, опять я буду вѣрить тебѣ, опять буду счастливѣйшимъ человѣкомъ!..

Все это говорилъ Вассъ скороговоркою и притяги вая къ себѣ жену.

— Да, да, да!.. сказано ему было въ отвѣтъ и другой афоризмъ промелькнулъ въ головѣ Анны Ѳедоровны: „ты должна быть ласкова съ мужемъ и не отталкивать его.“

Во исполненіе этаго афоризма Надрикова обняла Васса и поцѣловала его въ лобъ.

Въ головѣ у Васса пошло кругомъ. Земля задвигалась у него подъ ногами и онъ сильно, сильно прижалъ жену къ груди своей.

— Такъ ты любишь меня! дѣйствительно любишь!? шепталъ онъ невнятно и неясно, подобно вечернему свѣту, изчезавшему въ сумеркахъ апрѣльскаго вечера.

Вмѣсто отвѣта, Надрикова поцѣловала его еще, и, на этотъ разъ, прямо въ губы...

Большинству женщинъ легче поцѣловать, если уже на то пошло, чѣмъ произнести завѣтное, великое слово „люблю“. Поцѣлуевъ въ жизни дается много, но произнесеніе слова „люблю“, остается на перечетѣ.

Мы предлагаемъ женамъ и любовницамъ припомнить свое прошедшее и сказать: правду ли мы говоримъ?

Намъ кажется, что сказать „люблю“, значитъ принять на себя всѣ нравственныя и физическія послѣдствія и что солгать словомъ труднѣе, чѣмъ солгать тѣломъ. Въ этомъ сказывается одно изъ рѣдкихъ, но мѣткихъ доказательствъ честности человѣческой натуры вообще. Само собою разумѣется, что мы не принимаемъ въ разсчетъ тѣхъ особъ, что могутъ повторять слово

„люблю“ столько разъ, сколько отъ нихъ этого пожелаютъ. Но объ этихъ особахъ тутъ нѣтъ и рѣчи.

И такъ: совершилось!...

Долгъ восторжествовалъ, хотя, и этого мы скрывать не должны, какой-то глубоко-затаенный стыдъ, какой-то еле-слышный самой Надриковой лепетъ, нашептывалъ ей слова, совершенно противуположныя ею самою составленнымъ афоризмамъ. Афоризмы утверждали, что она сдѣлала хорошо, что такъ и слѣдовало, что Вассъ хорошій человѣкъ, и что она мать, что она должна и то и другое... а неугомонный лепетъ твердилъ свое: что принадлежать нелюбимому мужу это тоже паденіе, это тоже торгъ, и не изъ лучшихъ!

Въ концѣ концовъ, Анна Ѳедоровна убѣдилась въ томъ, что она будетъ вѣрна мужу и займется дѣломъ.

Рѣшено было опять выѣзжать въ свѣтъ и принимать гостей.

Глава XI.

Апрѣльское солнце Петербурга выжигаетъ своими яркими, утренними лучами послѣдніе остатки зимняго сезона, баловъ и вечеровъ. Апрѣльское солнце, весьма непрошеннымъ гостемъ, въ четвертомъ, или пятомъ часу утра, застаетъ въ расплохъ наши танцующія общества и сводитъ къ настоящему ихъ виду и цвѣту физіономіи, сіявшія красками и свѣжестью при блескѣ люстръ и лампъ.

Зелеными, голубыми и лиловыми отливами поражаютъ эти, сіявшія при огняхъ, лица и со страху и совѣстливости скрываются они по домамъ, до будущаго сезона, до того времни, пока солнце снова не будетъ вмѣшиваться въ освѣщеніе вечеровъ и баловъ своими нескромными лучами, въ четвертомъ или пятомъ часу утра.

Солнечный свѣтъ, какъ извѣстно, разгоняетъ всѣ наважденія....

У сестеръ Кокольцевыхъ былъ балъ. Послѣдній балъ.

Обѣ сестры Кокольцевы имѣли въ суммѣ сто одиннадцать лѣтъ. Это были богатыя, незамужнія, высокія ростомъ старухи, собиравшія подлѣ себя очень веселое, пестрое общество.

Видимою причиною сборовъ была ихъ племянница-сирота — Варя, дочь умершей сестры, совершенно бѣдная, такъ какъ состояніе, долженствовавшее перейти къ ней отъ ея матери, было спущено отцомъ, догадавшимся умереть какъ разъ въ то время, когда послѣдніе рубли пошли ребромъ. Сирота, тогда еще двѣнадцати лѣтъ, переселилась въ домъ тетушекъ, доросла до полнаго возраста и ее-то нужно было выдать замужъ; понятно, что нужно было созывать народъ и давать балы.

Народъ всегда найдется, лишь бы были балы, да хорошо кормили, да встрѣчались молоденькія и хорошенькія дамочки.

Сильно ошиблись бы тѣ, кто, глядя на обстановку дома Кокольцевыхъ, надѣялись получить, со временемъ, все это въ приданое за сиротою. Сиротѣ, каждая изъ сестеръ, записала по пяти тысячъ, все остальное шло, какъ гласило завѣщаніе, отъ одной сестры къ другой, и потомъ на церкви, богадѣльни и пріюты. Но завѣщаніе было тайною и сирота слыла за хорошую невѣсту.

Что касается до сестеръ Кокольцевыхъ, то это были старухи очень видныя, умныя, гордыя и смотрѣвшія сквозь пальцы на всевозможные грѣшки человѣчества. Особенно снисходительно относились они къ грѣхамъ любовнымъ.

Знали-ли они любовь по опыту, — этого опредѣлить никто не могъ, по давности времени, но вѣрно то, что обѣ онѣ въ молодости были не дурны, чему служили доказательствомъ два масляныхъ портрета, висѣвшихъ въ гостинной; обѣ онѣ были богаты, что виднѣлось во всей обстановкѣ ихъ дома.

Почему не вышли онѣ замужъ, было непонятно, но это былъ фактъ. Кое-что поговаривали о нихъ, это правда, особенно о Надеждѣ Петровнѣ, о старшей (другую звали Марьей); говорили, даже, будто сирота была ея дочерью, и даже называли отца, умершаго монахомъ въ .... пустыни.

Говорили и о томъ, что одинъ изъ весьма знатныхъ господъ, оставшійся всю жизнь холостымъ и занимавшій въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, одно изъ весьма видныхъ, но безсильныхъ, мѣстъ въ служебной іерархіи, былъ соперникомъ монаха... Но, это слухи. Вѣрно только то, что этотъ знатный господинъ, Варсонофій Евграфовичъ Хлумскій, бывалъ на балахъ Кокольцевыхъ и бывалъ всегда, рѣшительно всегда. Вѣрно и то, что Кокольцевыхъ не звали иначе, какъ—дѣвицами и что у нихъ бывало весело, даже очень весело.

А почему?

Вотъ почему. Добрая часть многихъ интригъ и любовныхъ шашней Петербурга, такъ или иначе, начинались, кончались, или хоть какъ-нибудь, но затрогивали—шли черезъ домъ Кокольцевыхъ. Въ кружкахъ самой богатой молодежи нерѣдко спрашивали другъ друга: „ты не на Фурштатскую-ли?“ Такъ хорошо знали въ этихъ кружкахъ домъ Кокольцевыхъ, что даже и фамиліи ихъ не называли.

Десять лѣтъ подъ рядъ шли у нихъ балы, театры, пикники, и внимательному, постоянному посѣтителю не трудно было замѣтить, что каждую рѣшительно зиму женскій персоналъ общества мѣнялся. Многіе мужья и отцы поздно догадывались убрать изъ этого персонала своихъ женъ и дочерей; другіе сами переставали ѣздить или изъ боязни, или потому что обзаводились тамъ, или на сторонѣ, тѣмъ, чего хотѣли; третьимъ, и въ этотъ надо отдать справедливость сестрамъ Кокольцевымъ, сами онѣ прекращали входъ въ домъ, потому что, относительно приличія и вѣжливости, — старухи были ригористками.

Малѣйшее отступленіе, даже промахъ, не прощались никогда, и отъ этого не избавлялись даже люди съ силою и значеніемъ. Кокольцевы были богаты, совершенно независимы, кормили великолѣпно, общество у нихъ было людное, веселое, у нихъ бывали и сильные міра сего, а потому ихъ домомъ дорожили.

Дѣлать все, что угодно, но приличіе сохранять, — вотъ девизъ, которому слѣдовали обѣ сестры... Надо отдать справедливость, что и могила монаха въ... пустыни содержалась съ полнымъ приличіемъ, и что тотъ знатный господинъ, о которомъ упомянули мы выше, стянутый, слегка набѣленный, блестѣвшій регаліями, былъ тоже въ высшей степени приличенъ.

Самая квартира Кокольцевыхъ была отмѣчена характеромъ общества и построена по только-что названному девизу: можно все, — но только приличіе сохраняйте.

Длинный рядъ комнатъ, тянувшійся вдоль фасада

дома, былъ убранъ съ роскошью и обстановленъ бронзовыми статуями и увѣшанъ картинами. Нагихъ, совершенно нагихъ, статуй не было, но всѣ онѣ были, такъ или иначе, подстрекающими.

По комнатамъ, со всѣми возможными ухищреніями. были устроены уголки, какъ нельзя болѣе приспособленные къ разговорамъ a parte, обставленные густою зеленью, вазами, шифоньерками. Цвѣтные фонарики свѣтили въ нихъ довольно тускло, и во всѣхъ покояхъ, кромѣ залы, облицованной бѣлымъ алебастромъ и столовой, обдѣланной самымъ свѣтлымъ дубомъ, царствовалъ мягкій, поэтическій полусвѣтъ.

Знаетъ одинъ только Богъ, что за цвѣточки разныхъ отношеній, связей, интрижекъ и дѣйствительныхъ привязанностей зародились въ этомъ полусвѣтѣ квартиры Кокольцевыхъ и будутъ жить своими послѣдствіями долгое, долгое время... Попасть женщинѣ или дѣвушкѣ въ домъ это было не неприлично, это былъ одинъ изъ лучшихъ домовъ столицы, но и выйти изъ него безъ какоко-то страннаго, сомнительнаго оттѣнка — было тоже невозможно.

Домъ этотъ, какъ и многіе дома въ наши дни, былъ какою-то амфибіею, не то барскимъ, высокопоставленнымъ, не то полусвѣтомъ, а, можетъ быть, и еще хуже того.

И такъ: у Кокольцевыхъ былъ балъ.

Передъ домомъ, далеко по улицѣ, стояли экипажи: между кучерами виднѣлись и галунные, что было не трудно видѣть, благодаря свѣтлой апрѣльской ночи.

Былъ двѣнадцатый часъ, а между тѣмъ кареты то

и дѣло подкатывали, соскакивалъ съ козелъ лакей. обѣгалъ карету, отпиралъ дверцы и выходила оттуда дама, таща за собою значительный комъ складокъ платья: иногда это дѣлалъ мужъ. Дама поднималась по мягко устланной лѣстницѣ, нѣсколько лакеевъ въ сѣрыхъ гамашахъ и синихъ, короткихъ мундирчикахъ съ пестрыми аксельбантами, позировали по сторонамъ. Огни горѣли повсюду въ изобиліи, и отражались въ зеркалахъ.

Оправясь передъ зеркаломъ, дама входила въ залу.

— Grand rond, s'il vous plait!! кричитъ дирижоръ, блестящій офицеръ, для того, чтобы закончить первую протанцованную кадриль.

Пары становятся въ кругъ.

— Cavaliers en avant! tournez cavaliers! balancez! à vos dames, s'il vous plait!

Балансируютъ пары, раскачиваются кавалеры передъ дамами, будто маятники, и не успѣли еще отбалансировать какъ уже дирижоръ велитъ слѣдовать за нимъ.

— Suivez moi, messieurs! deux colonnes, s'il vous plait, deux colonnes! rompez les rangs!!

Становятся пары въ двѣ колонны; многія, поробчѣе, незнаютъ, въ которую изъ колоннъ имъ стать и путаются.

Пока пары ищутъ своихъ мѣстъ, кое-гдѣ, но совершенно незамѣтно, совершаются пожатія рукъ. Вотъ этотъ господинъ, съ горбатымъ носомъ, жметъ руку своей дамѣ, она даже опустила глаза, — ага! это значитъ первое пожатіе. Вотъ, подлѣ нихъ, другая пара: эти почему-то взялись за обѣ руки и, какъ бы ожидая постановки колоннъ, смотрятъ въ сторону; ясно, что они глядятъ только для отвода, вся игра въ рукахъ.

— Reculons s'il vous plait!! кричитъ дирижоръ.

Колонны осаживаютъ, наступаютъ, расходясь къ двумъ противуположнымъ сторонамъ залы, встрѣчаются одна съ другою и пропускаютъ пару сквозь пару.

— Bonsoir!! выкрикиваетъ одна изъ проходящихъ въ колоннѣ дамъ, одному изъ стоящихъ у стѣны кавалеровъ. Longtemps ici? Vous, Coq a l'âne, Vous!

— Je viens d'arriver, отвѣчаетъ кавалеръ. — La suivante, madame! бросаетъ онъ ей вслѣдъ.

— Bon! la suivante! отвѣчаетъ дама и, кивнувъ просителю, проскользаетъ, продолжая прерванную рѣчь съ своимъ кавалеромъ.

Еще разъ образуется кругъ, еще разъ балансируютъ, качаются маятниками пары, и мужчины благодарятъ дамъ.

Цѣлая гирлянда рукопожатій и кивковъ завершаетъ кадриль и музыканты, участивъ темпъ до крайности, кончаютъ на сильномъ и протяжномъ аккордѣ...

Аминь! Кончено... Сколько новыхъ интригъ завязалось, сколько надеждъ рухнуло и сколько установилось! и каждая, рѣшительно, кадриль на свѣтѣ несетъ въ себѣ какія-нибудь сѣмяна измѣненій въ людскихъ отношеніяхъ; а мало-ли въ зиму вытанцуется кадрилей на бѣломъ свѣтѣ?!

Пока происходило все нами описанное, гости продолжали наѣзжать.

Первымъ дѣломъ входящихъ было отъискать хозяйку, ту или другую; другимъ дѣломъ было осмотрѣть гостей...

А ужъ какая пестрота царствовала между гостями. Тутъ была и дородная дочь одного изъ бывшихъ, умер-

шихъ тузовъ, извѣстная своими похожденіями; тутъ виднѣлась и эта красивая двумужница, полувакханка, полупресвитерша, сорви-голова баденской рулетки, премированная не однимъ изъ сильныхъ міра сего; шмыгали по залѣ вытанцовавшіеся до баронства купцы и негоціанты, и бароны, занимавшіе видныя административныя должности и ничѣмъ не отличавшіеся отъ купцовъ въ куплѣ и продажѣ... Главный фонъ составляли офицеры всѣхъ родовъ оружія и статскіе всякихъ министерствъ.

Шумъ, говоръ, шарканье сапоговъ, щелканье шпоръ, стукъ чайныхъ чашекъ о блюдечки раздавались неумолчно...

Въ залу вошли Надриковы.

Внимательному глазу было очень замѣтно, что появленіе Надриковой произвело на общество впечатлѣніе.

Нѣкоторые знали ее только по фамиліи, другіе потому, что встрѣчали гдѣ-нибудь, третьи совсѣмъ незнали, но обратили вниманіе, какъ на женщину красивую, четвертые — знали, даже на столько, что могли поразсказать кое-что.

— Вотъ она, проговорилъ офицеръ своему товарищу: — Викентьевская...

— Не можетъ быть?

— Да, это она.

— И красивая какая! Для этакой барыни я бы... дуракъ Викентій! А мужъ-то, мужъ?!

— Да, изъ воинственныхъ, чиновникъ онъ, что-ли? хорошъ?!

— Да — Хорошъ, хорошъ.

Офицеры долго и зорко смотрѣли за Надриковою; слѣдили, какъ она раскланялась съ двумя-тремя изъ гостей, какъ подошла она къ одной изъ старушекъ Кокольцевыхъ, какъ искренно обрадовалась эта старушка ея приходу и какъ, непосредственно за рукопожатіемъ, она подвела къ Надриковой какого-то рослаго господина, весьма красиваго, и представила ей и ея мужу.

Въ качествѣ автора, мы заглядываемъ въ сердце хозяйки и видимъ, что она имѣетъ какія-то особенныя причины представить Надриковой именно этого господина. Она познакомила его и съ Вассомъ Оровичемъ.

Звучно и блестко заигралъ оркестръ какую-то польку. Зала очистилась отъ гулявшихъ и стоявшихъ по ней, и наполнилась парами танцующихъ. Со стороны смотрѣть на это вздергиванье ногъ и волынкообразное шествіе паръ по паркету, было очень смѣшно.

— Позвольте васъ просить, проговорилъ господинъ, только что представленный Надриковой, почтительно раскланиваясь передъ нею.

Они пошли.

Господинъ танцовалъ замѣчательно ловко, держа руку на отлетъ. Еслибы онъ былъ полковникомъ, то кисти эполетъ его, отъ быстроты движенія, неминуемо закрутились бы въ кудри. Онъ весьма непріятнымъ манеромъ толкнулъ какого-то чернаго, чернаго господина съ большимъ, ломанымъ носомъ, извиняясь на лету и, послѣ двухъ туровъ остановился съ Надриковою мгновенно, и надъ самымъ тѣмъ стуломъ, у котораго взялъ ее; колѣна ихъ даже слегка столкнулись...

Господинъ осѣлъ точно рысакъ на полномъ ходу;

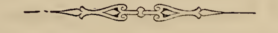
еслибы у него были шпоры, то онѣ неминуемо издали бы свой острый, гармоническій звукъ.

— Кадриль у васъ свободна? спросилъ господинъ Надрикову, вкрадчиво и глубоко почтительно.

— Я не буду танцовать этой кадрили, отвѣтила она довольно рѣзко, желая отдѣлаться именно отъ него. Онъ показался ей дерзкимъ и она испугалась.

Подошелъ Вассъ. Надрикова взяла его подъ руку и прошла въ гостинную.

Господинъ слегка улыбнулся и продолжалъ стоять посрединѣ залы, провожая мужа и жену глазами....

Глава XII.

Геннадій Ивановичъ Лаврецовъ, господинъ, провожавшій Надрикову глазами, былъ высокъ ростомъ, неоспоримо красивъ, немного блѣденъ и изношенъ и имѣлъ, не смотря на свои двадцать семь лѣтъ, большое прошедшее!

Имѣть прошедшее! Это, конечно, одна изъ обыденныхъ фразъ, бьющихъ наше общество въ лицо своимъ значеніемъ.

Имѣть прошедшее — значитъ быть опытнымъ въ дѣлѣ любви. Про человѣка опытнаго въ наукѣ, службѣ, трудахъ, никто не скажетъ, что онъ имѣетъ прошедшее! Но, что прикажете, это такъ.

У Геннадія Ивановича прошедшее было, и отличалось разными исторіями.

Къ числу крупнѣйшихъ, служившихъ доказательствомъ,

магнетическихъ способностей Лаврецова, относятся двѣ: о двухъ бѣжавшихъ съ нимъ женахъ; объ остальныхъ мы умалчиваемъ.

Одна изъ женъ слѣдовала за нимъ по Россіи, съ сѣвера на югъ, и была брошена имъ на Кавказѣ, куда Лаврецовъ ѣздилъ съ особымъ порученіемъ; другая — пропутешествовала съ нимъ съ юга на сѣверъ, куда Лаврецовъ вернулся исполнивъ особое порученіе, и была передана имъ съ рукъ на руки другому, менѣе брюзгливому, любителю женщинъ.

Обѣихъ этихъ женъ пріѣхали подобрать ихъ мужья и помирились съ ними; въ обоихъ случаяхъ примиренію способствовалъ самъ Лаврецовъ, и оба мужа, чиновники, были счастливы возвращеніемъ женъ. Одинъ изъ нихъ, отъ счастья, перешелъ въ лучшую жизнь; другой, получивъ выгодное мѣсто — утѣшился.

Будучи сыномъ сенатора и получивъ одновременно съ жизнью тьму административныхъ протекцій, Лаврецовъ, по окончаніи курса въ университетѣ, съ быстротою непостижимою проскакалъ по ступенямъ службы и, не смотря на свои годы, былъ близокъ къ привилегированнымъ относительно суда классамъ. Въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ губернскихъ городахъ его знали и старались помнить.

Способности у Геннадія Ивановича были блестящія: говорилъ онъ хорошо, понималъ вещи удивительно легко и могъ, по временамъ, работать нервно и усиленно, т. е. такъ, какъ этого требуетъ административная карьера.

Чувствительный къ художественнымъ красотамъ беллетристики и сцены, до готовности плакать; жесткій и

неумолимо холодный въ службѣ; мягкій, заискивающій и безстрашный съ женщинами, до достиженія цѣли, Лаврецовъ отличался и еще одною особенностью, это: странною нелюбовью, чтобы не сказать болѣе, къ роднымъ и близкимъ, и, болѣе другихъ, къ отцу и матери. Отца онъ почти не помнилъ; мать его, до самой смерти обожала своего Натю и хаживала пѣшкомъ въ Казанскій соборъ, по большимъ праздникамъ, для того, чтобы полюбоваться имъ, когда онъ, вмѣстѣ съ другими, выйдетъ изъ собора, сядетъ въ свой экипажъ и помчится. Старушка умерла года два назадъ до описываемыхъ нами исторій и благословила сына.

Лаврецовъ, фотографическую карточку котораго желающіе могутъ видѣть во многихъ альбомахъ, относился къ числу тѣхъ дѣятелей нашихъ, которые составляютъ позднѣйшую, изящнѣйшую формацію, нѣкоторымъ образомъ дилувіумъ, нашихъ административныхъ и литературныхъ наслоеній.

Литература 60-хъ годовъ и глухое, тогда еще не ясное, казавшееся чѣмъ-то, волненіе кружковъ, чуть-чуть было не втянули въ себя студента Лаврецова. Онъ былъ даже однажды вечеромъ у Добролюбова и говорилъ съ Сѣраковскимъ... Но, увидѣть вблизи и отскочить на все разстояніе, отъ „Современника“ до канцеляріи министерства, было для него дѣломъ одной минуты.

Отпрыгнувъ мячикомъ, Лаврецовъ унесъ, однако, съ собою, изъ своего обнюхиванья литературнаго кружка, глубокое презрѣніе къ публицистикѣ и всякимъ земскимъ, не отъ правительства, дѣятелямъ (къ числу дѣятелей

не отъ правительства относилъ онъ и всякіе принципы), а также полную нетерпимость чужихъ, или, какъ онъ выражался, „черноземныхъ“ мнѣній.

Погибъ „Современникъ“, лопнулъ польскій мятежъ, попрятались въ щели политическіе рысачники и Лаврецовъ отлился въ окончательную и неизмѣнную форму: чиновника базаровскаго пошиба, лакнувшаго физіологіи, фланстерій и коммуны, администратора съ фискально-хирургическими наклонностями, смѣлаго до безумія и готоваго, еслибы это отъ него зависѣло, въ вопросахъ государственной важности, пускаться на всякое авось.

Правда, развилось въ Лаврецовѣ и еще кое-что изъ литературнаго обнюхиванія, это страсть къ женщинамъ и хорошему столу. Скрѣпляя по утрамъ бумаги, имѣвшія силу приводить людей въ трепетъ по губерніямъ, онъ отплясывалъ по вечерамъ кадрили и польки, короталъ ночи въ маскерадахъ и мы встрѣчаемъ его въ домѣ Кокольцевыхъ какъ одного изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ посѣтителей и, можетъ быть, такъ думали старушки, будущаго родственника ихъ.

Не разъ уже говорили старушки о возможности брака его съ Варею и, отчасти, именно для разъясненія этого вопроса, представила его Марья Петровна Надриковой. Этотъ маневръ былъ и хитеръ, и ловокъ, и приличенъ.

— Начнетъ онъ, думала Марья Петровна: ухаживать за Надриковою, въ глазахъ Вари, — онъ ей, значитъ, не женихъ, и не ищетъ ея. Не начнетъ, — значитъ и такая женщина, какъ Надрикова, блѣднѣетъ для него подлѣ Вари — и онъ ей женихъ!

Можно себѣ представить, какъ бы былъ благодаренъ

Вассъ тому назначенію, которое опредѣляла его женѣ хозяйка дома!

Кокольцевы знали всю ея исторію и предполагали, что это, вѣроятно, не первая и, конечно, не послѣдняя. Онѣ не преминули сообщить о ней и Лаврецову.

Въ день бала, Лаврецовъ обѣдалъ у нихъ, помогалъ различнымъ приготовленіямъ и выпилъ многое множество бокаловъ шампанскаго, за разныя здоровья. Онъ пьянѣлъ очень легко, любилъ пьянѣть, но, сколько бы не пилъ, никогда не бывалъ пьянымъ, и только становился развязнѣе, острѣе, красивѣе.

Открытый, во время бала, буфетъ, стоявшій въ столовой, съ обѣихъ сторонъ котораго два офиціанта въ теченіе всего бала наливали шампанское, кому сколько хотѣлось, тоже часто посѣщался Геннадіемъ Ивановичемъ. Можетъ быть, благодаря обѣденнымъ тостамъ и этому буфету, былъ онъ такъ особенно вдохновленъ появленіемъ Надриковой, подѣйствовавшей неудержимо на его чувственность, вдохновленъ до самозабвенія, до того, чтобы остаться стоять посрединѣ залы и глядѣть ей вслѣдъ....

Все время, пока Надрикова, подъ руку съ Вассомъ, уходила изъ залы, Геннадій Ивановичъ, соображая ея неожиданный отказъ танцовать съ нимъ, слѣдилъ за нею, неподвижный и совершенно разсѣянный, и только тогда, когда она прошла дверь гостиной и скрылась, онъ опомнился.

Кто-то слегка взялъ его за руку.

— Геннадій Ивановичъ! мнѣ надо поговорить съ вами.

Лаврецовъ обернулся.

Это была Варя — да и кому-же было быть здѣсь въ эту минуту, какъ не ей? кому-же было подмѣтить эту долгую стойку на мѣстѣ? и какъ-же это глупо, неумѣстно и смѣло подойти именно въ эту минуту.

— А? Что? отвѣтилъ довольно грубо Лаврецовъ.— Что вамъ?

— Отойдемте въ сторону.

— Скажите, кто эта госпожа Надрикова? спросилъ онъ, предлагая Варѣ руку и направляясь въ сторону, противную той, въ которую ушла Надрикова.

— Я мало знаю ее, — но она мнѣ нравится. А вамъ?! да!?

— Вы, можетъ быть, Варвара Осиповна объ этомъ и говорить хотите и думаете, что это я на нее смотрѣлъ?

— Нѣтъ. Я этого не думаю. У меня есть дѣло важнѣе и я иду съ вами не для разговора, а для объясненія.

Варя лгала относительно перваго; она дѣйствительно слѣдила за взглядомъ Лаврецова, пожиравшимъ Надрикову, но она не лгала относительно втораго: дѣло у нея было серіозное, крайне серіозное.

— Ого! какая строгость! отвѣтилъ Геннадій Ивановичъ, какъ бы сквозь сонъ, продолжая идти по принятому направленію и разбирая въ себѣ впечатлѣнія, произведенныя на него Надриковою.

Произнося послѣдніе слова, онъ даже успѣлъ забыть: на что онъ только-что отвѣчалъ, съ кѣмъ шолъ, куда направлялся? Онъ очнулся только тогда, когда сидѣлъ уже на диванѣ, въ спальной Марьи Петровны Кокольце-

вой, самой отдаленной и не проходной комнатѣ, въ виду кіоты, съ горѣвшею передъ нею лампадою, обливавшею образа, ихъ ризы и каменья, кроткимъ, неподвижнымъ свѣтомъ.

Лаврецова покоробило. Онъ отвелъ голову и сталъ смотрѣть на стѣны, выбивая ногами какой-то темпъ.

— Геннадій Ивановичъ, начала Варя, спокойно и тихо:—знакома-ли вамъ Лиза Бахмутова?... Я—такой незнаю.

Произнесеннаго имени было достаточно, чтобы озадачить Лаврецова окончательно.

Почти одновременное появленіе передъ нимъ Надриковой и произнесеніе имени Лизы Бахмутовой — Варею, Варею, которая никогда и ни въ какомъ случаѣ не могла, да и не должна была знать этого имени, — это было и ново, и странно, и любопытно.

Геннадій Ивановичъ улыбнулся.

Еслибы Варя вздумала преслѣдовать его Надриковою, — къ этому онъ приготовился; онъ бы оборвалъ коротко и откровенно, — но имя другой женщины, достаточно хорошо знакомое ему, имя, произнесенное въ спальной Марьи Петровны, Варею — этого онъ не ждалъ и пороху на первое время не хватило, не смотря на шампанское. Но молчать Лаврецовъ не привыкъ, да и что-же было въ этомъ случаѣ такого государственнаго? Онъ такъ-таки и подумалъ: государственнаго.

— А что вамъ до этого имени, Варвара Осиповна? сказалъ онъ.

— Я получила письмо.

— Письмо? отъ нея.

— Да, отъ нея.

— Отъ нея?! Позвольте посмотрѣть.

Варя вытащила изъ за лифа свернутую въ четверо почтовую бумажку и отдала ее Геннадію Ивановичу.

Онъ поднялся съ мѣста, развернулъ ее и, подойдя къ кіотѣ, принялся читать. Онъ читалъ долѣе, чѣмъ слѣдовало. Варя не спускала съ него глазъ.

— Когда вы получили это письмо? проговорилъ Лаврецовъ, совершенно спокойно и свертывая его.

— Здѣсь дѣло не во времени, Геннадій Ивановичъ, а въ письмѣ, отвѣтила Варя, и грудь ея поднималась сильно и порывисто. Глаза ея, широко раскрытые, переходили съ Лаврецова на образа и съ образовъ на Лаврецова. Легкая блѣдность легла по ея красивому, открытому лбу и далеко неполнымъ щекамъ, и вѣеръ слегка потрескивалъ въ перебиравшихъ его рукахъ.

— Справимся... изслѣдуемъ, отвѣтилъ Геннадій Ивановичъ, и положилъ письмо къ себѣ въ карманъ.

— Но вы отдадите мнѣ письмо. Оно мое, рѣзко проговорила Варя.

— Что?! Дитя. Письмо въ моемъ карманѣ и вы называете его своимъ. Такъ что-же вамъ тутъ объяснять-то?

— Какъ, что? у васъ ребенокъ... у васъ женщина... вы были у нея три недѣли назадъ?!

— Ну такъ что-же? былъ.

— Но вѣдь три недѣли назадъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ... О!

Да не подумаетъ читатель Богъ знаетъ чего объ этомъ О! которое вырвалось изъ груди Вари. Ей стать

матерью никакой опасности не предстояло, но первый въ жизни поцѣлуй, дѣйствительно первый, онъ былъ данъ Варею и данъ Лаврецову, въ этой спальной старой дѣвушки и ровно три недѣли назадъ до описываемой нами сцены.

Положеніе Лаврецова было, во всякомъ случаѣ, не изъ ловкихъ. Дѣвушка была видимо зла; съ дѣвушкой могъ сдѣлаться какой-нибудь припадокъ; гостей много; вѣроятіе большое, что кто-нибудь да придетъ...

Послѣднее соображеніе было совершенно справедливо. Точно изъ подъ земли, вдругъ выросла въ дверяхъ Марья Петровна; она вела съ собою, подъ руку — Надрикову.

— Вотъ они гдѣ, сказала Марья Петровна, бросивъ почти одновременный взглядъ на Лаврецова и Варю, и непреминувъ замѣтить, что тутъ что-нибудь да произошло.

Замѣтить, сообразить и внутренно порадоваться своей мудрости, было для нея дѣломъ одной секунды. Оставалось продолжать въ томъ-же направленіи... Марья Петровна была слишкомъ политична для того, чтобы сконфузить Варю вопросомъ о ея блѣдности, и поспѣшила было продолжать рѣчь, — но Варя, пробормотавъ что-то, поднялась съ мѣста и быстро изчезла въ сосѣднюю комнату...

— Что съ нею, Геннадій Ивановичъ?! не больна-ли она? спросила Марья Петровна.

— Не знаю. Она, что-то, на васъ сердита, отвѣтилъ Лаврецовъ.

— На меня?! О, надо узнать, надо узнать. Остав-

ляю вамъ мою гостью, Геннадій Ивановичъ. — Съ нимъ вы не соскучитесь, продолжала она, обращаясь къ Надриковой: — о, навѣрное не соскучитесь, навѣрное... Одно только, ma chère madame Nadrikoff, не поднимайте на него слишкомъ часто вашихъ глазъ! Какіе у васъ глаза?! Вы въ состояніи уничтожить мужчину вашими глазами. Sans rancune, n'est ce pas?! завершила Марья Петровна, и послѣдовала за племянницею, пожавъ руку Аннѣ Ѳедоровнѣ и быстро кивнувъ Лаврецову.

Положеніе Лаврецова стало еще труднѣе.

Отказъ Надриковой танцовать съ нимъ кадриль былъ далеко не двусмысленъ, а тутъ, вмѣсто кадрили, бесѣда съ глазу на глазъ! Бесѣда съ женщиною, поразившею Лаврецова первымъ своимъ появленіемъ до отупѣнія, съ женщиною, которая, какъ ему извѣстно, еще такъ недавно была въ объятіяхъ любовника, а слѣдовательно... Понятно, что это за слѣдовательно.

Исторія съ письмомъ и Варя моментально съежились въ мысляхъ Лаврецова до неизмѣримо малой величины и не составляли рѣшительно никакой помѣхи этому великолѣпному образу Надриковой, наступавшему на него все съ большею и большею силою...

— И вѣдь это была не римская матрона, думалось ему: — не невинная дѣвушка, а женщина доступная, и еще недавно... и вѣдь чего-же не бываетъ на свѣтѣ, думалъ онъ.—Чѣмъ чортъ не шутитъ!! Мысли Лаврецова заискрились, шампанское работало въ немъ... Отчего-же и мнѣ не взять тебя, и я возьму, возьму...

Надрикова, тѣмъ временемъ, не чувствовала рѣшительно ничего, кромѣ неловкости слишкомъ долгаго

безмолвія и того страха, который она уже испытала къ Лаврецову раньше. Того-же, что ее хотятъ взять — она не чувствовала.

Уйти, послѣ словъ, сказанныхъ Марьею Петровною, было невозможно, и Надриковой пришлось сѣсть на диванъ.

— Простите меня, началъ весьма тихо Геннадій Ивановичъ, подойдя къ дивану и медленно опустившись подлѣ Надриковой: — но я нахожу, что замѣчаніе нашей хозяйки...

Надрикова подняла на Лаврецова свои глаза.

— Что вотъ именно эти глаза, которые вы только что подняли...

Голосъ говорившаго дрожалъ. Надрикова совершенно невольно слегка отшатнулась; по движенію складокъ платья ея замѣтно было, что она отставила одну изъ ногъ, готовясь вскочить съ мѣста при первой надобности.

Передъ нею былъ сумасшедшій — она не сомнѣвалась въ этомъ. Движеніе Надриковой замѣтилъ и Лаврецовъ.

— Вы недали мнѣ первой кадрили, проговорилъ онъ, неожиданно повысивъ голосъ до обыкновенной силы его: — но... но я все-таки клянусь вамъ, что вы мужа вашего не любите! вы не можете любить его.

— Вы лжете! вскрикнула Надрикова, ударивъ вѣеромъ по складкамъ платья и готовясь встать... Но, было поздно...

Лаврецовъ, все время впивавшійся глазами въ Надрикову, давно уже соразмѣрялъ ту энергію, которую можетъ противупоставить его милая собесѣдница его энер-

гіи. Мысли его стучали одна о другую... Впередъ! шепталъ ему какой-то внутренній голосъ. Вѣдь все на свѣтѣ шутка, жизнь коротка, да и что-жъ, если неудастся, скандалъ... пуля... вздоръ! а ну впередъ!

Неуспѣла Надрикова щелкнуть вѣеромъ по платью и подняться съ мѣста, какъ Лаврецовъ обхватилъ ее, сильно прижалъ къ себѣ и потянулся за поцѣлуемъ.

Анна Өедоровна только отбросила голову назадъ.

Но у Лаврецова оставалась еще одна рука. Онъ круто повернулъ голову Надриковой къ себѣ, и впился въ ея неподвижныя и горячія губы долгимъ и тяжелымъ поцѣлуемъ...

— Что это такое?! прошептала наконецъ Надрикова, освободившись, раскрывая глаза и поднявшись съ мѣста.

Лаврецовъ стоялъ передъ нею въ двухъ шагахъ.

Первымъ дѣломъ ея было оглядѣться: занавѣски спальной были неподвижны, въ комнатѣ не было никого. Значитъ, не видѣли.

— Поправьте ваши волосы, я сбилъ ихъ, заговорилъ Геннадій Ивановичъ.

Надрикова машинально поправила волоса.

— Теперь, поговоримъ-те, продолжалъ Лаврецовъ.

Отуманенная, неподвижная, оскорбленная, безсильная стояла Анна Өедоровна, оправляясь и слегка понуривъ голову. Она глядѣла въ сторону, къ ряду освѣщенныхъ комнатъ, изъ которыхъ доносился говоръ, звуки музыки и шарканье танцовавшихъ. Она дышала прерывисто: языкъ ея отнялся и ноги не слушались.

— Я хотѣлъ вашего поцѣлуя и, простите, взялъ его и долженъ, пока, остановиться на этомъ! добавилъ Геннадій Ивановичъ.

— Но вы... вы... проговорила наконецъ Анна Ѳедоровна; она ввернулабы какое-либо очень крѣпкое слово, но подобрать такого не могла. И что-же мнѣ дѣлать? думала она.—Бѣжать къ мужу!—но за что-же опять его? Къ Кокольцевымъ?... А можетъ быть лучше молчать? Или объявить всему обществу? посрединѣ залы объявить?...

Легкая дрожь шла по всему тѣлу Надриковой и дыханіе спиралось въ груди сильною и болѣзненною судорогою. Надрикова даже схватилась рукою за грудь.

— Я васъ обидѣлъ? продолжалъ Лаврецовъ: — но зачѣмъ-же вы такъ хороши. Боже мой? О! не жалѣйте этой минуты, этой безумной, но горячей, вдохновенной минуты! Ну, виноватъ-ли я?! Что?! виноватъ?! Такъ бейте меня въ лицо... Ну, бейте-же!...

Пощечина могла бы быть у мѣста, но Надрикова не рѣшилась и только вышла изъ комнаты, неожиданнѣйшимъ образомъ, какъ для Лаврецова, такъ и для себя самой.

Сыскать мужа и уѣхать съ бала, было для Анны Ѳедоровны дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Оставаться она рѣшительно не могла.

Въ прихожую вышли провожать ее, упрашивая остаться, Марья Петровна и Варя. Пришелъ, какъ бы случайно, и Лаврецовъ.

— Что это вы такъ рано, спросилъ онъ у Васса, улыбаясь.

— Жена-съ.. нездорова, отвѣтилъ Вассъ, и при этомъ самымъ неловкимъ образомъ тыкалъ рукою въ подаваемую ему лакеемъ шубу, долго не попадая въ рукавъ.

— О! серіозно?! спросилъ Лаврецовъ, взглянувъ на

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

Надрикову, и голосъ его выражалъ такое глубокое, такое искреннее соболѣзнованіе, что Варю, находившуюся подлѣ и чуявшую что-то недоброе, даже передернуло.

Марья Петровна разсыпалась съ любезностяхъ.

Минуту спустя двери на лѣстницу закрылись, и Надриковы уѣхали.

Варя прошла впередъ, въ залу, первою, даже не взглянувъ на Лаврецова. Марья-же Петровна подала ему руку, и они пошли вдвоемъ.

— Ну, говорила она, улыбаясь на столько мило, на сколько это могла сдѣлать шестидесяти-лѣтняя старуха: какъ вамъ понравилась ваша новая знакомая? Не правда-ли, что...

— О! да, да.

— И, что-же, будете бывать у нихъ?

— Можетъ быть.

— Совѣтую, совѣтую. Я всегда говорила, что молодымъ людямъ до свадьбы перебѣситься надо, чтобы послѣ свадьбы... А Анна Ѳедоровна очень хороша, очень. Признаюсь, я женщина, но я... я къ ней неравнодушна.

Лаврецову невообразимо хотѣлось ругнуть Марью Петровну за эту фразу, до нельзя карикатурную въ ея устахъ. Да и расположеніе духа его было далеко не такое, чтобы тащить подъ руку старуху, объясняющую ему свое неравнодушіе къ женщинѣ....

— Чортъ бы тебя побралъ, думалъ онъ.

Зала къ этому времени совершенно опустѣла, потому что Надежда Петровна распорядилась открыть въ ней форточки, для освѣженія. Сама она была здѣсь и, видя входящими сестру и Лаврецова, подошла къ нимъ и, къ ужасу послѣдняго, пристроилась къ другой, свободной рукѣ его.

— Красивъ я долженъ быть въ настоящую минуту, подумалъ онъ. Чтобъ имъ...

— А вы Надриковыхъ проводили? спрашивала Надежда Петровна.

— Да. Не хотѣли оставаться, отвѣтила ей сестра. И, даже, обаяніе Геннадія Ивановича....

— Не можетъ быть. Не вѣрю... Что это съ ними приключилось?

— Однако, хозяйки простудятся здѣсь, поспѣшилъ прервать тараторившихъ Геннадій Ивановичъ и, почти силою, потянулъ ихъ въ гостинную, испытывая съ обоихъ боковъ непріятныя, хрупкія, костлявыя подталкиванья старушечьихъ походокъ, которыя давали себя чувствовать съ особенною силою, потому что Кокольцевы были по объему неравномѣрны, одна толще—другая худѣе, и висли на рукахъ съ крайне непріятною, теплою откровенностью.

И эти откровенности испытывались Лаврецовымъ съ двухъ сторонъ?! Онъ былъ внѣ себя и только закусилъ губы. Едва только вошли они въ гостинную, какъ обѣихъ старухъ тотчасъ-же разобрали другіе гости и Лаврецовъ освободился.

Освободиться отъ мысли о Надриковой онъ не могъ. Все случившееся казалось ему сномъ и, на этотъ разъ, онъ сознавалъ, что такой силы впечатлѣнія, какое залегло въ него, не испытывалъ онъ никогда. Какое-то теплое чувство въ тѣлѣ и слабость въ ногахъ, вотъ что замѣтилъ онъ въ себѣ и, подойдя къ буфету, потребовалъ шампанскаго.

Пока официантъ наливалъ вино, Лаврецовъ слѣдилъ за блескомъ струи, за игрою пузырьковъ, поднялъ бо-

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

калъ, поглядѣлъ на свѣтъ и потянулъ въ себя, медленно, медленно...

— За твое здоровье, думалъ онъ: — за тебя, за тебя— при мнѣ!

Холодное вино осторожно влилось въ грудь Лаврецова и бокалъ опустѣлъ....

— Чье это здоровье пили вы? Геннадій Ивановичъ, громко и развязно сказала Варя, подойдя, подъ руку съ маленькимъ толстымъ человѣчкомъ, нѣкіимъ Богинскимъ, сильно ухаживавшимъ за нею и видѣвшимъ въ Лаврецовѣ своего главнаго соперника.

— Вѣроятно, за ваше, сказалъ человѣчекъ.

— Не совсѣмъ такъ, отвѣтилъ Геннадій Ивановичъ; за Варвару Осиповну, какъ за будущую невѣсту, будущаго неизвѣстнаго мнѣ жениха.

Эти слова произнесены были съ весьма ясною улыбкою и взглядомъ.

— Вотъ какъ! отвѣтила Варя. Такъ, по вашему, мнѣ пора замужъ; вы совѣтуете?

— Я не смѣю, но...

— И тогда вы начнете ухаживать за мною, не правда-ли? быстро отвѣтила Варя и захохотала.

— Но, перебилъ человѣчекъ: кажется, уже и теперь это такъ? То будетъ только продолженіемъ.

Въ это время дали знакъ мазурки и Варя отправилась танцовать съ своимъ кавалеромъ. Для сохраненія приличія танцовалъ и Лаврецовъ, но онъ ждалъ, какъ спасенія, окончанія бала и вернулся наконецъ домой задумчивый, влюбленный и счастливый....

Глава XIII.

Первою мыслью, мелькнувшею утромъ въ головѣ Лаврецова, была мысль о вчерашнемъ поцѣлуѣ. Сладкое чувство, испытанное имъ, заговорило первое. Вторая мысль была: — отдѣлаться отъ всего, что его связывало и обратиться всѣми своими силами къ Надриковой. Отдѣлаться нужно было сразу отъ двухъ препятствій: отъ Вари и отъ сочинительницы письма, доставленнаго Варѣ.

Самымъ горючимъ, и особенно непріятнымъ, было второе препятствіе.

Быстро поднявшись съ кровати и одѣвъ халатъ, Лаврецовъ подошелъ къ письменному столу своему и, написавъ письмо, позвалъ человѣка.

— Послать сейчасъ-же и отвѣтъ.

На письмѣ былъ адресъ: Его Высокородію Павлу Иларіоновичу Макалинскому.

Человѣкъ пошелъ исполнить приказаніе.

Затѣмъ совершонъ былъ туалетъ. Никакихъ подмазываній и фиксированія волосъ произведено не было; никакихъ вставныхъ зубовъ, покоившихся ночью подлѣ спавшаго, не мыли и не пригоняли на мѣсто: у Лаврецова были великолѣпные зубы и превосходные, почти чорные, волосы.

Затѣмъ, развалившись на оттоманку, принялись за кофе; пробѣжали газеты.

Сполна закончено и выполнено было только сидѣніе въ креслѣ: кофе остался недопитымъ, газеты остались недочитанными.

Лаврецовъ — мечталъ! Онъ даже и не думалъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ; онъ и не разбиралъ: какъ и почему такъ всецѣло поглотила его Надрикова; онъ даже не задавалъ себѣ вопроса о томъ, поведетъ-ли все это къ чему-нибудь, и не испортилъ-ли онъ безвозвратно всего дѣла своимъ поцѣлуемъ. Единственное, что его занимало, это отдѣлаться возможно скорѣе отъ всѣхъ и вся, и отдать себя Надриковой „независимымъ и чистымъ!“

Съ пластическою ясностью проступали въ памяти Геннадія Ивановича, то — общее фигуры Надриковой, то — мелочи ея очертаній, ея движеній и, помимо воли его подвертывались сравненія съ тѣми женщинами, которыхъ судьба когда-либо подводила къ нему. Первенство оставалось за нею, неоспоримо за нею, и Лаврецовъ даже испугался той силы впечатлѣнія, подъ которымъ онъ находился, потому что въ немъ какъ-то невольно начали проскальзывать мысли, до того незнакомыя: мысль,

о „вѣчномъ“ счастьи съ нею, о жизни „вдали“ отъ всѣхъ, въ какомъ-нибудь благословенномъ уголкѣ Германіи, въ мирѣ и тишинѣ; взявъ отпускъ отъ начальства, конечно.

Прокрадывалась и еще одна мысль, до того тоже незнакомая Лаврецову,—мысль о зависти, злобѣ къ человѣку, бывшему обладателемъ Надриковой до него, не къ мужу, конечно, потому что мужъ не считается, но къ любовнику. Ревность самая глупая, самая дикая къ лицу неизвѣстному и по поводу женщины, которая еще не принадлежала мечтавшему и которая—Лаврецовъ не скрывалъ этого отъ себя—если отдастся ему, — то отдастся не такъ скоро и не такъ легко, какъ это случалось съ другими женщинами...

Много-ли прошло времени, Геннадій Ивановичъ не замѣтилъ. Человѣкъ доложилъ, что пріѣхалъ Макалинскій.

Къ знакомцу нашему Павлу Иларіоновичу, счастливый обладатель Надриковой, Викентій, ѣздилъ по своему дѣлу; Лаврецовъ, по своему, нашелъ болѣе приличнымъ пригласить его къ себѣ и Макалинскій почелъ своею обязанностью явиться немедленно.

Лаврецовъ встрѣтилъ его, поднявшись съ кресла, и протянулъ руку. Макалинскій, съ тающею улыбкою на устахъ, поклонился и отвѣтилъ рукопожатіемъ.

— Благодарю васъ за скорое исполненіе просьбы, сказалъ Лаврецовъ.

— Помилуйте. За что тутъ благодарность. Чѣмъ могу служить?

— Сядемъ-те... Эй! человѣкъ, кликнулъ Геннадій Ива-

новичъ: — меня нѣтъ дома. Садитесь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Павлу Иларіоновичу и поговоримъ-те.

Оба собесѣдника усѣлись на оттоманку и Лаврецовъ, въ короткихъ словахъ, изложилъ свою просьбу. Просьба состояла въ томъ, чтобы онъ ѣхалъ къ женщинѣ, писавшей письмо Варѣ, — къ Лизѣ Бахмутовой, и устроилъ дѣло мирно и безъ скандала.

— А, смѣю спросить, говорилъ Павелъ Иларіоновичъ: давно вы знаете ее?

— Года два.

— Есть у нея родные, братъ, отецъ?

— У нея есть братъ.

— Гмъ! промычалъ Макалинскій.—Служитъ онъ гдѣ-нибудь?

— Не знаю.

— А живетъ она на своей квартирѣ или комнату нанимаетъ?

— На своей квартирѣ. Я-же и устроилъ ее.

— А расписочки, о томъ, что квартира устроена вами и вещи вами куплены, есть?

— Нѣтъ.

— Гмъ! опять промычалъ Макалинскій и, глубокомысленно уставивъ глаза на окно, какъ бы соображая, продолжалъ: — А не замѣтили вы, Геннадій Ивановичъ, оно бы было лучше, не замѣтили-ли вы этакой, какъ бы вамъ сказать, невѣрности, вѣтрянности съ ея стороны?

— Вѣрна, какъ корова, даже съ досадой отвѣтилъ Лаврецовъ. — Съ этой стороны ничего не подѣлаешь.

— А нѣтъ-ли у васъ жениха какого-нибудь. Въ канцеляріи у васъ, что-ли?

— Ну, ужъ это я предоставлю вамъ, возразилъ Лаврецовъ, съ худо скрываемымъ нетерпѣніемъ. — Съ вашею ловкостью, умѣньемъ и опытностью, — думаю, что дѣло устроится. Что касается до денегъ, то особенно стѣсняться нечего, хотя я и не Крезъ,—но стѣсняться нечего. И васъ я не забуду, если вамъ что нужно будетъ.

— Да мнѣ, дѣйствительно, я еще недавно хотѣлъ... утруднить васъ просьбою...

— Объ этомъ потомъ и все, что можно, то я сдѣлаю. Главное, кончите мнѣ поскорѣе эту исторію.

— А позвольте ея адресъ.

При этихъ словахъ Макалинскій вытащилъ изъ кармана записную книжку и подалъ ее хозяину, съ просьбою записать адресъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше продиктую вамъ, отвѣтилъ Лаврецовъ, отклоняя книжку:—на Екатерингофскомъ проспектѣ, домъ № 15, — Елизавета Богдановна Бахмутова.

— Слушаю-съ, записалъ, — отвѣтилъ Макалинскій и всталъ, чтобы откланяться.

Лаврецовъ подошелъ къ столу, отворилъ ящикъ и вынулъ двѣ пачки ассигнацій.

— Вотъ вамъ на разъѣзды, пока что, тутъ пять сотъ рублей.

— Помилуйте.

— Нѣтъ, нѣтъ, возмите, а тутъ двѣ тысячи. Если помирите на двухъ, буду доволенъ... Жду скораго и удачнаго отвѣта.

— Иду-съ, немедленно, отвѣтилъ Макалинскій, получивъ деньги. — Только, Геннадій Ивановичъ, позвольте мнѣ надѣяться, что по извѣстному вамъ дѣлу...

— Знаю, знаю! Объ этомъ потомъ. Кстати, проговорилъ Лаврецовъ скороговоркою: — будете у Бахмутовой, скажите ей, что порядочныя женщины не пишутъ такихъ писемъ, какъ то, что она смѣла написать недавно Варварѣ Осиповнѣ; что этого письма для меня довольно и я ставлю необходимымъ условіемъ, чтобы она забыла о томъ, что умѣетъ писать... Не поможетъ.

Макалинскій поклонился и отправился немедленно для собранія нужныхъ ему свѣдѣній.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему порученія и еслибы его нужно было исполнить на четверинкахъ, онъ бы и это сдѣлалъ для Геннадія Ивановича, и пробѣжалъ бы такимъ образомъ весь городъ. Исключая, можетъ быть, Невскаго проспекта.

Въ чемъ именно была эта сила Лаврецова — читателю знать едва-ли любопытно; довольно того, что онъ былъ сила, а на шеѣ Макалинскаго висѣло много разныхъ запутанныхъ дѣлъ. Разсчетъ Макалинскаго былъ совершенно вѣренъ и мы можемъ только похвалить его за ту быстроту, съ которою принялся онъ за исполненіе возложеннаго на него особаго порученія.

Справивъ своего посланца, Геннадій Ивановичъ снова отдался мечтѣ о Надриковой, и зашагалъ по комнатѣ.

Ему и въ голову не приходило, что именно тотъ самый посланецъ, съ которымъ онъ только-что разстался, могъ бы сообщить ему многое о предметѣ его мечты, многое, почерпнутое прямо изъ первыхъ рукъ отъ Викентія.

Не зналъ онъ также и того, что тотъ самый господинъ Богинскій, который пріударялъ за Варею, имѣлъ

тоже нѣкотораго рода отношенія къ Макалинскому, отношенія, которыя могли бы быть полезны и ему, по вопросу о томъ: какъ и что нужно было сдѣлать, чтобы избавиться именно отъ этой дѣвочки и отдаться Надриковой, какъ онъ выражался „независимымъ и чистымъ?“

Конечно, дѣло съ Варею было проще, чѣмъ съ Лизой Бахмутовой: тутъ никакого судебнаго разбирательства и свадьбо-грозительнаго иска быть не могло, но скандалъ былъ, пожалуй, возможенъ, и, въ строгомъ смыслѣ слова, скандалъ былъ уже на лицо.

О томъ, что Лаврецовъ цѣловалъ Варю, положимъ, никто не зналъ, но что онъ сиживалъ съ нею по цѣлымъ часамъ въ любомъ изъ угловъ квартиры Кокольцевыхъ; о томъ, что бесѣды эти отгоняли всякихъ другихъ, менѣе видныхъ, претендентовъ на руку Вари; о томъ, что онъ неоспоримо нравился дѣвушкѣ, — было извѣстно всѣмъ и каждому.

— Сдѣлать сцену и разойтись; или, разойтись безъ сцены, самымъ простымъ способомъ, т. е. перестать бывать; или тянуть дѣло до тѣхъ поръ, пока оно само собою оборвется; или подбодрить котораго-нибудь изъ претендентовъ, ну хоть бы того Богинскаго, что подходилъ съ Варей, когда онъ пилъ шампанское?!... Ждать, не ждать, кончать, не кончать?!

Планы и соображенія чередовались въ головѣ Лаврецова быстро и непослѣдовательно, и дымъ выкуренныхъ имъ, одна за другою, десятка папиросъ, наполнилъ комнату, по которой шагалъ онъ все быстрѣе и быстрѣе.

— Вѣрно только то, думалось Лаврецову: — что я за-

шолъ слишкомъ далеко. Ну что, если, въ самомъ дѣлѣ, дѣвушка полюбила меня, если я загублю ее?! И какъ бы то ни было, а въ ней есть что-то такое, такое... какъ бы это сказать, вкусное... и хорошая она... Но что-же она передъ Надриковою? Вздоръ!

Усталый и недовольный собою, Геннадій Ивановичъ усѣлся въ кресло и была такая минута, въ которую онъ ровно ничего не думалъ, и ни о чемъ не вспоминалъ. Но эта минута была скоротечна.

— А что, если я, неожиданно для себя самого и почти въ слухъ, проговорилъ онъ: если я—женюсь на Варѣ?

Лаврецовъ спохватился и оглядѣлся: въ комнатѣ никого не было и опасеніе было напрасно. Онъ опять всталъ и опять забродилъ взадъ и впередъ.

— Отчего-бы, въ самомъ дѣлѣ, не жениться? Вѣдь это и сѣно будетъ цѣло и овцы сыты. Что ни говори, думалось ему, а Варя красивая дѣвушка и любитъ меня, да и средства есть, навѣрное есть. И вѣдь рано или поздно, но нужно-же жениться. Кромѣ того, — женившись, вѣдь я только большую свободу пріобрѣту, вѣдь тогда и Надрикова у меня бывать будетъ и жены будутъ друзьями, — вѣдь это лучшее средство, вѣдь это рай земной будетъ, думалъ Геннадій Ивановичъ, и уже представилъ себѣ этотъ рай и населилъ его.

Большіе часы, стоявшіе у него на столѣ, ударили двѣнадцать и мѣрный, густой звукъ ихъ боя замеръ въ тишинѣ комнаты; Лаврецовъ не ходилъ болѣе. Онъ остановился, чтобы прислушаться къ этому бою и отдохнуть на той мысли, до которой съ трудомъ доработался и которая несказанно понравилась ему.

— Одно только: вѣдь тогда, въ случаѣ смерти самого Надрикова, я на Надриковой жениться не могу? подумалъ Лаврецовъ, и засмѣялся, засмѣялся самымъ искреннимъ, самымъ добродушнымъ образомъ.

— Я—жениться! Я—Лаврецовъ, Геннадій Ивановичъ!? и меня останавливаетъ отъ мысли о женитьбѣ что-же?— мысль о другой женитьбѣ?! Тьфу! Это чепуха.

И Лаврецовъ значительно плюнулъ и посмотрѣлъ на то, какъ и куда плюнулъ.

Онъ былъ въ ударѣ вдумываться и слѣдить за собою, что бывало съ нимъ рѣдко, но если приключалось, то доводило до геркулесовыхъ столбовъ.

Не смотря на плевокъ, мысль о женитьбѣ на Варѣ все болѣе и болѣе нравилась ему и втягивала въ себя, и онъ уже представлялъ картину того, какъ будетъ онъ принимать Надрикову и, какъ дѣлая предложеніе, именно послѣ встрѣчи съ нею, онъ отдаляетъ всякія подозрѣнія...

Робкій и еле-слышный звонокъ вывелъ его изъ созерцанія и вывелъ весьма непріятнымъ образомъ.

— Это не Макалинскій, сообразилъ онъ; онъ не могъ успѣть! Это она! Запрещалъ я ходить ко мнѣ... Ну ужъ, не прогнѣвайтесь, Елизавета Богдановна? Зачѣмъ только вы пришли!...

Услышалъ Геннадій Ивановичъ разговоръ за дверью...

Дверь отворилась и онъ очутился лицомъ къ лицу съ Варею, которую узналъ немедленно подъ густымъ чорнымъ вуалемъ, спущеннымъ на лицо.

— Варвара Осиповна! проговорилъ онъ и сдѣлалъ шага два впередъ.

— Да-съ, да-съ, это я, Варвара Осиповна! отвѣтила

Варя и, отойдя отъ дверей, пропустила къ нимъ Геннадія Ивановича, незамедлившаго затворить ихъ.

Писатели-ли наши научили нашихъ дѣвушекъ ходить по квартирамъ молодыхъ людей, или дѣвушки дали эту мысль писателямъ, но извѣстная доля героизма, въ подобномъ поступкѣ, неоспоримо есть.

Геройства, какъ извѣстно, бываютъ весьма различны. Героизмъ, одушевлявшій Варю, относился къ тѣмъ навожденіямъ нашихъ пансіонскихъ воспитателей (мы говоримъ о пансіонахъ модныхъ), которыя, какъ туманъ изъ болота, поднимаются изъ уроковъ всякихъ медоточивыхъ учителей, составителей общепонятныхъ руководствъ литературы и естествовѣденія; изъ примѣровъ видимыхъ и слышимыхъ дѣвушкою дома и въ кругу знакомыхъ и, наконецъ, изъ того безусловно скучнаго склада семейнаго быта, въ которомъ жизнью считаются только развлеченія, только эпизоды жизни, а главная масса ея утекаетъ безостановочно, что вода сквозь сито.

Приходъ Вари къ Лаврецову былъ этакимъ развлеченіемъ для нея и, только отчасти, дѣломъ.

Варя была дѣвушка недурная сердцемъ и очень недурная собою. Не высокаго роста, но весьма складная, юркая, она отличалась замѣчательно красивыми волосами чистаго пепельнаго цвѣта и тѣми очертаніями лица, которыя, не давая ему никакихъ правъ на красоту, выдѣляютъ его, однако, изъ сотни другихъ лицъ... собираютъ къ нему поклонниковъ.

Варѣ было двадцать два года и жизнь въ домѣ Кокольцевыхъ не могла не повліять на характеръ и возрѣнія дѣвушки. Она знала много такого, чего не знаютъ

ные чиновники, изъ скромныхъ, и привыкла не удивляться ничему рѣшительно.

Само собою разумѣется, что въ обращеніи своемъ была она развязна до—нельзя; говорила легко и хорошо, и сколько уже разъ приходилось ей выслушивать любовныя объясненія, послѣ обѣдовъ и ужиновъ, когда языки гостей Кокольцевыхъ становились развязнѣе, и квартира почтенныхъ тетушекъ, благодаря уютнымъ уголкамъ ея, наполнялась различными a parte.

Надо отдать ей справедливость, что она самымъ откровеннымъ образомъ хохотала въ отвѣтъ на разныя предложенія, но никому о нихъ не сообщала, а довольствовалась обращеніемъ ихъ въ шутку. Да и вообще, Варя не умѣла сердиться.

Разъ только разсердилась она и уже не на шутку, да и было съ чего.

Это произошло послѣ обѣда, въ день имянинъ старшей тетушки, Надежды Петровны. Лаврецовъ былъ въ то время уже хорошо знакомъ въ домѣ и нравился Варѣ. Понятно, что почетнымъ гостемъ былъ тотъ важный господинъ въ регаліяхъ, Варсонофій Евграфовичъ, о которомъ мы гов рили выше.

Онъ привезъ имянинницѣ въ подарокъ серебряный складень, освящонный на мощахъ въ Кіевѣ и былъ очень веселъ и сытно пообѣдалъ. По окончаніи обѣда, онъ взялъ Варю подъ руку, по приказанію Надежды Петровны, отправившейся хлопотать по хозяйству, и сѣлъ съ нею на одинъ изъ дивановъ.

— Ну что-же ты, Варичька, говорилъ онъ, расправляя спину по спинкѣ дивана, поднимая носъ къ потолку и

выпучивая впередъ грудь, отягченную регаліями—что-же ты? какъ ты?

Господинъ говорилъ Варѣ „ты", потому что, когда-то, держалъ ее на рукахъ.

— Ничего, отвѣтила Варя.

— А замужъ хочется, хочется! заговорилъ господинъ снова, потрепавъ Варю по плечу и взявъ ее за подбородокъ.

— Замужъ, зачѣмъ?

— Гмъ! Зачѣмъ? чтобы въ дѣвушкахъ не остаться.

— А отчего-же вы сами не женитесь, Варсонофій Евграфовичъ, быстро спросила Варя, смѣло поднявъ на него глаза.

— Я, я?

— Вы... Вотъ бы, кто вамъ мѣшалъ жениться на тетушкѣ Надеждѣ Петровнѣ. Она была и есть подходящая вамъ невѣста, богатая...

Варсонофій Евграфовичъ насупился и передвинулся въ бокъ, такъ что орденскіе крестики на груди задребезжали одинъ о другой.

— Нѣтъ, право, продолжала Варя, не желая выпускать господина изъ подъ видимо непонравившагося ему разговора: — вѣдь время и до сихъ поръ не потеряно. Хотите, устрою?

— Вишь, какой пострѣлъ, отвѣтилъ Варсонофій Евграфовичъ, поднявъ другую руку къ подбородку Вари и, слегка наклонившись къ ней, продолжалъ менѣе громко: — Я, Варинька, пожалуй, и женюсь на тетушкѣ, непремѣнно женюсь, только подъ условіемъ...

— Подъ какимъ?

— Хе, хе, хе!... подъ хорошимъ условіемъ, подъ хорошимъ.

— Да говорите-же, Варсонофій Евграфовичъ!

— Если ты, Варичька, у насъ въ дому жить останешься...

Спустивъ эти слова съ языка, Варсонофій Евграфовичъ покосился на Варю и красное, обрамленное сѣдинами, лицо его даже вытянулось.

Что касается до Вари, то она сразу и не поняла словъ господина и, только сообразивъ ихъ съ взглядомъ и выраженіемъ лица его, додумалась до ихъ смысла.

Варя вспыхнула, но сдержалась.

— Да, какъ-же это я буду жить у васъ? въ качествѣ чего?

— Вѣдь ты, Варичька, дѣвушка бѣдная! вѣдь мнѣ нужно-же кому-нибудь свое состояніе оставить... Такъ, вотъ, я и думалъ тебѣ... Ты бы у меня жила, хозяйничала... А чтобы Богъ знаетъ чего не подумали, такъ я на Надеждѣ-то Петровнѣ и женюсь, пожалуй. Понимаешь, Варичька, понимаешь?

— Понимаю, понимаю, отвѣтила Варя почти машинально.

Она была бы не прочь выцарапать глаза Варсонофію Евграфовичу и только соображала, что-бы ей тутъ сдѣлать? Сообщить развѣ тетушкѣ?... или Лаврецову?...

Лаврецовъ уже очень часто бывалъ въ то время въ мысляхъ Вари.

Въ это время, Варсонофій Евграфовичъ, оттого-ли, что онъ выпилъ лишнее; оттого-ли, что ему самому очень понравилась мысль о женитьбѣ, при тѣхъ усло-

віяхъ, какія онъ предлагалъ Варѣ; оттого-ли, что отвѣтъ Вари показался ему утвердительнымъ, — но, дѣло въ томъ, что онъ свѣсился къ Варѣ и потянулся за поцѣлуемъ...

Едва только почувствовала Варя приближеніе жаркаго дыханія вытянутыхъ губъ и остраго уса Варсонофія Евграфовича, — какъ тотчасъ-же вскочила съ дивана и стремглавъ убѣжала.

Варсонофій Евграфовичъ не разсчиталъ этого и, не найдя опоры, повалился...

Поцѣлуй, къ которому онъ такъ трудно готовился, готовился съ какимъ-то, даже, шумомъ, разрядился въ пустоту... къ счастью, никого въ комнатѣ не было. Сановникъ поднялся и успѣлъ оправиться во время...

Вошла Надежда Петровна.

— Дрянь эта у васъ, дѣвочка, Варя, проговорилъ Варсонофій Евграфовичъ!

— Ахъ, ужъ не говорите, мой милый! отвѣтила Надежда Петровна и опустилась подлѣ на диванъ.

Варя, тѣмъ временемъ, съ быстротою молніи промелькнула по комнатамъ и отыскала кружокъ молодежи.

О случившемся она не сообщила никому, ей было совѣстно, но вниманіе свое къ Лаврецову она удвоила, съ этой самой минуты.

Посѣщенія Кокольцевыхъ Геннадіемъ Ивановичемъ со дня на день становились чаще и продолжительнѣе. Особеннаго пуританизма со стороны тетушекъ, какъ сказано, соблюдаемо не было и молодые люди проводили вмѣстѣ, и съ глазу на глазъ, цѣлые часы. Тетушки, даже, отчасти, сами удалялись въ свои покои,

и, не видя ничего дурнаго, а, напротивъ, хорошее въ выходѣ Вари за Лаврецова, поощряли эти бесѣды.

Рѣчи у молодыхъ людей шли на разные предметы.

Лаврецовъ, благодаря тому, что онъ въ былое время много читалъ и былъ тронутъ современною наукою и теоріями, говорилъ разнообразно и увлекательно. Варя была весьма подвижна, податлива на разговоры и не чуждалась самыхъ крайнихъ выводовъ, самыхъ фантастическихъ предположеній Геннадія Ивановича...

Съ нимъ, болѣе легко, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ, коротала она время и между ними сложились, наконецъ, тѣ странныя отношенія, довольно частыя въ нашемъ обществѣ, гдѣ дѣвушка и мужчина привыкаютъ одинъ къ другому и становятся не то братомъ и сестрою, не то любовникомъ и любовницею. Варя, не особенно дорого цѣнившая себя, потому что вѣдь и тетушки цѣнили ее не высоко, не конфузливая и веселая по натурѣ, хотя и задумывалась иногда надъ тѣмъ: что-же изъ ея отношеній къ Лаврецову выйдетъ? но останавливалась на этой думѣ не долго. Лаврецовъ останавливался еще меньше и, вотъ какого рода сцена произошла между ними, не задолго до описываемаго нами времени.

Они гуляли по залѣ и Геннадій Ивановичъ не могъ не замѣтить Варѣ, что если она не обратитъ вниманія на одну изъ косъ своихъ, лишившуюся большей части шпилекъ, то коса эта неминуемо развернется и упадетъ съ предназначеннаго ей мѣста.

— Дѣйствительно, отвѣтила Варя, приподнявъ руку къ волосамъ. — Ну что это такое? Это скучно.

— Дайте, я вамъ поправлю.

— Поправьте. Пойдемъ-те къ тетушкѣ въ спальню.

Направились къ тетушкѣ въ спальню.

— Славная дѣвушка, думалъ Лаврецовъ, идя за нею и любуясь рѣшительною и красивою походкою Вари. Ужъ не жениться-ли, въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, еще рано... Да и капиталы-то ея, журавль въ небѣ. Лучше уже синицу въ руку, рѣшилъ Геннадій Ивановичъ и вступилъ вслѣдъ за Варею въ спальню. Желая получить синицу въ руку.

Въ спальнѣ никого не было: Надежда Петровна была у Марьи Петровны.

Мягкій полусвѣтъ отъ яснаго, весенняго заката солнца золотилъ своею бронзою зеленыя, массивныя занавѣски; лампада предъ кіотою, наполненною старинными, цѣнными образами, между которыми виднѣлся и складень, недавно подаренный Варсонофіемъ Евграфовичемъ, сіяла мирно и невозмутимо.

— Что-же вы отстали? говорила Варя, оглянувшись на Лаврецова, остановившагося въ дверяхъ. Ступайте.

— Пойдемъ за синицею, подумалъ Геннадій Ивановичъ: — сама зоветъ, и подошелъ къ зеркалу, передъ которымъ Варя остановилась.

Въ зеркалѣ ничего почти не было видно.

Съ трудомъ и весьма неловко собралъ онъ въ руки богатую и густую косу Вари и сталъ прилаживать ее на сколько могъ и на сколько допускали потемки.

— Какіе у васъ волоса, Варвара Осиповна, сказалъ онъ: — это роскошь.

— Да, не дурны.

— Кто-то расплететъ ихъ на правѣ мужа?

— Не знаю.

— Позвольте поцѣловать кончикъ косы?

— Цѣлуйте. Вотъ удовольствіе!

Лаврецовъ поцѣловалъ и сталъ рѣшительнѣе.

— Послушайте, Варвара Осиповна, вы не испугаетесь, не разсердитесь?

— А что?

— Нѣтъ, вы скажите прежде: какъ по вашему, люблю я васъ, или нѣтъ?

— Ни то, ни другое.

— Нѣтъ, люблю.... очень даже люблю. Да и какъ не любить васъ. А я, нравлюсь-ли я вамъ?

— Нравитесь.

— И, еслибы, въ доказательство того, что я вамъ нравлюсь, потому-что вѣдь нужно-же мнѣ доказательство, еслибы я просилъ васъ....

Говоря это, Лаврецовъ взялъ Варю за обѣ руки и осторожно, бережно, какъ бы скользя, придвинулся къ ней.

Дѣвушка слушала молча, отвернувшись къ кіотѣ и слегка трепетала. Этотъ трепетъ отдался и въ Лаврецовѣ...

— Негодяй я, однако, порядочный, подумалъ онъ, цѣлуя смолкнувшую и покорную ему Варю....

Три недѣли спустя послѣ этого страннаго признанія Лаврецова себя самимъ, въ этой самой комнатѣ, поцѣловалъ онъ Надрикову, и на утро слѣдующаго дня имѣлъ неожиданное удовольствіе принять у себя Варю, какъ мы это уже и видѣли.

— Я къ вамъ по дѣлу, Геннадій Ивановичъ, сказала Варя, кладя зонтикъ на столъ и поднимая вуаль.

— Но вѣдь васъ могли встрѣтить, Варвара Осиповна, отвѣтилъ Лаврецовъ.

— Думаю, что нѣтъ, даже навѣрное нѣтъ. Не бойтесь, я васъ не выдамъ, проговорила дѣвушка.

— Себя, — не меня!

— Обо мнѣ дѣло впереди. Я къ вамъ съ новостью: Богинскій сдѣлалъ мнѣ вчера предложеніе и сегодня къ обѣду я обѣщала дать ему отвѣтъ. Принять мнѣ, или не принять предложеніе?

Нельзя сказать, чтобы вопросъ, заданный Лаврецову, былъ поставленъ не откровенно. Нельзя сказать, тоже, чтобы онъ не служилъ своего рода продолженіемъ тѣхъ мыслей, которыми занятъ былъ хозяинъ дома, до прихода своей гостьи. Казалось бы, что сама судьба прислала Варю для утвержденія его въ намѣреніи жениться, но... мысль о женитьбѣ издавна претила Геннадію Ивановичу и онъ, при ясной постановкѣ вопроса, просто на просто поблѣднѣлъ.

— Вы, Геннадій Ивановичъ, заговорила Варя, замѣтивъ это смятеніе:—пожалуйста, не стѣсняйтесь тѣмъ, что было между нами. Скажите прямо.

— Сказать вамъ прямо? сейчасъ, тутъ-же сказать?

— Сейчасъ, тутъ-же и сказать.

— Ну, такъ извольте... и Лаврецовъ остановился.

Не смотря на свою смѣлость и рѣшимость, онъ все-таки стѣснялся назвать бѣлое чорнымъ; сцена съ подвязываніемъ косы имѣла мѣсто еще такъ недавно; близость двухъ совершенно противурѣчивыхъ минутъ оказывалась уже слишкомъ великою и неблаговидность проступала черезъ чуръ ясно... Времени прошло очень мало.

— Отлавировать бы какъ-нибудь, думалъ онъ: — половче отлавировать.

— Вѣдь, если я женюсь на васъ, Варвара Осиповна, заговорилъ онъ наконецъ: — вѣдь вы идете на неизвѣстное, вѣдь вы не знаете меня?

— Нѣтъ, я васъ знаю. Знаю особенно хорошо со времени вашей встрѣчи съ Надриковой.

— Какой встрѣчи? Что такое?

— Полноте, Геннадій Ивановичъ, вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Я васъ знаю, и быть женою вашею...

— Быть моею женою?...

— Гораздо хуже, чѣмъ быть вашею любовницею. Женою вашею я не буду, а любовницею...

Лаврецовъ сразу просвѣтлѣлъ.

При разговорѣ о женитьбѣ былъ онъ какъ рыба на мели; при намекѣ на другія отношенія, онъ вдругъ почувствовалъ себя на большой глубинѣ и расправился.

Произойди все, что происходило теперь, передъ его глазами, пораньше, до встрѣчи съ Надриковой, онъ бы,можетъ быть, и женился, но теперь всѣ его помыслы стремились къ другой, далекой цѣли, и даже послѣднія слова Вари, которыя, казалось, такъ-таки и просили желаемаго окончанія, слова эти пропустилъ онъ мимо ушей и даже мысль стать ея любовникомъ прошла безслѣдно.

Наступила минута молчанія.

Лаврецовъ скоро сообразилъ, что было бы безчеловѣчно, послѣ всего того, что сдѣлала для него Варя, оставить ее подъ сложившимся впечатлѣніемъ и онъ думалъ сгладить его, хотя бы только словами.

— Варвара Осиповна, заговорилъ онъ: я вижу, что

съ вами можно говорить откровенно. Я люблю васъ, да, но я люблю васъ...

— Вы любите меня въ будущемъ?

— Сядьте и поговоримъ.

— Сѣсть я сяду, — но говорить позвольте мнѣ.

Варя сѣла. Лаврецовъ остался стоять.

— Упрекать васъ, такъ говорила Варя: — я не буду; я сама виновата. Просить васъ любить меня — было бы смѣшно, а наконецъ, вы говорите сами, что любите. Я могу васъ только поблагодарить за то, что вы избавили меня отъ той судьбы, которая постигла Лизу Бахмутову... Вѣдь могло-же это быть.

— Варвара Осиповна!...

— Да вѣдь могло-же это быть? Я бы не удержала васъ, клянусь вамъ, и была бы вашею.

— Однако!...

— Я собою не дорожу, и вы это видите. Судьба моя далеко не изъ блестящихъ... Мнѣ жить было тяжело... встрѣтила я васъ...

— Прошу васъ, Варвара Осиповна...

— Я въ обморокъ не упаду, Геннадій Ивановичъ, продолжала Варя, немного взволнованнымъ голосомъ: — и я сейчасъ уйду, сейчасъ. Я только за совѣтомъ и приходила. Мы поговорили и кончили. Не правда-ли? Кончили?

Варя встала, засмѣялась и протянула руку Геннадію Ивановичу.

— И такъ: милости просимъ на свадьбу. Вы получите пригласительный билетъ.

Лаврецовъ молча поклонился.

— Двѣ просьбы къ вамъ, говорила ему Варя, направляясь къ двери. — Во-первыхъ: будемъ-те знакомы. Во-вторыхъ: сообщайте-же мнѣ о томъ, какъ пойдетъ у васъ съ Надриковою... До свиданія. Будете вы у насъ сегодня?

— Сегодня — едва-ли.

— Ну, завтра?

— Буду.

— Не забудьте-же поздравить моего жениха. Слышите.

При послѣднихъ словахъ, Варя довольно громко засмѣялась и вышла въ прихожую.

Лаврецовъ проводилъ ее и, убѣдившись сначала въ томъ, что на лѣстницѣ никого не было, выпустилъ изъ квартиры. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ спускалась она съ лѣстницы, и, едва только вернулся въ кабинетъ, какъ почувствовалъ себя снова окруженнымъ воспоминаніями о Надриковой и началъ думать о томъ: что ему дѣлать дальше и съ чего начать.

Глава XIV.

Свадьба Вари была одною изъ послѣднихъ въ сезонѣ. Лаврецовъ почелъ за лучшее не быть на самой свадьбѣ и заболѣть.

О нѣкоторой неожиданности этой свадьбы въ городѣ поговорили, покачали головами и успокоились. Кокольцевы, благословляя племянницу, поплакали; посаженымъ отцомъ невѣсты былъ Варсонофій Евграфовичъ; Варя подъ вѣнцомъ была совершенно спокойна, а Богинскій сіялъ радостью и торжествомъ.

Молодые составили списокъ визитамъ; Варвара Осиповна указала мужу, какъ на одинъ изъ первыхъ, на визитъ къ Надриковымъ.

Визитъ этотъ состоялся и, на сколько Варя могла видѣть, ихъ приняла Анна Ѳедоровна съ видимымъ удовольствіемъ.

Случайно находившійся тутъ-же Челаевъ, посѣщенія котораго, послѣ исторіи съ дуэлью, сдѣлались по прежнему часты, и котораго хозяева не замедлили познакомить съ Богинскими, молчалъ, соображалъ и проводилъ, про себя, паралели между обоими присутствовавшими мужьями.

Когда Богинскіе уѣзжали, ихъ просили бывать, и бывать часто.

— Добрый это человѣкъ, Вассъ Оровичъ, говорилъ Богинскій женѣ, сѣвъ въ карету: — только ужъ простъ очень.

— Отчего такъ?

— Взять жену не пару — это знакъ большой простоты, отвѣтилъ Богинскій, свѣсился къ женѣ, на сколько ея богатое платье допускало это, и, граціозно улыбаясь, договорилъ: — сознаю, что и я простъ, милая жена моя, вы могли бы имѣть лучшаго мужа; я васъ не стою.

— А почему-же, сказала Варя: — думаете вы, что они не пара?

— Такъ. Слыхалъ кое-что.

— Что такое?

— Романчикъ маленькій.

— Ахъ, это интересно, отвѣчала Варя: — разскажите. Богинскій разсказалъ все, что слышалъ о Викентіѣ. Варя слушала, какъ будто ей сообщали новость. Удивилась и не повѣрила.

Молодые дѣлали визиты въ теченіе трехъ дней, а потомъ цѣлую недѣлю отдыхали.

Что касается до Надриковой, то послѣ бала у Коколь-

цевыхъ, она все еще не могла придти въ себя. О дерзости, подобной той, которую она выдержала, со стороны Лаврецова, ей никогда не приходилось даже слышать. Одно изъ тѣхъ заключеній, къ которымъ она, долго соображая случившееся, доработалась, было совершенно справедливо.

— Лаврецовъ, такъ думала она: — никогда бы не посмѣлъ продѣлать то, что продѣлалъ, еслибы не зналъ исторіи моей съ Викентіемъ?! И, если это дѣйствительно такъ, разсуждала Надрикова:—то гдѣ-же спасенье? И неужели-же прошедшему нѣтъ остановки? И неужели-же мнѣ, волею неволею, а надо идти тѣмъ путемъ, по которому я пошла? съ горы... Анна Ѳедоровна такъ и подумала: съ горы!

Послѣднее особенно возмущало ее и положительнѣйшимъ образомъ не мирилось съ тѣми теоретическими, мирными афоризмами, до которыхъ доработалась она въ первое время послѣ несостоявшейся дуэли мужа.

Вся масса ощущеній, пережитыхъ и передуманныхъ ею въ послѣднее полугодіе, сводилась къ одной основной мысли, терзавшей ее, къ мысли о томъ: что отдалась она Викентію какъ-то случаемъ, точно безъ вѣдома себя самой, ни за что, новости ради и безъ всякой уважительной причины. И вотъ этотъ-то промахъ, эта блажь минуты, оказывала теперь такое вліяніе на нее, потому что, и это несомнѣнно, думала Анна Ѳедоровна, Лаврецовъ знаетъ о совершившемся, иначе онъ бы не смѣлъ!

Въ главныхъ основаніяхъ, заключенія Надриковой были совершенно справедливы: она отдалась Викентію сама незная какъ, и Лаврецовъ зналъ ея исторію.

Можно навѣрное утверждать, что девять десятыхъ нашихъ женщинъ отдаются мужчинамъ въ минуту блажи, даже безъ увлеченія, сами не вѣдая, что творятъ, сами не замѣчая силы этой роковой минуты.

Подъ именемъ роковой минуты подразумѣваемъ мы, совершенно одинаково, какъ замужества, такъ и незаконныя связи. Большинство, огромное большинство нашихъ дѣвушекъ и женщинъ отдается, такъ сказать, по преданію: отдавались, молъ, другія, такъ и я, значитъ, должна отдаться. Кому отдаться — этого долго не разбираютъ: глаголъ становится важнѣе имени существительнаго. И несутъ-же за то эти люди всѣ послѣдствія своихъ блажей и игры въ преданія! Звѣно за звѣномъ, крючекъ за крючкомъ, цѣпляются обстоятельства, уже не спрашивая ихъ соизволенія и тогда... съ горы, съ горы! И такъ велика бываетъ солидарность роковой минуты женщины съ тѣмъ, что можетъ произойти изъ этой минуты, что въ третьемъ поколѣніи чувствуется она иногда и работаетъ своими послѣдствіями, какъ золотуха...

А вѣдь это была блажь! Это было новости ради! и для исполненія преданія!

Старая сказка, не правда-ли?

Надрикова была до такой степени дочерью своего времени, что даже тѣ сильные уроки, которые заставили ее вдуматься въ свое положеніе и которые уяснили ей всю нелѣпость ея промаха, даже эти уроки не привели ея мысли къ главной причинѣ, къ тому, чтобы сознать, что первая ошибка ея была не Викентій,— Викентій былъ только послѣдствіемъ, первая ошибка

была въ замужествѣ. Надрикова, какъ дочь своего времени, даже и вопроса о правильности своего брака съ Вассомъ не ставила. Она считала, что „отдалась“ впервые Викентію; а Вассъ — это былъ мужъ; мужьямъ не отдаются — за нихъ идутъ замужъ.

Всѣ изложенныя выше соображенія Надриковой были только частью того, что забушевало въ ней послѣ встрѣчи съ Лаврецовымъ.

— Все это, думала она: — только мысли мои, т. е. ничто?! Но неужели-же все это такъ-таки безъ послѣдствій и останется? Неужели-же посреди бѣлаго дня, потому что балъ и толпы гостей — больше бѣлаго дня, неужели это было возможно?! безъ причины, незная, полъ-часа послѣ встрѣчи!! и безнаказанно... Нѣтъ, это не можетъ быть, не смѣетъ быть...

И вотъ опять, въ качествѣ проявленія совѣсти, и какъ бы помимо воли Анны Өедоровны, думалось ей: что, еслибы она была безупречна, еслибы отношенія ея къ мужу, даже къ Вассу, не говоря уже о другомъ, болѣе подходящемъ, болѣе любимомъ мужѣ, еслибы отношенія эти были чисты, какъ хрусталь, о! тогда она бы прямо пришла къ нему и сказала... тогда бы и люди не смѣли обвинить ее... тогда бы и права была о а... но... тогда бы всего этого и не случилось, и Лаврецовъ не смѣлъ бы...

Надрикова сознавала, что она вертится въ какомъ-то очарованномъ кругу, изъ котораго нѣтъ ей выхода.

На томъ, чтобы сообщить о случившемся Вассу, она не останавливалась ни минуты. Она жалѣла его, она не считала себя вправѣ и ей приходили на память,

съ удивительною ясностью, тѣ тяжелыя минуты, которыя она перестрадала, когда Вассъ собирался на поединокъ. Повторенія ихъ она не желала. Но и оставить такъ она считала невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія попытки Лаврецова были болѣе чѣмъ вѣроятны, и надо было, какъ-нибудь, но приготовиться къ нимъ.

Думала она написать Лаврецову — но къ чему? Это все-таки будетъ письмо, доказательство чего-то. Написать анонимное? — Это полумѣра.

Съ довольно оригинальнымъ чувствомъ приняла она визитъ Вари.

Она знала, слыхала, о тѣхъ „намѣреніяхъ“ Лаврецова на эту дѣвушку, о которыхъ ей кто-то, что-то говорилъ; удивилъ ее и совершенно неожиданный бракъ Вари, совпавшій съ поцѣлуемъ Лаврецова; слышала она кое-что и о прошедшемъ Лаврецова, помнила и мгновенное изчезновеніе Вари изъ спальни Надежды Петровны, при ея появленіи въ ней въ вечеръ бала. Ей было любопытно видѣть Варю и разсмотрѣть ее по подробнѣе: что-же это такое за существо та, которая, такъ или иначе, но сопоставлялась съ Лаврецовымъ?!

Визита, продолжавшагося весьма недолго, было достаточно для удовлетворенія ея любопытства. Она разсмотрѣла Варю весьма подробно, нашла весьма миленькою, умненькою; внутренній голосъ и свой личный опытъ шепнули ей остальное и мысль о будущемъ господина Богинскаго: некрасиваго, одутловатаго и лоснящагося, стала ей понятною.

Само собою разумѣется, что о Лаврецовѣ, ни съ той, ни съ другой стороны, не сказано было ни слова, хотя обѣ женщины все время думали о немъ.

Оба мужа были тутъ-же и пожелали другъ другу всего лучшаго. Челаевъ только соображалъ...

По отъѣздѣ Богинскихъ, Надрикова задала себѣ вопросъ о томъ: съ какой стати, однако, сдѣланъ былъ этотъ визитъ и нѣтъ-ли тутъ въ игрѣ Лаврецова?

Сомнѣніе ея было не неосновательно. Варя дѣйствительно имѣла свой планъ.

На вопросъ, сдѣланный Анною Ѳедоровною Вассу о томъ, знавалъ-ли онъ прежде Богинскаго, Вассъ отвѣчалъ, что онъ зналъ его, что они даже товарищи, что онъ очень радъ возобновленію знакомства и что, если Варвара Осиповна нравится Аннѣ Ѳедоровнѣ, то онъ не имѣетъ ровно ничего противъ того, чтобы сдѣлать изъ нихъ даже близкихъ знакомыхъ. — Этотъ отвѣтъ отчасти стушевалъ подозрѣнія Надриковой, довольно ярко проступившія въ ней въ ту минуту, когда человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Богинскихъ.

По уходѣ ихъ, Вассъ отправился на службу, а Надрикова, побренчавъ съ полъ-часа на фортепіано, пошла въ будуаръ, гдѣ и легла на свою классическую кушетку. Кушетка эта была завѣтная и Надрикова очень любила лежать на ней.

Надриковой рѣшительно прискучило думать о случившемся и по мыслямъ ея заклубился тотъ полупрозрачный туманъ, который, какъ и настоящій туманъ, выдыхаемый землею послѣ жаркаго дня, заволакиваетъ собою, сглаживаетъ углы, смягчаетъ очертанія и миритъ противуположности свѣта и тѣней.

Надрикова даже слегка задремала и ей приходило въ голову, что: стоитъ-ли игра свѣчъ; что Лаврецовъ

сумасшедшій; что когда-нибудь онъ попадется; что нечего кипятиться, тѣмъ болѣе, что и вся-то жизнь не стоитъ выѣденнаго яйца, а разбитая жизнь и подавно...

Переводя полусонные глаза съ предмета на предметъ и прислушиваясь къ стуку колесъ на улицѣ и часовъ на письменномъ столѣ, Надрикова взглянула и на рабочую корзинку...

Изъ корзины торчало письмо!!

Туманъ мгновенно разсѣялся и, не прошло секунды, какъ Надрикова уже сидѣла, а не лежала.

Еще не прикоснувшись къ письму, она, какимъ-то шестымъ чувствомъ, догадалась, что письмо отъ Лаврецова... Шестое чувство никогда не обманываетъ: письмо было дѣйствительно отъ него.

Говорить о томъ, что первою мыслью Надриковой было сжечь письмо, не читавъ его, и что эта мысль не была приведена въ исполненіе, едва-ли стоитъ.

— Къ чему-же жечь, думала Надрикова, повертывая его въ рукахъ и разсматривая совершенно незнакомый ей, но неоспоримо мужской, почеркъ. — Ну, а если это не отъ него? Да и почему-же, въ самомъ дѣлѣ, вообразила я, что это отъ него письмо?

Надрикова улыбнулась и сорвала конвертъ... къ подписи? Дѣйствительно: въ концѣ письма ясно и четко написано было — Геннадій Лаврецовъ!

Письмо заключало въ себѣ слѣдующее:

„Я позволяю себѣ писать оскорбленной мною, неизвѣстной мнѣ, — но безумно любимой мною женщинѣ. Я подписываю подъ письмомъ свое полное имя, и впе-

редъ принимаю на себя всѣ послѣдствія этого письма, каковы бы они ни были...

„Вамъ, женщинѣ оскорбленной мною, нѣтъ, конечно, никакого дѣла до того, что происходитъ во мнѣ; я знаю также, что вы бы могли говорить со мною теперь, только при посредствѣ вашего мужа. Ну, что-же? это будетъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь и письмо мое не лишаетъ васъ этого археологическаго способа разговора. Желая быть откровеннымъ вполнѣ, я скажу вамъ, что понимаю очень хорошо и причину, по которой вашъ мужъ, безъ сомнѣнія, до сихъ поръ ничего не знаетъ о случившемся между нами. Но этого не знаетъ и кто-либо другой! и не узнаетъ никогда!

„При одномъ воспоминаніи о минутѣ безумія, охватившей меня послѣ перваго взгляда на васъ, я прихожу въ мучительный, нервный трепетъ, болѣю... я люблю васъ, люблю на жизнь и смерть, люблю какъ дано бываетъ любить только разъ...

„Знаю, что вамъ опять таки нѣтъ до этого дѣла, что всѣ влюбленные говорятъ одно и тоже, что и я много разъ говорилъ точно также, что въ васъ, по всей вѣроятности, работаетъ чувство далеко противуположное, что дѣло мое проиграно, что того не позволяютъ себѣ, что я позволилъ; но, не устоявъ въ первую минуту, я безсиленъ и теперь, послѣ долгой, упорной борьбы.... Дѣлайте, что хотите, — но я долженъ говорить съ вами, видѣть васъ....

„За что, почему, полюбилъ я, я не могу дать себѣ отчота, но эта физическая боль сердца, которую я ощущаю, эта ясность, съ которою я вижу васъ передъ со-

бою, ясность, пугающая мою больную голову, — если это не любовь, если тутъ ея нѣтъ, такъ и всего міра нѣтъ, и меня самого нѣтъ!

„Вы видите, я сумасшедшій, пожалѣйте меня и дайте мнѣ возможность видѣть васъ, видѣть хоть бы для того, чтобы умолять о прощеніи.“

Слѣдовала подпись.

Письмо, дѣйствительно, носило на себѣ нѣкоторый отпечатокъ сумасшествія, хотя, какъ это тотчасъ замѣтила и Надрикова, послѣднее требованіе: видѣть для того, чтобы умолять о прощеніи, было совсѣмъ не глупо, особенно въ письмѣ господина, начавшаго прямо съ поцѣлуя.

Свернувъ письмо и положивъ его въ конвертъ, Надрикова позвонила.

Явился человѣкъ.

— Это письмо кто принесъ? спросила она.

— Какое письмо-съ?

— Вотъ это.

— Не знаю-съ.

— И никто не приходилъ? Какъ-же очутилось это письмо здѣсь?

— Я не клалъ-съ.

— Пошли Пелагею.

Черезъ минуту явилась Пелагея, одна, безъ человѣка.

— Откуда это письмо?

Горничная замялась.

Дальнѣйшій разговоръ былъ излишнимъ. Надрикова велѣла ей тотчасъ-же собрать пожитки и удалиться изъ дому. Горничная вздумала было просить, но на-

прасно, и Надрикова, оставшись одна, вышла въ залу и начала ходить по комнатѣ скоро и нетерпѣливо.

Дѣло становилось дѣйствительно серіознымъ. По письму, прежде всего, опредѣлилось довольно ясно, что Лаврецовъ будетъ весьма рѣшителенъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Еще яснѣе было Надриковой, что сама она не чувствуетъ къ Лаврецову ничего, кромѣ злобы, любопытства и нѣкотораго страха. Страхъ этотъ былъ до того значителенъ, что ей казалось даже совершенно возможнымъ, что вотъ, вотъ сейчасъ, изъ за которой-нибудь занавѣски, появится онъ и что-же тогда?

Если Надрикова и прежде была далека отъ желанія сообщить о всемъ совершившемся Вассу, письмо это и рѣшимость Лаврецова, окончательно утвердили ее въ мысли не вмѣшивать мужа въ это дѣло и не подставлять его головы подъ отвѣтъ.

Рвать или не рвать письмо? Это, тоже, былъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ. Надрикова рѣшилась сохранить его, и немедленно спрятала въ одинъ изъ множества ящиковъ, которыми изобиловали ея спальня и будуаръ.

Ящиковъ этихъ было много, такъ много, что и сыскная полиція, еслибы она вздумала пересмотрѣть всѣ ихъ, не добралась бы до каждаго. Слѣдовательно, со стороны того, что письмо это могло попасть въ чужія руки, опасности не предстояло.

— А ну, если въ самомъ дѣлѣ, онъ вдругъ войдетъ? подумала Надрикова, спрятавъ письмо, и испугавшись звука щелкнувшаго замка.—Горничная была куплена—отчего-же не купить и человѣка, и дворника, и по-

лицейскаго?!... И что-же тогда? Нѣтъ, защита нужна и она должна идти не отъ мужа. Но отъ кого-же?

На этомъ самомъ мѣстѣ мышленія Надриковой, неизвѣстно какъ, пробуравила себѣ дорогу одна весьма оригинальная и совершенно новая мысль, мысль о томъ, что хорошо бы найти человѣка ... другаго человѣка ... защитника. Не старика какого-нибудь, которыхъ, кстати, между родными и знакомыми почти не было ... нѣтъ, ужъ если искать, такъ лучше молодаго ... любовника.

Мысль эта прошла въ Надриковой какъ бы шопотомъ, или, какъ мы сказали — пробуравилась въ нее...

Присутствовали-ли вы, читатель, когда нибудь на пожарахъ? Случалось-ли вамъ видѣть, какъ занявшееся пламя ползетъ лѣниво, медленно и съ большими усиліями, по тѣмъ частямъ зданія, въ которыхъ ему мало пищи и какъ оно, подкравшись къ другимъ, болѣе удобнымъ, къ сѣноваламъ и чердакамъ, что-ли, сразу охватываетъ, ростетъ столбомъ, становится неистовымъ и страшнымъ, и взвивается кудрявыми, саженными языками, и клохчетъ и царствуетъ, и проваливаются въ него и сами чердаки, и стѣны, и люди, если они попадутся на пути.

Совершенно тоже случилось и съ Анною Өедоровною. Мысль: взять любовника, изъ необходимости защиты, изъ человѣколюбія къ мужу, подкралась къ ней въ качествѣ поджога и воспользовалась тѣмъ горючимъ матеріаломъ скуки, тоски, одиночества, жажды любви, который въ Надриковой изобиловалъ и который она такъ тщательно поливала водицею своихъ афоризмовъ, думая предохранить этимъ отъ огня. Въ дребезги и лохмотья разбились и разорвались всѣ ея правила и

обѣщанія, высиженныя, или, лучше сказать, вылежанныя въ будуарѣ, и снова повѣяло на нее воздухомъ, свѣжестью, свободою, и пламя пожара раздулось громадное, непоборимое, и Надрикова рухнула въ него....

Еслибы подходящій человѣкъ нашолся подъ рукою, ему бы стоило только быть здѣсь, чтобы....

Но гдѣ-же этотъ человѣкъ? Кто онъ? Его нѣтъ... но онъ найдется, непремѣнно найдется. Стоитъ только поискать!

И начала Анна Өедоровна, забравшись на свою кушетку, перебирать въ мысляхъ подходящихъ людей.

Кажется, въ одномъ изъ карикатурныхъ альбомовъ Шама есть изображеніе смотра національныхъ гвардейцевъ, производимаго какимъ-то начальствующимъ лицомъ.

Представители гражданской военной силы, къ которымъ мундиры, ружья и тесаки идутъ какъ коровамъ сѣдла, вытянуты длинною шеренгою. Одинъ, высокій, худой, безгрудый, съ носомъ, высунувшимся далеко впередъ, на подобіе балкона, видимо нуждается въ носовомъ платкѣ... но регламентъ строгъ и сморкаться въ строю нельзя; другой, подлѣ него, съ несомнѣннымъ ущербомъ тѣхъ частей тѣла, которыя такъ необходимы танцовщицамъ, торопился на тревогу и забылъ застегнуть всѣ существенныя пуговицы.... но, начальникъ передъ носомъ и застегнуться нельзя; третій, должно быть, пришибленный въ дѣтствѣ, стоитъ растопыривъ ноги и не смѣетъ согнать мухи, сѣвшей къ нему на лобъ; положеніе непріятное, становящееся весьма критическимъ, во вниманіе къ собакѣ, пришедшей съ хозяиномъ вмѣстѣ и высунувшей морду изъ подъ ногъ его,

съ выраженіемъ несомнѣнно болѣе воинственнымъ, чѣмъ его выраженіе...

Совершенно такъ, или приблизительно такъ, выглядывали тѣ лица изъ числа знакомыхъ Надриковой, которыхъ вызвала она къ смотру своему, для отысканія подходящаго ей человѣка.

Ни одной мало-мальски цѣльной физіономіи, а все шушера какая-то, неудачники, калѣки, вьюноши, мелкота, больше водоросли, чѣмъ люди, скорѣе имена, чѣмъ предметы; личности, болѣе замѣчательныя своими насморками, своими собаками, мухами, сѣвшими къ нимъ на лбы, незастегнутыми пуговицами, чѣмъ собою!!

Одни изъ нихъ являлись въ очертаніяхъ, но совершенно безъ красокъ; другіе, напротивъ, состояли изъ однихъ только красокъ, весьма густыхъ, но рѣшительно не очерчивались. Надриковой было даже трудно выдѣлить того или другаго изъ общей массы: вызываемая на память личность тянулась, тянулась, липла къ другой личности, а эта другая, въ свою очередь, лишенная всякой устойчивости, разлѣзалась какимъ-то клейстеромъ...

Перебравъ всѣхъ тѣхъ, кого Надрикова могла припомнить изъ людей взрослыхъ, она обратилась къ пожилымъ и къ юнымъ, думая помочь горю, но и тутъ, къ великой досадѣ своей, она встрѣчалась или съ возможностью чего-то въ будущемъ, или съ недодѣланнымъ проэктомъ чего-то прошедшаго, проэктомъ, поросшимъ мохомъ раньше окончанія... Ей нуженъ былъ защитникъ, а эти люди обладали или молочными зубами, или не имѣли зубовъ вовсе...

Должно быть, у Надриковой былъ весьма неудачный кругъ знакомыхъ, или сама она, послѣ исторіи съ Викентіемъ, стала слишкомъ разборчивою, но нелѣпость ея взгляда на мужской персоналъ очевидна и единственное, что мы можемъ сказать въ ея оправданіе, — это болѣзненность, нервность ея состоянія...

Страхъ возможности неожиданнаго появленія Лаврецова былъ, однако, необычайно великъ и погонялъ ея умственную дѣятельность къ разнымъ предположеніямъ. Малѣйшій шумъ бросалъ ее въ дрожь и съ каждымъ боемъ часовъ, доносившимся изъ гостинной, ей становилось все яснѣе и сказывалась настоятельнѣе необходимость вырваться, сбросить съ себя обстановку минуты.

— Да ужъ не поѣхать-ли за границу или въ Крымъ, вздумала Надрикова: — теперь весна, всѣ поѣдутъ. Но только сдѣлать это надо неожиданно, завтра-же, чтобы никто не зналъ, чтобы Лаврецовъ не могъ прослѣдить, куда я поѣду, поѣхать одной, на легкѣ, на воды куда-нибудь... Но вѣдь Викентій за границей? подумаютъ, что я за нимъ поѣхала? Надо взять Васса съ собою, а ребенка оставить у тетки, онъ стѣснитъ въ дорогѣ... Да, да, да! — я ѣду завтра, послѣ завтра, самое позднее. Въ Крымъ лучше, чѣмъ за границу. Скорѣй бы вернулся Вассъ и я ему скажу.

Ни разу, въ полномъ смыслѣ этого слова, не ожидала Надрикова своего мужа съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ теперь. Она хотѣла даже велѣть запречь карету и ѣхать за нимъ на службу. Отъ этого рѣшенія удержали ее часы, пробившіе четыре.

Черезъ полъ-часа, дѣйствительно, Вассъ вернулся и былъ встрѣченъ женою въ прихожей. Это сильно порадовало его; онъ поцѣловалъ жену и ему отвѣтили.

Пока накрывали на столъ, мужъ и жена отправились въ кабинетъ, гдѣ и послѣдовалъ соотвѣтствующій случаю разговоръ.

— Какъ такъ ѣхать? спросилъ удивленный Вассъ и нахмурился. Воспоминаніе о Викентіѣ сразу навалило на него; вѣдь, можетъ быть, и Викентій въ Крыму?

— О! не думай того, что ты думаешь, отвѣтила Анна Ѳедоровна, угадавъ мысль мужа: — поѣдемъ куда ты хочешь.

— Да какъ-же это такъ вдругъ? ни съ того, ни съ сего? сказалъ онъ: — и вѣдь для этого и деньги нужны, и отпускъ, и какъ-же съ ребенкомъ, да и зачѣмъ это?

— Ребенка можно тетушкѣ отдать, проговорила Надрикова.

Самое легкое облачко прошло по глазамъ ея и она опустила ихъ. Ей было дѣйствительно и грустно, и жалко, и досадно..

Вассъ не замедлилъ взять ея руку, поцѣловалъ ее, погладилъ, заглянулъ въ лицо и сказалъ, что онъ поѣдетъ, и поѣдетъ куда она хочетъ; а ужъ если выбирать, такъ лучше въ Крымъ. Надрикова встрепенулась.

Сцена вышла довольно удачною.

— И скоро можно ѣхать? спросила она.

— Дня черезъ три.

— А можно-ли сдѣлать такъ, чтобы о нашемъ отъѣздѣ узнали только послѣ нашего отъѣзда?

— А люди?

— Людямъ можно сказать, что мы ѣдемъ въ деревню; а знакомымъ ровно ничего не говорить.

— Согласенъ. Только, такъ отъ долговъ бѣгаютъ; немного странно будетъ, возразилъ Вассъ.

— Сдѣлаемъ такъ, я прошу тебя, отвѣтила Надрикова и, обнявъ мужа, поцѣловала его.

Послѣ обѣда, Вассъ отправился хлопотать, взять денегъ, купить чемоданы. Надрикова стала собираться въ дорогу, укладывать вещи.

Она была необыкновенно весела во весь вечеръ. Понимая, что выраженіе этого веселья могло навести Васса на прежнюю, не совсѣмъ удобную, мысль, она сдерживала его и старалась оставаться равнодушною. Между прочимъ сообщила она Вассу и о томъ, что прогнала горничную за дерзость.

— Да, отвѣтилъ Вассъ: — нынче съ людьми трудно, очень трудно, и далѣе не распрашивалъ.

На утро укладка и сборы продолжались. Вассъ пошолъ на службу и только передъ самымъ возвращеніемъ его, когда вещи Надриковой были сполна уложены, вспомнила она, что, вѣдь, нужно-же и Вассу взять что-нибудь съ собою.

Она разбросала одинъ изъ сложенныхъ чемодановъ и Вассъ, вернувшись къ обѣду, былъ очень доволенъ, видя, какъ укладывала Анна Ѳедоровна, собственноручно, за недостаткомъ горничной, его бѣлье, перчатки, галстуки и, даже, набрюшники.

Вассъ носилъ набрюшники и зимою и лѣтомъ.

Это очень нездорово, но послѣдовательно.

На третій день, къ великому изумленію знакомыхъ и, между прочимъ, Челаева, зашедшаго къ Надриковымъ вечеркомъ, узнали они, что хозяева опустѣвшей квартиры уѣхали. Человѣкъ Василій, оставшійся при квартирѣ, сообщилъ, что уѣхали они въ деревню. Челаевъ-же, по запискѣ, ему врученной, получилъ свѣдѣніе о дѣйствительномъ направленіи поѣздки, съ просьбою не сообщать объ этомъ никому.

„Ты не удивляйся и не подумай чего-либо, писалъ Вассъ. Наши отношенія съ женою хороши и ѣдемъ мы въ Крымъ, по моему желанію; жена не совсѣмъ здорова и я самъ задумалъ ѣхать."

Слово „самъ" было дважды подчеркнуто.

Челаевъ покачалъ головою и вернулся домой, совершенно счастливый тѣмъ, что онъ не женатъ, и что ему незачѣмъ возить жену ни за границу, ни въ Крымъ.

Глава XV.

Мы видѣли, что Макалинскій, назначавшійся Лаврецовымъ для уничтоженія втораго препятствія, мѣшавшаго ему отдаться Надриковой „цѣликомъ и чистымъ“, — первое препятствіе, Варя, само удалилось, — принялъ порученіе и отправился немедленно собирать справки о Лизѣ Бахмутовой.

Люди осторожные, прежде, чѣмъ сунуться въ предпріятіе такого щекотливаго свойства, какимъ отличалось порученіе, данное Макалинскому, обращаются къ разнаго рода фокусамъ.

Обращаются они къ дворникамъ, къ полиціи, отъискиваютъ знакомыхъ, и только тогда, когда убѣдятся, что никто не спуститъ ихъ съ лѣстницы головою внизъ, приступаютъ къ болѣе непосредственнымъ дѣйствіямъ.

Макалинскій продѣлалъ все, что ему было нужно и въ одно прекрасное утро, въ самый день отъѣзда Надриковыхъ, былъ впущенъ въ квартиру Лизы Бахмутовой и явился къ ней въ качествѣ посланнаго отъ Геннадія Ивановича.

Лиза Бахмутова, едва только вставшая съ кровати послѣ родовъ, приняла его со страхомъ и надеждою.

Это была женщина лѣтъ двадцати четырехъ, высокая, стройная блондинка, овдовѣвшая года три назадъ и дворянскаго происхожденія. Покойный мужъ ея былъ гарнизоннымъ капитаномъ, оставилъ ей по себѣ пансіонъ въ 80 рублей въ годъ и полную свободу дѣйствія.

Бѣдная женщина, дочь чиновника, не умѣвшая ни шить, ни стряпать, совершенно неспособная добыть себѣ кусокъ хлѣба какимъ-либо умственнымъ трудомъ, уроками или, даже, перепискою, осталась, въ полномъ смыслѣ этого слова, безъ средствъ къ жизни. Идти въ прачки или горничныя она не рѣшалась; открыть какую-нибудь торговлю, табачную лавочку или ресторацію, — на это у нея не было нужнаго капитала и подвижности, оставалось одно....

Лиза, съ перваго взгляда, обращала на себя вниманіе, тихимъ и удивительно яснымъ, добрымъ выраженіемъ своихъ голубыхъ глазъ. Робкая по натурѣ и довольно простая по складу ума, она отличалась и еще одною особенностью, весьма цѣнимою людьми, подобными Геннадію Ивановичу: она была несомнѣнно чахоточнаго расположенія и по лицу ея была разлита та

тихая, очаровывающая томность, которая обѣщаетъ страсть и глубокую, беззавѣтную преданность.

Женщины, подобныя Лизѣ, живутъ обыкновенно не долго и онѣ стараются взять у жизни качествомъ то, чего жизнь не дастъ имъ количествомъ.

Сознавая себя слабыми, какъ бы обиженными судьбою, онѣ цѣнятъ безгранично привязанность, имъ выказываемую и стараются отблагодарить за нее человѣка всѣмъ, что у нихъ есть, т. е. собою. Онѣ какъ бы извиняются за свой органическій недостатокъ, за свою любовь, за свою нѣжность, за свою красоту, — все это кажется имъ самимъ хуже, слабѣе, ничтожнѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Имъ досадно на себя, если онѣ закашляются и звукъ сухаго, груднаго кашля потеребитъ слухъ любимаго ими человѣка; имъ становится стыдно, если, утомленныя и ослабѣвшія, онѣ вздремнутъ, сидя на стулѣ и склонившись головою на столъ, досиживая четвертый часъ послѣ полуночи, въ ожиданіи прихода дорогаго имъ человѣка; онѣ не считаютъ себя вправѣ даже упрекнуть его за поздній приходъ, онѣ не смѣютъ подумать, если уже сомнѣніе запало въ нихъ, высказать это сомнѣніе и, что бы съ ними не дѣлали, какъ бы ихъ не истязали, какъ бы низко не цѣнили ихъ, — онѣ все-таки любятъ, онѣ пьютъ любовь со всѣми возможными отравами, сколько бы ихъ не подсыпали!

Правда, случается иногда, что и въ этихъ добрыхъ, честныхъ и тихихъ женщинахъ, поднимаются бури и проявляется энергія, но эти минуты такъ тяжелы, такъ ощутительно смертоносны....

Полгода спустя послѣ смерти мужа, какъ разъ въ то время, когда проданы были послѣднія вещи изъ небольшаго наслѣдства, оставленнаго капитаномъ, встрѣтилась она Лаврецову и онъ прослѣдилъ ее...

Послѣ двухъ-трехъ недѣль, знакомство было уже на столько близко, что Лиза переселилась въ хорошенькую квартирку.

Ей стоило большихъ усилій уговорить Лаврецова не покупать бронзъ, не тратиться на платья. Геннадій Ивановичъ, немного одурманенный красотою и быстро развивавшеюся любовью къ нему, въ первое время дѣйствительно готовъ былъ задарить Лизу. Она отклонила это. Она сама требовала отъ него, чтобы онъ не оставлялъ для нея своихъ знакомыхъ, чтобы онъ ѣздилъ въ театры и на вечера, веселился и жилъ не стѣсняясь.

Ей доставляло огромное наслажденіе, условившись съ нимъ, быть въ театрѣ, смотрѣть изъ заднихъ рядовъ креселъ, куда она садилась, на то, какъ ходилъ Лаврецовъ по ложамъ бельэтажа, кланялся направо и налѣво. Что-то такое непріятное, зловѣщее, пошевеливалось въ ней въ эти минуты, но она знала, что, въ концѣ концовъ, онъ все-таки будетъ у нея, что разъѣдутся эти дамы, пройдетъ представленіе и она приметъ его къ себѣ, и онъ будетъ съ нею, а не съ ними....

Для того, чтобы привязать къ себѣ эту женщину, съ „вѣрностью коровы“, какъ выражался Лаврецовъ, онъ могъ бы даже не пускать въ ходъ такихъ утонченныхъ пріемовъ, какъ напримѣръ то, что онъ поставилъ очень хорошій памятникъ ея мужу, котораго Лиза уважала и

передъ которымъ считала себя виновною. Но Лаврецовъ дѣлалъ это для себя, ему это было пріятно, и еслибы фантазія подсказала ему поставить памятники цѣлымъ тремъ поколѣніямъ ея предковъ на Волковомъ, Охтѣ, Смоленскомъ и Митрофаньевскомъ, гдѣ они, разбросанные, лежали, — онъ бы былъ на столько великодушенъ, чтобы сдѣлать и это.

Прошло почти полтора года со времени встрѣчи съ Лаврецовымъ, когда Лиза объявила ему о своей беременности.

Это было то, что называютъ французы coup de grâce. Бѣдняжка опоздала новостью на цѣлый годъ. Лаврецовъ давно тяготился любовницею, а тутъ еще является и ребенокъ.

Онъ, не долго думая, совершенно прекратилъ свои посѣщенія и ограничился присылкою денегъ; онъ не пріѣхалъ даже посмотрѣть на ребенка, явившагося на свѣтъ какъ разъ въ то время, когда для отца поднялся было вопросъ о томъ, кто изъ двухъ: Варя или Надрикова.

Бѣдная женщина родила съ трудомъ, съ опасностью, и только послѣ девяти дней вставъ съ кровати и немного окрѣпнувъ, она рѣшилась писать...

Лаврецову писала она много разъ, но безъ толку; между тѣмъ, плачъ ребенка сталъ напоминать ей обязанность болѣе важную, чѣмъ примиреніе съ любовникомъ, и страхъ за голодъ и холодъ, видимо предстоявшіе и уже дававшіе чувствовать себя, внушилъ ей мысль о необходимости сдѣлать что-нибудь подѣйствительнѣе.

Лиза знала, благодаря добрымъ людямъ, о домѣ Ко-

кольцевыхъ и о Варѣ. Подчиняясь новому чувству и подстрекаемая видимою безнадежностью своего положенія, она заявила о себѣ Варѣ. Она просила ее помочь, она прямо говорила, что не смѣетъ отбивать у нея жениха, но просила помочь...

Когда Макалинскій, къ посѣщенію котораго мы возвращаемся, вошелъ въ комнату Лизы, его такъ и обдало запахомъ прованскаго масла и ромашки.

Не безъ любопытства взглянулъ онъ на хозяйку и нашелъ ее красивою.

Послѣднее обстоятельство было ему особенно важно, потому что у него была своя цѣль съ Лизою, цѣль, достиженіемъ которой онъ обдѣлывалъ сразу два, весьма выгодныя для него, дѣла. Одно—это коммисія Лаврецова, другое—это просьба почтеннѣйшаго Варсонофія Евграфовича, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ повалившимся, послѣ неудачнаго поползновенія его поцѣловать Варю.

Не далѣе, какъ за два дня до посѣщенія Лизы Макалинскимъ, получилъ онъ приглашеніе отъ послѣдняго: явиться къ нему.

— Здравствуйте, любезнѣйшій, здравствуйте, сказалъ Варсонофій Евграфовичъ, по приходѣ Павла Иларіоновича, почтительно остановившагося у самыхъ дверей.

— Чѣмъ могу служить вашему...

— Нужное, нужное дѣло! А какъ нынче состояніе вашего цвѣтничка? проговорилъ Варсонофій Евграфовичъ, слегка смѣясь и постукивая пальцами по ручкѣ вольтеровскаго кресла, въ которомъ сидѣлъ.—Гмъ! Какъ? Урожай или нѣтъ?

— Не то, чтобы-съ...

— Значитъ, есть?

Макалинскій пожалъ плечами и, высунувъ впередъ подбородокъ, ухмыльнулся.

— А ваше п-ство желаете?... проговорилъ онъ тихо, но внятно.

— Поищите мнѣ, поищите, отвѣтилъ Варсонофій Евграфовичъ: — только не вѣтренницу какую-нибудь, не нигилистку и не очень дорогую. Чтобы она тихая, скромная была, чтобы привязалась.

— Можно-съ.

— И чтобы не болтала, чтобы все это шито и крыто было. А что до издержекъ, такъ вы знаете: квартиру ей, столъ, служанку и рубликовъ пятьдесятъ, а нѣтъ, такъ и сто на руки. Вотъ, что мнѣ надо. Можете?

— Постараюсь-съ.

— Больше ничего. Прошу съ отвѣтомъ въ этакіе-же часы. И я бы, все-таки, прежде посмотрѣть хотѣлъ...

Слѣдствіемъ только-что приведеннаго разговора было то, что Макалинскій остался очень доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Лизою и почелъ ее пріобрѣтеніемъ для своего цвѣтничка.

Лиза подняла на него свои томные и кроткіе глаза и просила сѣсть.

Макалинскій, по имени, былъ ей не совсѣмъ неизвѣстенъ и она не могла удержаться отъ какого-то холода, сказавшагося въ ней по его приходѣ.

Лично его она не знала, но отъ знакомыхъ слыхала о немъ не разъ.

— Вы отъ Геннадія Ивановича? сказала она и чуть видимыя слезы проступили въ углы ея глазъ.

— Да-съ, отъ Геннадія Ивановича.

Макалинскій старался придать своему лицу выраженіе крайне соболѣзнующее, а голосу выраженіе наимягчайшее.

— Насъ никто не слышитъ? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Никто.

— Геннадій Ивановичъ крайне недоволенъ вашимъ посланіемъ къ Варварѣ Осиповнѣ... и, если мнѣ позволено будетъ замѣтить, такъ оно дѣйствительно было весьма неловко... Какъ-же можно было-съ...

— Не ловко? а что-же мнѣ дѣлать? проговорила Лиза и слезы проступили сильнѣе.

— Геннадій Ивановичъ, продолжалъ Макалинскій:— человѣкъ добрый, но самолюбивый-съ... Зачѣмъ было его такъ порочить.

— Порочить!?

— Вѣдь, продолжалъ Макалинскій:—вотъ и я имѣю удовольствіе быть у васъ, именно потому, что онъ добръ. Вы, женщина, конечно, и не поймете, можетъ быть, что я скажу вамъ, но вѣдь Геннадій Ивановичъ человѣкъ сильный, очень сильный. Онъ бы могъ и такъ бросить,... т. е. не бросить, а разстаться съ вами. Пойдите-ка, ищите съ него, но онъ человѣкъ хорошій, очень хорошій.

— Да, я знаю это, отвѣтила Лиза совершенно машинально, знаю...

— Ну, вотъ вы и сами знаете. Впрочемъ, я его не совсѣмъ оправдываю, о! далеко не совсѣмъ.

— Не правда-ли? быстро и оживленно спросила Лиза.

— Я не оправдываю. Не надо было сходиться, а

ужъ если сошелся, тогда... Къ тому-же и дитя тутъ, вѣдь оно невинно — дитя!

— Да, да, дитя невинно, повторила Лиза.

— Не хотѣлъ онъ его принять, ну такъ, по крайней мѣрѣ, обезпечилъ бы иначе, въ Воспитательный бы домъ его отдалъ, а то — не пріѣхать даже и посмотрѣть!... говорилъ Макалинскій. — Но, съ другой стороны, вы подумайте Елизавета... какъ прикажете по батюшкѣ?

— Богдановна.

— Съ другой стороны, Елизавета Богдановна, вѣдь это все-таки дѣло житейское. Вѣдь легко сказать самый бракъ. Что такое бракъ? видали мы браки. Да вѣдь ныньче и государство думаетъ о томъ, какъ бы браки уничтожить... Вѣдь тутъ надо разныя условія, надо полное, такъ сказать, равенство... Геннадій Ивановичъ человѣкъ молодой, карьера у него славная. Вѣдь неровный бракъ, такъ родные заѣли бы, такъ бы и заѣли. Да вы, я думаю, и сами такого мнѣнія и были и есть?

— О! я никогда, никогда и не смѣла думать объ этомъ, отвѣтила Лиза: — я и не могла, и не хотѣла...

— Такъ-съ, такъ-съ... Ну, вотъ видите-ли. Право, Елизавета Богдановна, вы меня простите, но я любуюсь вами, я, по истинѣ, любуюсь вами. Съ вами можно говорить толково и просто.

Раздавшійся въ это время крикъ ребенка, за дверью сосѣдней комнаты, вынудилъ Лизу подняться и пойти къ нему. Она извинилась и вышла на самое короткое время. Макалинскій, тѣмъ временемъ, всталъ, вынулъ табакерку и понюхалъ табаку. По возвращеніи Лизы, онъ приступилъ уже прямо къ дѣлу.

— Тутъ-съ, сказалъ онъ, подавая Лизѣ пакетъ съ деньгами:—тутъ двѣ тысячи рублей. Это много, уфъ какъ много денегъ! Это Геннадій Ивановичъ вамъ прислалъ-съ, и просилъ взять. Такъ не потрудитесь-ли получить и росписочку мнѣ такую, которую я вамъ продиктую, вы мнѣ дайте, а я и передамъ. И хорошо вы дѣлаете, скажу я вамъ, между нами, Елизавета Богдановна, что дѣло-то у васъ съ нимъ расходится. Хорошій онъ человѣкъ, конечно, хорошій... да, какъ вамъ сказать...

Лиза взяла отъ Макалинскаго деньги и заплакала на взрыдъ.

— Полноте, Елизавета Богдановна, полноте, говорилъ Макалинскій, дрожащимъ голосомъ:—вѣдь это... вѣдь это и я съ вами плакать буду, право, буду...

Но Лиза не унималась.

Принимая деньги, которыхъ она не могла не принять, она чувствовала, что теряетъ Лаврецова навсегда, безвозвратно. До настоящей минуты въ ней все еще оставалась надежда, хоть ни на что, но все-таки надежда, — а теперь? теперь дѣло было ясно и возвратъ невозможенъ.

— Эхъ! Елизавета Богдановна, заговорилъ опять Макалинскій: — жаль мнѣ на васъ смотрѣть; ну, вы не повѣрите, какъ жалко, ну, ну... да перестаньте-же, вѣдь у васъ этакъ и грудь-то надорвется.

Дѣйствительно, грудь Лизы волновалась подъ глубокими, судорожными всхлипываніями съ какою-то неестественною поспѣшностью. Ноги отказывались служить, и Павлу Иларіоновичу пришлось подвести ее къ креслу, въ которое она почти повалилась.

Макалинскій сѣлъ подлѣ.

— Ну перестаньте, перестаньте-же, не хорошо. Если-бы вы поуспокоились, такъ я бы съ вами, пожалуй, о другомъ поговорилъ, о вещи вамъ полезной и необходимой. Только если вы такъ плакать будете, такъ я и говорить не могу.

Мало по малу Лизѣ стало полегче и рыданія прекратились.

— Вѣдь, не одинъ-же у васъ Геннадій Ивановичъ на свѣтѣ; вѣдь и то сказать, продолжалъ Павелъ Илларіоновичъ: — иначе и не бываетъ съ людьми молодыми. Они какъ на шалости на это смотрятъ. Другое дѣло, человѣкъ пожилой, почтенный... Вамъ бы вотъ этакого почтеннаго человѣка найти!?

Выложивъ эти послѣднія слова, Павелъ Илларіоновичъ, немного косясь на Лизу, слѣдилъ за впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее. Впечатлѣніе не высказалось ничѣмъ рѣшительно: Лиза сидѣла неподвижно, уткнувъ лицо въ смоченный слезами носовой платокъ.

— Конечно, продолжалъ Макалинскій: — оно дѣйствительно такъ, у васъ на первое время этихъ денегъ хватитъ, ну, а потомъ, потомъ что? Вѣдь надо объ этомъ подумать, вѣдь у васъ ребенокъ есть, рости будетъ, болѣзни тутъ какія-нибудь, сами вы здоровьемъ-то не очень крѣпки. Ну, хотите Елизавета Богдановна, хотите, я вамъ этакого хорошаго человѣка дамъ, хотите, я васъ устрою? Добро, этотъ человѣкъ видѣлъ васъ и вы ему страхъ какъ понравились...

Лиза подняла на Макалинскаго свои заплаканные глаза... Она думала и думала тяжелую думу.

Первыя впечатлѣнія нужды, злой нужды, она уже успѣла испытать въ послѣднее время,—это были страшныя впечатлѣнія. Идти-ли на нихъ опять, ей, слабой, одинокой? да и какъ-же это идти!—она не умѣетъ идти противъ чего бы то ни было. А тутъ еще и Макалинскій говоритъ о холодѣ и голодѣ,—онъ знаетъ, что говоритъ... И, вѣдь, Лиза слыхала, что поступаютъ-же женщины такъ, какъ ей предлагаютъ поступить; что, вѣдь, живутъ-же онѣ; что, вѣдь, дитя есть у нея, ѣсть попроситъ, а грудь слаба, руки работать не умѣютъ...

Умолкнувшій въ это время Павелъ Иларіоновичъ предоставилъ Лизу дальнѣйшему дѣйствію сказанныхъ имъ словъ, а самъ, въ молчаніи и раздумьи, слѣдилъ за выраженіемъ лица своей паціентки.

Дѣйствіе было въ полномъ ходу: черты лица ея, больнаго, страдающаго, передергивало...

— Кротка ужъ она очень, думалъ Макалинскій:—а то бы можно было и еще комарика подпустить: этакъ, что-нибудь въ родѣ того сказать, что, покажите, молъ, Геннадію Ивановичу, что вы въ немъ не нуждаетесь, мстите ему и отдались другому изъ гордости, отъ самолюбія! Да нѣтъ въ ней самолюбія и комарика этого не нужно, и такъ обойдется,—а Варсонофію Евграфовичу преподнесемъ, право, преподнесемъ...

Павлу Иларіоновичу было очень любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ отбивалась Лиза отъ напущенныхъ имъ комариковъ. Продолжать о Варсонофіѣ Евграфовичѣ было бы не умно, но почва для его насажденія была, неоспоримо, подготовлена и заколыхалась.

Макалинскій поднялся со стула и, получивъ отъ

Лизы продиктованную имъ записку, вышелъ изъ квартиры, обѣщавъ понавѣдаться при первой возможности.

— Какіе это, однако, пренепріятные запахи: прованское масло и ромашка! думалъ Павелъ Иларіоновичъ, спускаясь съ лѣстницы: — семьею пахнетъ... бррр... не хорошо.

Полною грудью вдохнулъ онъ свѣжій, весенній воздухъ и направился домой, раздумывая о совершонномъ имъ двойномъ уловѣ.

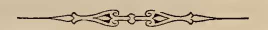
Тотъ-же самый свѣжій весенній воздухъ силилась вдохнуть въ себя и Лиза.

Она, оставшись одна, быстро подошла къ форточкѣ, открыла, даже рванула ее и, высунувъ голову на улицу, глотала этотъ воздухъ, думая освѣжиться. Но воздухъ, не смотря на усиленныя приглашенія, предпочиталъ оставаться на волѣ и только дразнилъ ея горячія, высохшія губы, касаясь ихъ и вовсе почти не проникая въ грудь.

Да и что ему было забираться туда, когда на дворѣ стояла весна и блескъ, распускались первыя почки, щебетали ласточки, пробуждалась жизнь, — а въ груди Лизы была смерть и потемки, и острая, жгучая боль!

Долго провисѣла Лиза надъ форточкою и казалась прохожимъ, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чѣмъ была въ дѣйствительности, т. е. особою, смотрящею въ форточку.

Прочь! прочь! съ этою темною картиною и идетъ-ли она къ нашему разсказу? поскорѣе къ легкимъ, болѣе веселымъ, краскамъ. Въ жизни и то много скучнаго, такъ зачѣмъ-же еще болѣе выдвигать его и гнать на себя тучею даже въ разсказѣ!!

Глава XVI.

Пока Макалинскій напускалъ на Лизу комариковъ, Надриковы летѣли по желѣзной дорогѣ къ Москвѣ, а Богинскіе, незримо для всѣхъ, вкушали первыя радости брачной жизни, Лаврецовъ не зналъ, какъ ему убить время, въ ожиданіи послѣдствій отъ своего письма.

Онъ уже нѣсколько дней почти вовсе не являлся на службу. Забѣжитъ, повернется раза два и исчезнетъ.

Множество служебныхъ дѣлъ пошло въ долгій ящикъ, другія были спущены не такъ, какъ бы этого хотѣлъ Лаврецовъ, и по нѣкоторымъ отдѣламъ русской жизни показались уже, на сушѣ: легкая, пушкообразная плѣсень, а на водахъ: тонкая, студенистая пленка...

Чего, чего не передумалъ Геннадій Ивановичъ за это время, гдѣ не побывалъ онъ, чтобы встрѣтить Анну

Өедоровну; какихъ плановъ не создалъ? о томъ, что сдѣлала Надрикова въ дѣйствительности, о неожиданномъ отъѣздѣ ея, — ему и въ голову не приходило.

Больше всего полюбилась Геннадію Ивановичу своя квартира. Онъ засѣлъ въ ней, какъ никогда не сидѣлъ — сиднемъ; по цѣлымъ часамъ шагалъ изъ угла въ уголъ, отъ стѣны къ стѣнѣ, садился здѣсь, садился и тамъ, ложился — такъ, ложился и этакъ! Занимался онъ, потому что нельзя-же думать все только объ одномъ и томъ-же, занимался онъ перестановкою вещей съ мѣста на мѣсто, перелистываніемъ фотографическихъ альбомовъ, перечитываніемъ старыхъ писемъ, занимался даже сведеніемъ счетовъ, даже чтеніемъ занялся, вотъ до чего дошло!

Прошелъ день, прошелъ другой, прошелъ третій.

Утромъ четвертаго дня, часовъ въ шесть, вставъ и прибравшись, Лаврецовъ тотчасъ-же легъ снова на диванъ, съ тѣмъ, чтобы заняться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса: что ему предпринять? Оставаться дольше въ невѣденіи было невозможно. Всю ночь проворочался онъ на своей кровати, голова его болѣла, по тѣлу чувствовался легкій ознобъ.

Вѣдь это я заболѣю, думалъ Геннадій Ивановичъ:— умру!

Взглянулъ онъ въ окошко: на трубѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ торчалъ трубочистъ, и вытаскивалъ изъ трубы только-что опущенную имъ метлу. Взглянулъ онъ на потолокъ своей комнаты: вдоль потолка, совершенно также, какъ и вчера, шла та же трещина и образовывала мѣстами пресмѣшные профили съ длинными носами.

Утро стояло ясное, солнечное. Прилетѣли голуби на окно, поворковали, полюбезничали; смотрѣлъ на нихъ, прыгая и чирикая, старый, престарый воробей и улетѣлъ вмѣстѣ съ голубями. По голубому небу тянулись легкія, розовыя облака и тоже образовывали какіе-то профили, и между этими профилями и тѣми, что образовывались трещиною на потолкѣ, было нѣкоторое родственное сходство.

— Эй, человѣкъ! крикнулъ Геннадій Ивановичъ: одѣваться.

Полчаса спустя шолъ онъ по улицѣ, направляясь на Васильевскій островъ. Неву переѣхалъ онъ въ яликѣ и скоро очутился передъ хорошо знакомымъ ему домомъ.

— А что, любезный, обратился онъ къ дворнику, вызвавъ его изъ конуры: нельзя-ли мнѣ тутъ Пелагею, горничную видѣть?

— Какую вамъ Пелагею? не хозяйскую-ли?

— Да.

— Нѣтъ у насъ Пелагеи. Отошла.

— Какъ отошла? Когда?

— Да, дня четыре будетъ, какъ отправили.

Лаврецовъ призадумался. Извѣстіе было не совсѣмъ пріятное.

— А не знаешь-ли ты, куда она переѣхала?

— Отмѣтка есть.

Лаврецовъ сунулъ дворнику въ руку цѣлковый и просилъ ему выписать адресъ.

— Да почему-же она отошла? спросилъ онъ.

— А Богъ ее вѣдаетъ. Да и на что она имъ въ дорогѣ-то.

— Какъ въ дорогѣ?

— Да, вѣдь, господа-то наши уѣхали.

— Какъ? Куда?

— Въ деревню въ свою.

Дворникъ нисколько не удивился требованію адреса Пелагеи; она была дѣвушкою молоденькою и пригожею и Лаврецовъ былъ третьимъ, спросившимъ ея адресъ.

За то Лаврецовъ, получившій свѣдѣніе объ отъѣздѣ господъ, былъ поражонъ и совершенно сбитъ съ толку. Это извѣстіе, одновременно съ извѣстіемъ объ отправленіи Пелагеи, было уже само по себѣ достаточно ясно.

Ѣхать за нею, отыскать! вотъ первое, что промелькнуло у него въ головѣ. Что-нибудь сдѣлать, сейчасъ сдѣлать, чтобы хотя сколько-нибудь успокоить нервы, было второю мыслью. Но что-же сдѣлать? На квартиру къ ней пойти, увидѣть стѣны, въ которыхъ она жила, прикоснуться къ вещамъ ея, къ портрету, можетъ быть?

Эта мысль была и исполнима, и все-же это было хоть что-нибудь, хоть что-нибудь въ эту-же минуту!

— А нельзя-ли мнѣ, братецъ ты мой, человѣка ихъ, что-ли, видѣть, или кто тамъ у нихъ на квартирѣ остался?

— Для чего нельзя, можно, ступайте по чорной.

— А ты мнѣ тѣмъ временемъ адресъ-то Пелагеи напиши.

— Ладно, отвѣтилъ дворникъ и показалъ дорогу.

Лаврецовъ далъ бы дворнику и еще хоть десять рублей, но воздержался и сообразилъ, что для почитателя Пелагеи, въ образѣ котораго онъ явился, и даннаго рубля было достаточно.

Позвонивъ у дверей, Геннадій Ивановичъ ожидалъ весьма не долго,—ихъ отворили.

— Чего вамъ? спросилъ человѣкъ — Василій.

— Я это къ вамъ на счетъ Пелагеи, отвѣтилъ Лаврецовъ и вошелъ въ свѣтлую и весьма просторную кухню.

За большимъ кухоннымъ столомъ сидѣла не старая еще женщина и штопала старые, престарые носки. На полу виднѣлась — пара ребятишекъ, замурзаныхъ и засусленныхъ; одинъ изъ нихъ грызъ большущую морковь, клочья которой облѣпили всю его физіономію; а другой, годовалый, покоился на старой, ваточной кацавейкѣ, брошенной на полъ, и игралъ съ кошкою.

Ребятишки не обратили на вошедшаго никакого вниманія, но мать ихъ почла обязанностью запахнуться пестрымъ платкомъ, лежавшимъ подлѣ нея на столѣ и прикрыть свои сорокалѣтнія прелести.

Подъ плитою былъ разведенъ огонь, на плитѣ клокоталъ кофе, распространяя по кухнѣ сильнѣйшій запахъ. На окнѣ стояла посудина съ лукомъ, морковью, огромною бычачьею печенкою; подлѣ красовался штофъ водки. Въ углу, противъ печки, стояла кровать; скомканныя простыни, болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства, и одѣяло, сшитое изъ лоскутковъ, валялись на ней кучею, отчасти падая на полъ... Отъ дальнѣйшихъ подробностей мы воздерживаемся; хотя Геннадій Ивановичъ и замѣтилъ ихъ.

Онъ, какъ ни тяжело было у него на сердцѣ, улыбнулся этой теньеровской картинкѣ русскаго пошиба. Но дѣлать было нечего: попасть въ квартиру, въ комнаты Надриковой, нужно было во что-бы-то ни стало.

Можетъ быть, такъ думалъ онъ, она и здѣсь, въ кухнѣ, бывала и эта мысль приласкала его, и ему даже понравились и морковь, и кошка, и даже сама женская особа, штопавшая носки, подъ тѣмъ условіемъ, однако, что она успѣла припрятать платкомъ, купленнымъ когда-то у татарина, свои сорокалѣтнія прелести.

Прежде всего Лаврецову нужно было войти въ роль обожателя Пелагеи и сообразить: кого-же долженъ онъ представить изъ себя въ настоящую минуту?

Ему помогъ самъ Василій.

— Вы отъ аглицкаго посланника-съ?

— Да, отвѣтилъ Лаврецовъ, и поставилъ шляпу на столъ, покосившись сначала на то мѣсто, куда онъ ее ставилъ: нѣтъ-ли на немъ масла, или чего другаго блестящаго.

— Говорила она намъ, говорила, что вы придтить обѣщали.

Лаврецовъ сѣлъ на придвинутый ему табуретъ, покосившись сначала и на него. Впрочемъ, онъ тотчасъ-же сообразилъ, что очень уже часто коситься ему не слѣдуетъ.

— Ты бы табуретъ-то сначала обтеръ, сказала почтенная супружница мужу: — ребятишки-то его можетъ загадили?

Лаврецовъ почувствовалъ, что будто и въ самомъ дѣлѣ подъ нимъ былъ необтертый табуретъ, однако, усидѣлъ.

— Ничего-съ, сказалъ онъ, небезпокойтесь.

О чистотѣ табурета засвидѣтельствовалъ и хозяинъ.

— Кофейку не прикажете-ли? проговорила хозяйка, быстро, какъ бы обрадовавшись своей мысли, положивъ

штопанный носокъ на столъ и снявъ съ пальца мѣдный наперстокъ. Пелагея Игнатьевна намъ говорила, что вы очень кофе любите.

Она поднялась съ мѣста и Лаврецовъ почелъ своею обязанностью поблагодарить, сказавъ, что очень любитъ кофе и что у аглицкаго посланника тоже очень много кофею пьютъ.

— Да кто нынче кофею не пьетъ, сказалъ въ отвѣтъ Василій: — напитокъ, можно сказать, важный.

— Это у насъ кофей въ сорокъ копѣекъ фунтъ, замѣтила хозяйка, напоминая этимъ, что есть кофе и въ тридцать двѣ копѣйки, и принялась выполаскивать стаканы и вытирать ложки и подносъ.

— А давно вы Пелагею Игнатьевну знать изволите? спросилъ хозяинъ. Говорила она, что васъ за границей повстрѣчала.

— Да, заграницею.... не очень давно. Мы это, съ посольствомъ все ѣздили, къ королю, къ баварскому....

Сказавъ это, Лаврецовъ даже самъ повеселѣлъ и, вспомнивъ о Хлестаковѣ, хотѣлъ было и еще королей помянуть, но воздержался. А ну, какъ о баварскомъ королѣ она имъ ничего не говорила?

— Такъ-съ, такъ-съ, отвѣтилъ хозяинъ. — Хорошая это служба у васъ. И много получаете?

Сообразивъ, что своему человѣку Лаврецовъ платилъ двадцать рублей, онъ нашелъ нужнымъ надбавить цѣну и объявилъ, что получаетъ отъ посланника цѣлыхъ тридцать.

— И горячее? спросила хозяйка, остановившись въ полосканьи чашки и осклабивъ зубы улыбкою.

— И горячее, отвѣтилъ Лаврецовъ безъ запинки, рѣшительно не понимая, что она такое спросила у него.

— Оно жалованье хорошее, словъ нѣтъ, говорилъ хозяинъ: да вамъ, чай, со стороны и вдвое еще перепадетъ, у посланника-то. Да и то сказать, обстановка у васъ другая должна быть, вотъ хоть-бы и платье. Вонъ на васъ какое платье-то одѣто, нашъ баринъ такого не носитъ, а вѣдь это денегъ стоитъ.

Лаврецовъ оглядѣлъ свое платье.

Въ это время младшій изъ ребятишекъ, съ морковью, ковыляя,—у него была англійская болѣзнь, — подошолъ къ нему и положилъ руки съ морковью на колѣни.

— Брысь, пострѣленокъ! крикнулъ отецъ: — еще перепачкаетъ.

Подбѣжала мать, отвела ребенка, обтерла его щоки тою-же салфеткою, которою мыла стаканы, и мальчикъ, посаженный снова на кацавейку, преспокойно принялся попрежнему обгладывать морковь.

Пользуясь этою неожиданною вставочною сценою, Лаврецовъ думалъ своевременнымъ приступить къ какимъ-либо распросамъ и съ своей стороны.

— А вы давно тутъ въ домѣ? спросилъ онъ.

— Мы еще крѣпостными у барина были, да такъ и остались. Ничего, у насъ не дурно служить.

— Да Пелагея-то почему отъ васъ отошла?

— А Богъ ее вѣдаетъ. Съ барыней не поладили.

— Т. е., что-же такое?

— Да какъ вамъ сказать, началъ Василій: письмо тамъ какое-то, что-ли, ужъ я, право, навѣрное сказать не умѣю, только она сразу отошла.

— Какое это письмо?

— Баринъ какой-то, что-ли, ей письмо далъ и барынѣ его передать просилъ. Она и взъѣлась, — ну и отставили.

— Вотъ что? А развѣ у васъ баринъ съ барыней дурно живутъ? Вотъ и у насъ тоже: посланница своихъ англичанъ не любитъ и своего тоже, а все больше французовъ жалуетъ, договорилъ Лаврецовъ, смягчая рѣзкость своего вопроса.

— Подите-ка, вотъ оно порядки нынче какіе, отвѣтилъ хозяинъ: а все отъ того, что бабъ бить перестали, ну и блажатъ. Я вотъ съ моею такъ...

— А что ты съ твоею? Заворчала въ отвѣтъ ему жена, ставя подносъ на столъ и уставляя чашки: — вишь, болтунъ этакой, прости Господи. Ничего на языкѣ не удержитъ; рѣшето, право!

— Да чего держать-то. Весь городъ знаетъ.

— Городъ знаетъ, а ты молчать, значитъ, долженъ, потому — свой человѣкъ.

Лаврецовъ почолъ своею обязанностью вмѣшаться и урезонить расходившуюся было супругу, что ему и удалось, съ помощью только-что разлитаго ею кофею.

— А вамъ въ прикусочку или такъ? спросила она Лаврецова.

— Ужъ я попрошу такъ, отвѣтилъ Лаврецовъ и задумался: передъ нимъ стоялъ почтенной величины, но весьма сомнительно вытертый, стаканъ и на самомъ краю его красовался кусочекъ той самой морковки, которую и по сю пору доѣдалъ одержимый англійскою болѣзнью мальчуганъ.

— Пить или не пить? чортъ возьми, думалъ онъ. — А вѣдь нужно пить, потому что нужно въ квартиру попасть.

Снявъ пальцемъ морковку, онъ хлебнулъ изъ стакана и остановился: кофе былъ очень хорошъ и горячъ до-нельзя.

— За этою дверью, думалъ Лаврецовъ, и послѣ этого стакана кофе, — я вдохну въ себя воздухъ ея обиталища, я прикоснусь къ ручкамъ дверей, которыя она открывала... я...

И Лаврецовъ принялся хлебать горячій кофе.

Во время огульнаго уничтоженія напитка, говорили опять о Пелагеѣ, и опять о Надриковой.

Хозяйка, считая Лаврецова лицомъ вліятельнымъ, спросила, не откроется-ли у нихъ, у посланника, хорошаго мѣста ея брату кучеру. На это Лаврецовъ отвѣтилъ, что непремѣнно позаботится, и что ужъ онъ давно хочетъ спустить одного изъ кучеровъ, которыхъ у нихъ числомъ шесть. Когда зашла рѣчь о теперешней, лѣтней службѣ, хозяйка замѣтила, что ей очень много хлопотъ съ квартирою, что мыть и чистить надо поминутно, а мужъ лѣнивъ и ничего не дѣлаетъ.

— А богатая у васъ квартира? спросилъ Лаврецовъ.— Много вещей?

— Да ты имъ покажи квартиру-то, сказала жена, обращаясь къ мужу: — а я тѣмъ временемъ ребенка покормлю; вишь, груди проситъ.

Приступивъ немедленно къ осуществленію своего намѣренія покормить ребенка, она подняла его и, отнюдь не церемонясь Лаврецова, принялась за исполненіе святой обязанности матери.

Тѣмъ временемъ мужъ, снявъ съ одной изъ полокъ кухни ключъ, пошолъ съ Лаврецовымъ въ квартиру.

Мурашки пошли по тѣлу Геннадія Ивановича, когда онъ вступилъ въ длинный рядъ комнатъ, только отчасти лишонныхъ ихъ обыкновеннаго убранства. Люстры и картины не были завѣшены, но занавѣски были сняты и сквозь опущенныя шторы проходилъ матовый, яркій свѣтъ полуденнаго солнца.

Словоохотливый проводникъ, пользуясь отсутствіемъ супруги, говорилъ много и обстоятельно, но Лаврецовъ пропускалъ его рѣчи мимо ушей, отчасти потому, что онъ объяснялъ исторію съ Викентіемъ, ему извѣстную, отчасти-же, и, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что Лаврецовъ чувствовалъ себя блаженствующимъ и упивался настоящею минутою.

Когда посѣтители молчаливой и какъ бы дремавшей квартиры прошли дѣтскую, залу, гостиную, спальню и очутились въ будуарѣ, Лаврецовъ окончательно растерялся.

— Вотъ это тутъ-съ, бывало, сказалъ ему услужливый проводникъ:—барыня съ Викентіемъ Өедоровичемъ сиживала и вѣдь нашего брата, въ чужѣ, стыдъ бралъ. По ночамъ сиживала!

Легенда шла къ картинѣ какъ нельзя болѣе.

Очарованный, безмолвный, стоялъ Лаврецовъ посрединѣ будуара и смотрѣлъ чуть дыша на большой и весьма хорошій портретъ Надриковой, висѣвшій въ углу на треногѣ. Портретъ былъ писанъ очень недавно и прическа на немъ была изображена та самая, которую такъ безжалостно и такъ страстно помялъ Геннадій

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

Ивановичъ, своими собственными руками, въ первый вечеръ встрѣчи.

Изъ этой рамки Надрикова глядѣла на него безъ злобы, безъ испуга, глядѣла какъ живая, а свѣтъ, падавшій сквозь опущенную штору, способствовалъ какъ нельзя болѣе силѣ впечатлѣнія. Не смотря на розовый туманъ, разостлавшійся передъ мыслями и глазами Лаврецова, онъ сознавалъ очень хорошо гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ тутъ-же далъ себѣ отчотъ въ томъ, что спальня, черезъ которую онъ прошелъ, осталась для него безъ значенія, но что именно здѣсь, въ будуарѣ, тутъ все дышало и было полно отсутствующею! тутъ пала она какъ женщина и поднялась, какъ любовница; тутъ расточала она другому человѣку свои ласки и согрѣвала его тѣмъ тепломъ прикосновеній, тою влажностью поцѣлуевъ, при одной мысли о которыхъ сердце Лаврецова перестало биться и онъ задрожалъ...

Портретъ полѣзъ на него изъ рамки...

И такъ ясно, такъ ощутительно было Лаврецову приближеніе къ нему самой Надриковой, что въ лицо его даже повѣяло отъ портрета струею воздуха и по волосамъ прошолъ легкій, холодный вѣтерокъ...

— Ну, цѣлуй-же меня, проговорилъ портретъ.

Лаврецовъ отшатнулся и отвелъ глаза...

Василій, провожавшій его, прибиралъ въ это время бездѣлушки, стоявшія на письменномъ столѣ и, пользуясь приходомъ своимъ въ квартиру, обтиралъ пыль и тянулъ канитель своего безконечнаго разсказа.

Геннадій Ивановичъ слушалъ какъ бы сквозь сонъ

и сѣлъ на стоявшее подлѣ, низкое и пухлое, кресло, мало по малу отрезвляясь и приходя въ себя.

Поуспокоившись, онъ снова взглянулъ на портретъ. Надрикова вошла въ рамку и покоилась въ углу.

Лаврецовъ смотрѣлъ долго и пристально, и старался удержать въ памяти черты этого лица, довольствуясь копіею, такъ какъ оригиналъ видѣлъ онъ слишкомъ недолго, и при слишкомъ исключительныхъ обстоятельствахъ, чтобы вполнѣ и подробно изучить его.

Любопытно было ему знать еще и то: не лежитъ-ли гдѣ-нибудь, подлѣ, въ одномъ изъ ящичковъ, которой-нибудь шифоньерки, котораго-нибудь изъ темныхъ уголковъ, которыхъ отличалъ онъ десятки, — письмо, имъ писанное, или оно разорвано въ куски и брошено?

На это послѣднее провожатый его, конечно, не могъ бы дать отвѣта. Вѣрно было только то, что читано было это письмо здѣсь, въ будуарѣ, и здѣсь-же являлся ей въ мысли и Лаврецовъ... Но какъ являлся? этого-то именно и не узнать.

Нѣсколько минутъ спустя, простившись съ гостепріимными хозяевами и довольный тѣмъ, что настоящій камердинеръ англійскаго посланника не явился отъискивать Пелагею и тѣмъ избавилъ его отъ весьма страннаго исхода предпріятія, — Лаврецовъ вышелъ на улицу и направился, по набережной Невы, пѣшкомъ.

Онъ былъ несравненно спокойнѣе, чѣмъ утромъ, и синія волны Невы и золотая шапка Исакія глядѣли на него особенно привѣтливо.

— Буду ждать! сказалъ онъ себѣ, и сѣлъ въ яликъ, чтобы перебраться на свою сторону.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

Глава XVII.

Обращаемся къ Надриковымъ и ихъ странствію.

Съ первымъ свисткомъ паровоза Анна Ѳедоровна вздохнула свободнѣе. Промелькнула Москва; въ ней провели четыре дня; заблестѣли маковки кіевскихъ церквей... Рѣшено было провести въ Кіевѣ тоже дня три-четыре и осмотрѣть святыню.

— Ну ужъ сюда-то не явится этотъ Лавредовъ, подумала Надрикова, завертываясь въ одѣяло на своей кровати и готовясь заснуть хорошенько. — А, впрочемъ, Богъ его знаетъ, можетъ быть?

Кровать ея, какъ и всѣ кровати на югѣ Россіи, въ гостинницахъ, была крайне неудобна: узка, жестка и сомнительной нравственности. Не смотря на усталость, Надрикова долго вертѣлась на ней и поддерживала съ Вассомъ самый не трудный, отрывистый разговоръ.

Говорила она объ одномъ, а думала другое.

Думалось ей, что путешествіе отличная вещь; что вмѣстѣ съ почвою уходятъ изъ подъ ногъ и всѣ мѣстныя условія жизни; что оно все-таки любопытно новыхъ людей встрѣчать. При мысли о встрѣчѣ новыхъ людей, ей вспомнилась и причина, заставившая ее уѣхать изъ Петербурга: желаніе сыскать себѣ человѣка... любовника!...

Надрикова улыбнулась этой мысли и какъ бы не узнала ее: такъ странно звучала она ей.

— И зачѣмъ мнѣ человѣка? У меня есть мужъ. Вотъ онъ, мой мужъ, мой Вассъ Оровичъ,—и при этомъ она взглянула на мужа, влѣзавшаго на свою кровать, и опять улыбнулась, и была неизмѣримо довольна тѣмъ, что она въ Кіевѣ, что она свободна.

Завтрашній день и послѣ-завтрашній и всѣ другіе, представлялись ей какою-то заманчивою, голубою, неизвѣстною далью. Въ общую картину входило и Черное море, и Лермонтовъ, и Бахчисарайскій фонтанъ, и южный берегъ Крыма и, наконецъ, ближе всего, представлялась ей кіевская святыня...

— Очень будетъ любопытно посмотрѣть. Вѣдь я теперь очень близко къ этой святынѣ, къ пещерамъ, къ мощамъ... Все это рядомъ со мною, подлѣ... Даже немножко страшно: ихъ такъ много, этихъ мощей и теперь ночь! И вѣдь, кажется, здѣсь крестилась Россія. Да, да, здѣсь. Владиміръ — князь и Рогнѣда — опера, это все тутъ!

И Надрикова вспомнила пансіонскіе уроки, учителя исторіи, экзамены, хронологію; вспомнила нѣкоторыхъ изъ подругъ.

Мало по малу сонъ началъ одолѣвать ее; урывчатый разговоръ съ Вассомъ прекратился. Стукъ экипажей на Крещатикѣ былъ тоже весьма не великъ и она заснула самымъ здоровымъ, спокойнымъ сномъ, навѣяннымъ на нее усталостью и весеннимъ воздухомъ.

Настало утро. Приступили къ осмотру святыни и рѣдкостей.

Едва только вышли наши путники изъ гостинницы, сѣли въ открытую коляску и поѣхали по Крещатику и сосѣднимъ улицамъ, къ памятнику князя Владиміра,—какъ обоихъ ихъ охватило чувство какой-то тихой радости и довольства.

Въ яркомъ свѣтѣ майскаго солнца, подъ голубымъ, нѣжно голубымъ небомъ, блестѣли червоннымъ золотомъ купола и кресты Михайловскаго монастыря, Софійскаго собора и яркая бѣлизна старинныхъ стѣнъ ихъ и оградъ, поднимала еще больше свѣтовое, лучезарное впечатлѣніе картины.

Густая зелень садовъ и волнистая мѣстность, пестрота движенья на улицахъ и стукъ экипажей, и надъ всѣмъ этимъ свѣтъ, блескъ и лазурь, и ровный, гармоническій звукъ колоколовъ, призывавшихъ къ обѣднѣ — все это было чѣмъ-то до такой степени новымъ и неожиданнымъ, что Надриковой запалъ въ голову вопросъ: да гдѣ-же это тутъ могутъ помѣщаться эти тысячи мощей, эти монахи, когда городъ такъ и кипитъ жизнью и небо такое голубое?!

— И что это такое Лаврецовъ, въ сравненіи со всѣмъ этимъ? думала она, и, обратившись къ Вассу, занятому созерцаніемъ, подобно ей, просила его спросить у кучера: далеко-ли до Лавры?

Кучеръ, полу-полякъ, полу-жидъ, отвѣтилъ, что до Лавры далеко, что лучше поѣхать туда подъ конецъ, что къ тому времени отойдетъ обѣдня и будетъ лучше осматривать, что всѣ такъ дѣлаютъ. Рѣшили ѣхать въ Лавру послѣ.

Минутъ черезъ десять коляска остановилась и кучеръ, указывая на виднѣвшійся въ сторонѣ павильонъ, просилъ сойти и направиться туда пѣшкомъ.

Надриковы сошли и, добравшись до указаннаго мѣста, увидѣли передъ собою одинъ изъ величавѣйшихъ видовъ Россіи: лѣвую сторону Днѣпра, съ ея далекими лѣсами, и на первомъ планѣ памятникъ Владиміра, водружающаго крестъ; вдали, направо, виднѣлся мостъ черезъ Днѣпръ, а внизу, изъ-за кустовъ и деревьевъ, катилась и самая рѣка, шолъ пароходъ и тащилъ барки.

— Я не думалъ, чтобы тутъ было такъ хорошо, проговорилъ Вассъ, закуривая папироску.

— И я не ожидала, отвѣтила Надрикова, — это какъ за-границей.

Полюбовавшись вволю дѣйствительно замѣчательнымъ видомъ, Надриковы вернулись къ коляскѣ.

— Это самый лучшій видъ у васъ на городъ? спросилъ Вассъ у кучера: — или есть и другой еще?

— Есть-съ, отвѣтилъ кучеръ: — изъ Муравьевскаго сада.

— Гдѣ это?

— У Андрея Первозваннаго.

— Ступай туда.

Добрались и до Муравьевскаго сада и вошли въ него.

Тотъ, кто не былъ въ Кіевѣ и не заходилъ именно

въ Муравьевскій садъ, тотъ сочтетъ описаніе картины за невозможное. А между тѣмъ это такъ, и лучшіе виды Европы, безъ всякаго рѣшительно исключенія, если и не уступятъ этому виду на Подолъ и Заднѣпровье, то за то ни въ какомъ случаѣ не оставятъ его за собою.

Вы входите въ Муравьевскій садъ узкою калиткою, противъ самой церкви Андрея Первозваннаго, одного изъ красивѣйшихъ произведеній Растрелли. Двигаясь вслѣдъ за проводникомъ по узкимъ и извилистымъ дорожкамъ, густо обсаженнымъ кустами и деревьями, вы, при первыхъ шагахъ, какъ бы недоумѣваете: да откуда-же тутъ взяться виду? все закрыто, задвинуто. Гдѣ тутъ можетъ быть спрятанъ видъ?

Еще нѣсколько шаговъ. Вы огибаете клумбы, глазъ вашъ встрѣчаетъ передъ собою горизонтальную насыпь, закрывающую мѣстность. Вы всходите на нее, и — останавливаетесь...

Мы бьемся объ закладъ, что нѣтъ и не можетъ быть такого человѣка, если онъ не слѣпъ, который бы не остановился на томъ именно мѣстѣ, гдѣ узкая дорожка сада, по которой вы пришли, приподнявшись на насыпь, пересѣкается дорожкою, идущею вдоль послѣдней. Это — зачурованное мѣсто! Не даромъ-же правили вѣдьмы свои шабаши въ Кіевѣ и остались-же послѣ нихъ зачурованныя мѣста!

Вы стоите на гребнѣ высокой горы, надъ зеленью круто спускающагося сада. Далеко внизу развертывается Подолъ съ его монастырями, площадями, улицами. Взглядъ вашъ скользитъ отъ близкихъ къ вамъ листь-

евъ, которые вы можете тронуть рукою, къ крышамъ ближайшихъ домовъ, къ двумъ холмамъ, загроможденнымъ монастырскими и другими строеніями и, словно по ступенямъ, добирается до самаго Днѣпра и его песчаныхъ зеленѣющихъ окраинъ. Люди и экипажи, шума которыхъ вы не слышите, двигаются и кишатъ подъ вами какъ куколки, а безконечная равнина Заднѣпровья, на которой глазъ вашъ выслѣживаетъ изгибы и рукава Днѣпра, свѣтящіеся въ лугахъ и лѣсахъ, гдѣ одинокимъ зеркальцемъ, а гдѣ цѣлою семьею разбросанныхъ зеркалъ, составляетъ главную, основную ноту этой свѣтовой музыки, длящейся во вѣки вѣковъ...

И это музыка не духовыхъ инструментовъ; ее вызываютъ не смычки; нѣтъ, это музыка струнъ и только струнъ, оживающихъ подъ невидимыми пальцами чудесныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ сказочныхъ временъ Баяна! И чудится вамъ, что напѣлъ и наигралъ и закрѣпилъ за этимъ мѣстомъ, эту картину, сѣдовласый пѣвецъ!

Ростутъ передъ вами по лазури небесной, тонки, какъ паутина, податливы какъ облака, Аскольдъ и Диръ въ кольчугахъ и острыхъ шишакахъ; царевна Лыбедь прекрасная съ бѣлою грудью и князь Владиміръ... до его крещенія въ Херсонесѣ, непремѣнно до крещенія, языческій Владиміръ, съ его пирами и охотами, съ его теремами!

— Что это такое? тихо проговорила Надрикова.—Ну гдѣ-же тутъ еще можно вспомнить Лаврецова и подобную мелочь, — подумала она про себя и облокотилась на руку мужа. До того шли они каждый отдѣльно.

— Да, отвѣтилъ ей Вассъ, хорошо... Точно будто и не въ Россіи... и думать взять у насъ Кіевъ?!

Вассъ и незамѣтилъ странности въ послѣднихъ словахъ своихъ. Онъ сказалъ это точно сквозь сонъ и, какъ настоящій русскій, счолъ своею обязанностью примѣшать политическую тенденцію къ чисто художественному впечатлѣнію.

— А не можешь-ли ты получить мѣсто въ Кіевѣ? спросила его Анна Θедоровна, допустивъ тоже своего рода соглашеніе въ ощущеніе минуты, менѣе рѣзкое и, пожалуй, возможное.

Вассъ улыбнулся и они пошли вдоль по насыпи.

— Но мы еще вернемся сюда передъ отъѣздомъ, сказала Надрикова мужу, когда, налюбовавшись картиною, они сошли внизъ и сѣли въ коляску.

— Непремѣнно вернемся.

Они не вернутся, однако.

Коляска тронулась и направилась въ Лавру.

Послѣ довольно долгой ѣзды, въѣзжали они въ крѣпостныя ворота ея и передъ ними высился соборъ, съ тою-же бѣлизною стѣнъ, съ тѣми-же золотыми маковками, какъ и соборы, видѣнные ими въ самомъ городѣ.

Обѣдня отошла и по дворамъ Лавры, кромѣ нѣсколькихъ монаховъ и нищихъ, никого не было видно.

Святыя врата, памятникъ семнадцатаго вѣка, сквозь которыя Надриковы прошли въ Лавру, съ ихъ фресками, изображающими святыхъ въ чорныхъ, длинныхъ рясахъ, съ клобуками на головахъ и пергаментами въ рукахъ, первымъ впечатлѣніемъ своимъ, перенесли посѣтителей въ другую атмосферу и къ совершенно другимъ идеаламъ, чѣмъ тѣ, которые, хотя весьма неясно, чувствовались ими въ Муравьевскомъ саду.

Противуположность была самая полная и въ Надриковой, какъ въ женщинѣ, она сказалась сильнѣе.

Ей было не то, чтобы страшно, но какъ-то неловко... Недавнія событія, случившіяся съ нею, были отнюдь не изъ тѣхъ, которыя бы особенно гармонировали съ близостью кіевской святыни и чувство робости, смѣшанное съ порядочнымъ количествомъ суевѣрія и вѣры, заговорило въ ней довольно громко.

Строгая, потемнѣвшая отъ времени, ладона и свѣчей, внутренность собора, съ ея безчисленными образами и лампадами; громадный и высокій иконостасъ, надъ царскими вратами котораго бывшій въ церкви монахъ указалъ жемчужину православнаго міра и драгоцѣннѣйшую собственность Лавры, маленькій чудотворный образъ Успенія Богоматери; рака митрополита Михаила,—первая, которой наши путники поклонились,—все это только развило въ Надриковой то чувство неловкости, которое заговорило при самомъ входѣ въ ворота Лавры.

Чувство это окончательно установилось и царило совершенно, когда они очутились передъ входомъ въ пещеры: Анна Ѳедоровна была бы, даже, не прочь вернуться,—но любопытство и нежеланіе показаться трусливою одолѣли.

Тяжелая, обитая желѣзомъ, дверь повернулась и Надриковы вошли въ галлерею.

Дверь пугала больше, чѣмъ галлерея. Яркій свѣтъ полуденнаго солнца щедро осыпалъ своими лучами широкій, покатый полъ галлереи, по которому они шли въ пещеры, и свѣжая зелень деревьевъ и травъ, глядѣвшихъ съ одной стороны ея, между столбами, вносила съ собою жизнь и пріобщала къ міру.

Идти подъ гору было очень легко и, послѣ долгаго странствія, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, встрѣтивъ нѣсколько человѣкъ, возвращавшихся изъ пещеръ, Надриковы очутились въ довольно темномъ, не то подвалѣ, не то подземельи, освѣщенномъ однимъ высоко прорѣзаннымъ окномъ, и передъ другою желѣзною дверью, меньшаго объема, чѣмъ первая.

У стола, на которомъ лежала куча восковыхъ свѣчей, стоялъ монахъ и считалъ мѣдныя деньги.

— Ну, подумала Надрикова: тутъ деньги считаютъ. Это все-таки напоминаетъ жизнь.

— Есть тамъ кто? спросилъ проводникъ Надриковыхъ, монахъ, у своего товарища, считавшаго деньги.

— Есть.

Получивъ каждый по зажженной свѣчкѣ въ руку, Надриковы вступили въ самыя пещеры. Анна Өедоровна шла за монахомъ; за нею слѣдовалъ Вассъ.

Въ этомъ подземномъ царствѣ была полная и глубочайшая тишина и шаги вступившихъ въ пещеры будили эту тишину иногда очень рѣзко, такъ какъ нѣкоторыя мѣста ходовъ выложены чугунными плитами.

Сухой воздухъ, наполняющій пещеры, былъ до такой степени неподвиженъ, что свѣчи, находившіяся въ рукахъ нашихъ путниковъ, едва колыхались даже при движеніи и бросали полный свѣтъ свой на жолтоватые, мягкіе песчаники, въ которыхъ проложены самыя пещеры.

Мощи перваго изъ пустынножителей не долго заставили ожидать себя и явились съ одной изъ сторонъ хода, въ довольно широкой нишѣ. Простой, деревянный

гробъ былъ открытъ и угодникъ, зашитый съ ногъ до головы въ темную и весьма толстую матерію, предсталъ глазамъ посѣтителей; главныя очертанія тѣла. сухаго и весьма невеликаго, рисовались съ достаточною ясностью. Надъ нимъ, у образа, теплилась лампада и красовалось имя угодника, выписанное на деревянной дощечкѣ.

— Прохоръ чудотворецъ! проговорилъ монахъ.

Надриковы приложились и пошли дальше. Слѣдовали Іоаннъ Постникъ, Іуліанія княжна и многіе, многіе другіе, произнесеніе именъ которыхъ монахомъ было совершенно излишнимъ, такъ какъ въ дальнѣйшія объясненія онъ не пускался, а имя можно было и безъ того прочесть на бѣлой дощечкѣ.

Прикладываться ко всѣмъ угодникамъ тоже не представлялось никакой возможности, и однообразіе внѣшности мощей было самое полное. Молчаливое и святое населеніе пещеръ, объятое глубокимъ сномъ, почивало безмятежно и только нѣкоторые изъ угодниковъ, по тому или другому, врѣзывались въ память Надриковыхъ сильнѣе другихъ: Преподобный Несторъ Лѣтописецъ. Іоаннъ многострадальный, зарытый въ землю и видимый одною только головою своею, мироточивыя главы....

Разъ только, по входѣ въ широкую общинную пещеру, проводникъ сообщилъ путешественникамъ о случившемся здѣсь чудѣ, о томъ, какъ однажды преподобный Діонисій, въ первый день пасхи, вовремя утрени, сошолъ въ эту пещеру покадить усопшую братію и какъ на слова его „Христосъ воскресе!“, почившіе въ пещерѣ угодники отвѣтствовали громогласно: „Во истину

воскресе“! Этимъ сообщеніемъ и ограничилось все объясненіе монаха....

Переходя отъ мощей къ мощамъ, Надриковы давно уже замѣчали, по мелькавшему передъ ними отъ поры до времени свѣту, что они не одни въ пещерахъ, и что передъ ними идутъ другіе, предупредившіе ихъ, посѣтители. Нагнать ихъ въ пещерахъ не пришлось, но за то, когда они вышли на свѣжій воздухъ и дневной свѣтъ принялъ ихъ, свыкшихся съ темнотою, и заставилъ прищурить глаза, они увидѣли мужчину и женщину, должно быть, мужа и жену, тушившихъ свѣчи и расплачивавшихся съ провожавшимъ ихъ монахомъ.

Надрикова и незнакомка оглядѣли одна другую съ ногъ до головы и немедленно бросились обниматься и цѣловаться.

— Chère Marie! — говорила Надрикова.

— Annette! — отвѣчала ей незнакомка.

Оба мужа и оба монаха, безмолвные зрители неожиданной встрѣчи, ждали ея окончанія, которое и незамедлило совершиться.

Вассъ, оглядывая незнакомку, находилъ, что онъ такого урода, какъ она, ни за что бы на свѣтѣ не поцѣловалъ; съ своей стороны и Надрикова, искоса поглядывая на мужа своей подруги, находила его крайне некрасивымъ, чтобы не сказать безобразнымъ. Парочка была подходящая.

— Петя, посмотррри, говорила незнакомка, сильно картавя и обращаясь къ мужу: — это одна изъ хоррроших подррругъ моихъ... Помнишь, я тебѣ ррразсказывала... Ну какъ-же я ррада, какъ-же я счастлива...

Послѣ взаимныхъ любезностей и представленія мужей, оказалось, что вновь обрѣтенные знакомые: Петръ Ильичъ Шемаевъ и его жена Марья Яковлевна.

Анна Ѳедоровна съ Марьей Яковлевной и слѣдовавшіе за ними Вассъ Оровичъ и Петръ Ильичъ, двинулись обратно вдоль по галлереѣ, покинули Лавру и шли довольно долгое время пѣшкомъ, не желая воспользоваться своими колясками, слѣдовавшими за ними.

Женщины болтали, точно будто желали вознаградить себя за то глубокое молчаніе пещеръ, которое еще недавно обнимало ихъ собою. Мужчины тоже говорили одинъ съ другимъ, и главнымъ предметомъ ихъ разговора были только что вынесенныя впечатлѣнія. Вассъ замѣтилъ, что Шемаевъ ковылялъ и то и дѣло постукивалъ въ него ближайшимъ къ нему плечомъ.

— Однако, не идти-же намъ все вррремя пѣшкомъ, проговорила Марья Яковлевна, остановившись и поджидая обоихъ мужей. Вотъ судьба! въ одной даже гостинницѣ! Мы, милочка, посадимъ мужей въ вашу коляску, а сами сядемъ въ нашу, и — домой.

— Хорошо, отвѣтила Надрикова.

— Милая, милая Annette! но какъ-же я ррада, какъ я ррада!

Пріятельницы опять поцѣловались.

Вассъ опять удивился. Тѣмъ временемъ, подошли мужья, подъѣхали коляски. Желаніе женъ было исполнено и общество, попарно, направилось къ гостинницѣ.

Время подошло къ обѣду, аппетиты нашихъ туристовъ были въ полномъ дѣйствіи и привели къ тому, что послѣ ѣды мужьямъ потребовался роздыхъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

Вечеромъ были всѣ вмѣстѣ у кіевскаго Излера въ саду и слушали гривуазныя пѣсенки Оффенбаха и Надо; особенно сочувствовала имъ Шемаева. На завтра осмотрѣны другія примѣчательности Кіева и утромъ слѣдующаго дня поѣхали вмѣстѣ въ Одессу.

Петръ Ильичъ Шемаевъ, женившійся года три тому назадъ, былъ однимъ изъ помѣщиковъ южнаго берега Крыма, а въ Кіевъ попалъ онъ по обѣщанію жены своей, недавно выдержавшей весьма крупную болѣзнь. Исполнивъ обѣтъ, оба супруга возвращались домой и случайная встрѣча въ кіевскихъ пещерахъ дала Надриковымъ весьма пріятное и удобное знакомство.

Какъ сказано: Шемаевъ—ковылялъ, а Шемаева картавила. Оба были почти уроды, оба были чрезвычайно плодовиты, и трехъ-годовое сожительство обусловило появленіе трехъ здоровыхъ ребятъ, будущихъ мировыхъ судей или членовъ управы, счастливаго полуострова Крыма.

Петръ Ильичъ былъ не высокъ ростомъ и одна нога его считалась короче другой. Это было несправедливо: злополучная нога была совершенно также длинна, какъ и ея сосѣдка, но странное развитіе обѣихъ колѣнныхъ костей, Condylus tibiae и Condylus femoris въ ихъ соединеніи, обусловило вѣчную согнутость этого колѣна.

Происходила-ли эта неправильность отъ того, что природа недоразвила это сочлененіе, или переразвила его, что совершенно равносильно, мы не беремся рѣшить, но вѣрно только то, что какой нибудь нѣмецъ-медикъ, посвятившій свою долгую, трудовую жизнь исключительно изученію колѣна, дорого бы далъ за сохраненіе у себя колѣна Петра Ильича въ препаратѣ.

И сколько, подумаешь, ходитъ по нашимъ степямъ и лѣсамъ, недоступнымъ наукѣ и Европѣ, между чувашей и мордвы, гиляковъ и гольдовъ, — замѣчательныхъ анатомическихъ препаратовъ и куріозовъ?!

Вѣрно и то, что Петръ Ильичъ со своимъ колѣномъ помирился и оно ему непомѣшало быть человѣкомъ совершенно достаточнымъ, здоровымъ и веселымъ. Маленькіе, сѣрые глазки его бѣгали по хозяйству съ любовью и толкомъ, и даже толстый носъ его былъ какъ бы особенно приспособленъ къ тому, чтобы нюхать удобрѣнія, опредѣлять погоду и направленіе вѣтровъ: Петръ Ильичъ самъ говаривалъ, что носъ у него къ дождю чешется, а къ засухѣ ноетъ.

— Такой ужъ онъ у меня; смѣшно, да я и самъ смѣюсь.

Этимъ Петръ Ильичъ обезоруживалъ насмѣшку и даже съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ бралъ себя за носъ и улыбался.

Никакого курса ученія не начиналъ Петръ Ильичъ и не кончалъ, а занимался съ дѣтства дома, въ деревнѣ, и то больше практикою. Отецъ его былъ однимъ изъ весьма хорошихъ винодѣловъ и овцеводовъ, и въ виноградникахъ ихъ, спускавшихся по одной изъ горъ южнаго берега, было много разныхъ сортовъ винограда и производились надъ нимъ разные опыты.

И отецъ его отца не служилъ, и прадѣдъ тоже, и такимъ образомъ семья Шемаевыхъ представляла, крайне рѣдкій у насъ примѣръ, людей, сохранившихся отъ службы. Это придавало Петру Ильичу какія-то черты и манеры не то американца, не то швейцарца, — граж-

данина, человѣка par excellence, свободнаго и рѣзкаго, но прямаго и ненадломаннаго. Онъ былъ упрямъ и горячъ и въ оправданіе этихъ недостатовъ, которые сознавалъ очень хорошо, объяснялъ людямъ, что онъ татарскаго происхожденія.

Дѣйствительно, предки его были современниками Казы-Гирея и ополчались на Русь. Несмотря на память о великомъ прошломъ, о блескѣ ханскаго двора въ Бахчисараѣ, свидѣтельствуемомъ развалинами, — Шемаевъ никакихъ сепаратистскихъ стремленій не питалъ и Крымъ, за одну изъ имѣющихъ быть отрѣзанными окраинъ Россіи — не признавалъ.

Что касается до Марьи Яковлевны, его жены и подруги Надриковой, то съ однимъ изъ недостатковъ ея мы уже познакомились: она картавила и шепеляла, и говорила, будто, сквозь кашу, и всѣ языки, на которыхъ она говорила, дѣлались въ ея устахъ братски похожи одинъ на другой. Особенно красивъ былъ италіянскій говоръ Марьи Яковлевны! она изучила этотъ языкъ для пѣнія, потому что обладала пріятнымъ голосомъ. Съ лицомъ бѣлымъ и нѣжнымъ, но покрытымъ обильными веснушками, особенно лѣтомъ, съ сильными страстными губами и хитрыми карими глазами, Марья Яковлевна, дочь честныхъ и не бѣдныхъ родителей, родилась и воспиталась въ Петербургѣ.

Пансіонская подруга Надриковой, она отличалась, кромѣ веснушекъ и особенностей языка, желѣзнымъ здоровьемъ, искренностью своего смѣха, готоваго проявиться при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, крайнимъ любопытствомъ и самымъ чудовищнымъ, лю-

доѣдскимъ аппетитомъ. Можетъ быть, именно этотъ аппетитъ, одновременно съ пѣніемъ и здоровьемъ, составилъ счастье жизни Шемаева!

Петръ Ильичъ познакомился со всѣмъ этимъ въ Ялтѣ, когда родные Марьи Яковлевны заѣхали на осенній сезонъ въ Крымъ, покупаться и поѣсть винограду. Шемаеву пришлась по сердцу эта веселая, здоровая, не испорченная петербургская дѣвушка, уничтожавшая перепелокъ — десятками, а виноградъ — корзинами. Шемаевъ услышалъ и ея пѣніе, дѣйствительно хорошее, обработанное, и, двѣ недѣли спустя послѣ знакомства, почувствовалъ себя влюбленнымъ.

Семья Марьи Яковлевны занимала одинъ изъ послѣднихъ домиковъ въ долинѣ Ялты, у дороги въ Айданиль.

Окруженный со всѣхъ сторонъ виноградниками и обсаженный высокими кипарисами и кустами розановъ, домикъ этотъ сталъ притягивать къ себѣ Петра Ильича сильнѣе и сильнѣе.

Разъ вечеромъ, простившись съ хозяевами, Петръ Ильичъ заковылялъ было къ себѣ домой и повелъ своего рыжаго иноходца въ поводу, не желая ѣхать верхомъ, но, обвороженный прелестью лунной ночи, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, — остановился и посмотрѣлъ на домикъ.

— Подожду, подумалъ онъ: — закурю папироску. Чего мнѣ домой, тутъ все-таки ближе.

Въ сторонѣ свѣтилось окно комнаты Марьи Яковлевны и Петръ Ильичъ видѣлъ, какъ завѣсила она его шторою, слышалъ, какъ, должно быть раздѣваясь, распѣвала дѣвушка какую-то пѣсню и, недовольная выпол-

неніемъ, то и дѣло повторяла одинъ и тотъ-же трудный переходъ. Посмотрѣлъ Петръ Ильичъ и на своего иноходца: тотъ стоялъ, направивъ уши и голову къ окну; изъ долины тянуло теплымъ и душистымъ вѣтромъ; хорошо было и въ небѣ, хорошо было и на землѣ, хорошо было и въ сердцѣ Петра Ильича!

Въ это самое время по предательской шторѣ, скрывшей отъ глазъ его комнату Марьи Яковлевны, пробѣжала чорная, длинная тѣнь, пробѣжала и вернулась, и остановилась! то была тѣнь руки распѣвавшей хозяйки. Ясно было Петру Ильичу, что рука эта занималась уборкою прически съ головы и ясно было, что рука эта была обнажена.

Петра Ильича бросило въ жаръ.

Онъ боялся, чтобы кто-нибудь, выйдя изъ дверей, не помѣшалъ ему; боялся, чтобы Марья Яковлевна не догадалась и не перешла за свѣчку; боялся, чтобы лошадь его ногой не топнула...

Видѣнье держалось довольно упорно, становилось яснѣе, понятнѣе; обрисовалось плечо... рука то и дѣло поднималась и опускалась: не трудно было сообразить, что это вотъ снимали шпильки, это откручивали тесемку... Чорный силуэтъ проступалъ съ полною ясностью, а очертанія Марьи Яковлевны были не изъ тѣхъ, чтобы не бросать отъ себя крупныхъ тѣней. А пѣсня звучала по прежнему.

Петръ Ильичъ былъ слухъ и зрѣніе.

Богъ вѣсть, долго-ли бы продолжалась вся эта сцена и слышалась пѣсня дѣвушки, еслибы не то, чего боялся Петръ Ильичъ, еслибы не крайне дерзкое и неприлич-

ное вмѣшательство иноходца: повернувъ морду къ долинѣ, на вѣтеръ, и заслышавъ далекое ржаніе, еле-еле доносившееся, иноходецъ заржалъ въ отвѣтъ, такъ весело и откровенно, что сосѣдній кипарисъ качнулся, окно задребезжало, а съ розоваго куста посыпались съ разу лепестки всѣхъ отцвѣтшихъ розъ...

Погасъ въ окнѣ свѣтъ, пропало очертаніе, замолкла пѣсня...

Позже, будучи уже женою Шемаева, Марья Яковлевна сообщила ему, что ржанье иноходца было такъ неожиданно и громко, что совершенно оглушило ее и она погасила свѣчу не сейчасъ, а — спохватившись.

Дернувъ съ досадою поводъ, Петръ Ильичъ закинулъ его, влѣзъ въ сѣдло и выѣхалъ на дорогу. Ему ничего больше не оставалось. Онъ погналъ иноходца въ карьеръ и звонъ копытъ по каменистой и молчаливой дорогѣ, извивавшейся вдоль кручь и овраговъ, разнесся далеко кругомъ по мѣсячной ночи и будилъ сторожевыхъ собакъ.

На слѣдующій день Петръ Ильичъ сдѣлалъ предложеніе, которое и приняли. Онъ считалъ себя, послѣ случившагося, какъ бы обязаннымъ сдѣлать это. Шемаевыхъ повѣнчали въ хорошенькой ялтинской церкви, а мѣсяца за три до встрѣчи съ Надриковыми, Марья Яковлевна родила мужу третьяго наслѣдника.

Выдержавъ трудную болѣзнь, развившуюся въ ней исключительно потому, что она поѣла лишняго, на второй-же день послѣ родовъ, Марья Яковлевна ѣздила въ Кіевъ на поклоненіе и исполнила этимъ свое обѣщаніе.

Сцена передъ завѣшеннымъ окномъ осталась единственною любовною сценою во всей жизни Петра Ильича и онъ очень любилъ разсказывать о ней.

— И посудите сами, говаривалъ онъ: — не будь этого проклятаго ржанья, чего бы я дождался и что бы я могъ видѣть?!

Въ отвѣтъ на эти слова Марья Яковлевна обыкновенно улыбалась и обзывала мужа, иногда вполголоса, иногда громко, многозначительнымъ словомъ: дурракъ!

Глава XVIII.

Еще въ Одессѣ, въ которой остановились на роздыхъ, рѣшено было, что наши туристы поселятся въ Крыму, въ Ялтѣ, въ гостинницѣ Галахова. Шемаевы настаивали на томъ, чтобы они поселились у нихъ, но этого ни за что не хотѣла Анна Ѳедоровна.

Чорное море было очень привѣтливо во время переѣзда въ Крымъ и совершенно не качало. На пароходѣ люди сближаются очень быстро. Надриковы познакомились съ какимъ-то профессоромъ новороссійскаго университета, ѣхавшимъ въ Керчь, посмотрѣть на вновь вырытые въ одной изъ могилъ — урну, гробъ и разныя другія чашки и фіалы, безъ содержимаго; познакомились они и съ черноморскимъ морякомъ, потерявшимъ ногу на Малаховомъ курганѣ, и не могшимъ простить отступленія отъ Севастополя на сѣверную сторону.

Хоръ италіанскихъ пѣвцовъ, собравшійся куда-то въ восточную Россію, съ дѣтьми, даже грудными, тоже ѣхалъ на пароходѣ, заплативъ за проѣздъ гуртомъ, и пѣлъ имъ пѣсни; черномазый грекъ торговалъ перевозимыми имъ бездѣлушками. Всѣ эти личности и многія другія, включительно до знаменитыхъ черноморскихъ дельфиновъ, нырявшихъ подлѣ парохода, и вкуснѣйшихъ скумбрій и кефаловъ, шипѣвшихъ въ маслѣ, во время обѣда, — были явленіями мѣстными, новыми и — нравились.

Кое-что разсказали другъ другу, Шемаевъ — Надрикову и Надриковъ — Шемаеву; жены тоже болтали, вспоминая пансіонское время.

Въ Севастополѣ осмотрѣны были всѣ замѣчательности. Затѣмъ, въ нанятой колляскѣ, туристы направились на Байдарскія ворота и прибыли въ Ялту цѣлы и невредимы, восхитившись вдоволь красотами дороги, богатствомъ растительности, глубокою синевою лежащаго глубоко внизу моря и, наконецъ, орлами, рѣявшими въ небѣ, подлѣ острыхъ верхушекъ отвѣсныхъ скалъ.

Два дня послѣ пріѣзда въ Ялту, — Надриковы были уже у Шемаевыхъ, въ ихъ домѣ.

Вся семья Шемаевыхъ, въ день пріѣзда дорогихъ гостей, кромѣ самого хозяина, была въ купальнѣ, стоявшей близехонько къ самому дому, притаившемуся на берегу моря, подъ сѣнью громадныхъ орѣховыхъ деревъ.

Принявъ гостей, Петръ Ильичъ повелъ ихъ прямо къ купальнѣ.

— Марья Яковлевна, крикнулъ онъ съ берега: — гости! Выходи!

— А! Annette! Вассъ Оровичъ! ррада, очень ррада, — отвѣчалъ голосъ изъ за деревянныхъ, тонкихъ стѣнъ купальни.

День былъ великолѣпный. Синія волны съ шумомъ лѣзли на берегъ и разбивались въ брызги о чорные каменья, лежавшіе вдоль него. Нигдѣ нѣтъ такихъ чорныхъ каменьевъ, какъ по берегамъ Чорнаго моря и мало гдѣ такъ шуменъ и неспокоенъ прибой.

Вслѣдъ за окликомъ хозяина и отвѣтомъ хозяйки, изъ за полотна, натянутаго съ одной стороны купальни, выглянули человѣкъ пять нагихъ ребятишекъ и дѣвочекъ, и видно было, что чьи-то взрослыя ноги шли по направленію къ лѣстницѣ.

— Да, чьи-же это все дѣти, спросилъ Вассъ Оровичъ Шемаева.

— Это частью садовника, частью винодѣла, но и моихъ полощутъ, двухъ старшихъ.

— А вы откуда узнали, Marie, что это мы? закричала Анна Ѳедоровна хозяйкѣ.

— Я васъ въ щелку вижу, отвѣтила хозяйка изъ купальни. — Я сейчасъ выйду.

— Жаль, что намъ нельзя посмотрѣть въ щелку, проговорилъ Петръ Ильичъ:—васъ тамъ, что утокъ въ пруду.

Крики, плачъ и смѣхъ, раздававшіеся изъ за стѣнки купальни, свидѣтельствовали о томъ, что, дѣйствительно, населеніе ея было очень большое.

Шуму людскаго и шуму моря было столько, что весь берегъ, казалось, кипѣлъ жизнью. Солнце жгло довольно сильно. Вдали, еле-еле подвигаясь, шолъ пароходъ; на горизонтѣ виднѣлись еще два-три судна.

Пока хозяйка одѣвалась сама и одѣвала своихъ голышей, Петръ Ильичъ повелъ гостей по хозяйству, показалъ виноградники, пресы, погреба.

Особенной чистоты и порядка въ обстановкѣ хозяйства замѣтно не было, за то оно глядѣло полною чашею. Утвари, птицъ, козлятъ и людей было много. Птицъ и козлятъ Петръ Ильичъ съ особенною энергіею разгонялъ своимъ длиннымъ, плетенымъ хлыстомъ и они разлетались и разскакивались въ стороны на кадки, кучи дровъ, по угламъ, на жерди, лопаты и тачки. Самъ хозяинъ, пользуясь обводомъ гостей, одѣтый въ рыжій пиджакъ, въ сороковой уже разъ сунулъ свой носъ въ разные закоулки, ковылялъ по задворкамъ, по сараямъ, по саду.

Сада, собственно говоря, при домѣ не было; весь южный берегъ — садъ; но та часть ближайшихъ къ дому владѣній Петра Ильича, которая прилегала къ крыльцу, была густо обсажена цвѣтами и дорогими деревьями.

Въ бесѣдкѣ, окруженной стѣною лавровъ, на маленькомъ пьедестальчикѣ, стоялъ весьма не дурной работы мраморный бюстъ Россини, и, по сосѣдству съ бесѣдкою, въ полукругломъ вырѣзѣ горы, сбѣгалъ веселенькимъ водопадомъ горный ручей и плескалъ холодною, свѣтлою водою на разноцвѣтныя, крупныя раковины, положенныя по краямъ его. Широкій плющь расползался далеко въ стороны и въ темной зелени его горѣли съ неподражаемою свѣжестью яркіе цвѣты низенькихъ олеандровъ и поднимали бѣлыя лилія свои высокія, стройныя серебряныя головы. Сильный запахъ ихъ и другихъ цвѣтовъ обнималъ собою.

Только тутъ впервые почувствовали себя Надриковы въ полномъ обаяніи южной природы, которая непосредственно приняла ихъ въ себя, прямо отъ впечатлѣній, оставленныхъ въ нихъ Петербургомъ. Переходъ былъ рѣзокъ и давалъ себя чувствовать. Вассъ Оровичъ только восхищался; но Анна Өедоровна не останавливалась на восхищеніи, а шла дальше и мечтала.

— А вотъ и я, проговорила хозяйка, явившаяся къ гостямъ въ ситцевомъ платьѣ, съ ярко лоснившимися, еще сырыми, волосами.

Жены поцѣловались, поздоровались, вошли въ домъ. Мужья остались въ саду.

Внутренность дома вполнѣ соотвѣтствовала общей обстановкѣ хозяйства. На столѣ, въ гостинной, рядомъ съ коробкою для визитныхъ карточекъ, лежала какая-то новая, полузавернутая въ бумагу, кирка, вѣроятно, взятая на обращикъ; въ углу красовалась швейная машина, и роскошное изданіе библіи, съ иллюстраціями Дорé, раскрытое на сценѣ изъ Всемірнаго потопа, съ ужасомъ ожидало, что вотъ-вотъ опрокинетъ кто-нибудь стоявшую на рисункѣ чашку съ недопитымъ кофеемъ и окраситъ его на-вѣки вѣковъ!

Настоящій беккеровскій рояль, заваленный нотами, былъ открытъ и Надрикова, по удаленіи хозяйки, для распоряженій объ обѣдѣ, сѣла къ нему и взяла нѣсколько аккордовъ. Въ окно виднѣлось море и темный кипарисъ поднималъ свои неподвижныя вѣтви на синемъ, изчезавшемъ вдали, фонѣ его. Рояль былъ очень хорошо настроенъ и наигранъ въ мѣру.

Да простятъ намъ цѣломудренныя старушки и другія

обвинительныя власти, если мы позволимъ себѣ приподнять завѣсу мечтаній Надриковой и дадимъ этимъ старушкамъ возможность пустить въ нее камешекъ.

Ужъ само собою разумѣется, что мечтала она не о мужѣ.

Не подходилъ къ ея мечтѣ и Викентій, съ его пошлостью и такъ глупо разрѣшившимся романомъ. Не подходилъ къ мечтамъ ея и Лаврецовъ... но, нѣтъ! именно онъ-то, Лаврецовъ, и лѣзъ въ ея мечту, лѣзъ изъ олеандровъ и лилій, изъ моря и свѣта, изъ напѣва наигрываемой ею пѣсни и темныхъ вѣтвей кипариса.

— Вѣдь и уѣхала-то я, думала Надрикова: — для него, чтобы не видѣть... и въ кіевскія пещеры ходила... но этотъ поцѣлуй. Это ужасно, это возмутительно! и что-же онъ думаетъ о женщинахъ, о себѣ? Но... въ концѣ концовъ: развѣ онъ былъ не правъ? развѣ я не думаю о немъ? развѣ онъ не заставилъ меня уѣхать? Да, вѣдь, этакъ онъ и все можетъ заставить... да... все...

Глаза Надриковой продолжали глядѣть па синее море, на облака, скользившіе по небу. Мечта ея уносилась далеко, не въ прошедшее, но въ будущее.

Въ это время, какъ тѣнь къ свѣту, за окошкомъ неожиданно появилось лицо Васса, и Анна Ѳедоровна почуяла дѣйствительность.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ Вассъ, какъ зовутъ этого Лаврецова, котораго намъ представили у Кокольцевыхъ?

Надрикова даже сфальшивила на послѣднемъ взятомъ аккордѣ, такъ неожиданно и такъ не кстати заданъ былъ мужемъ вопросъ.

— Геннадій Ивановичъ, отвѣтила она.

— Геннадій Ивановичъ, — произнесъ весьма громко Вассъ, отойдя отъ окна и какъ бы продолжая съ хозяиномъ временно прерванный разговоръ.

Десять минутъ спустя гости и хозяева сидѣли за обѣдомъ и Вассъ восхищался семьею, гикомъ и крикомъ двухъ дѣтей, незамедлившихъ обсуслить самымъ немилосерднымъ образомъ повязанные на нихъ передники, и тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ наблюдала за ихъ кормленіемъ хозяйка. Старшій изъ мальчиковъ опрокинулъ стаканъ съ водою, а младшій то и дѣло капризничалъ и показывалъ брату языкъ.

— А вѣдь у васъ превесело, сказалъ Вассъ Петру Ильичу.

— Будетъ и у васъ тоже со временемъ, отвѣтила хозяйка, и взглянула на свою гостью.

— Да, все это недурно, проговорилъ Петръ Ильичъ:— только не тогда, когда приходится сразу всю семью касторовымъ масломъ подчивать.

— Фи! какая проза, перебила мужа жена:—можно-ли такъ говорить? Это онъ у меня всегда съ такими неожиданностями, продолжала она, обратившись къ Надриковой, и какъ бы извиняясь за мужа.

— Они всѣ такіе, отвѣтила Анна Ѳедоровна.

Марья Яковлевна ѣла за троихъ, тараторила, угощала.

Обѣдъ кончился. Встали отъ стола и вышли снова въ садъ.

Вечеромъ, когда стемнѣло и дѣти пошли спать, а мужья сѣли на балконѣ за партію пикета, между обѣими пансіонскими подругами происходилъ разговоръ, не лишенный оригинальности.

Разговоръ шолъ о бракѣ.

Марья Яковлевна, картавя и шепеляя, восхваляла добродѣтели семейной жизни, необходимость безусловной вѣрности мужу и мужа, и не преминула сообщить своей гостьѣ, что ей пришлось однажды выдержать сильную борьбу съ собою, изъ которой она вышла, однако, побѣдительницей.

Надрикова взглянула на нее и — повѣрила ей.

Марья Яковлевна знала всѣ рѣшительно скандальныя хроники южнаго берега Крыма и, пользуясь весьма хорошею памятью именъ знакомыхъ своей прежней петербургской жизни, сообщала даже о дальнѣйшемъ шествіи этихъ интригъ съ юга на сѣверъ. Одну изъ нихъ прослѣдила она до Ниццы, другую даже до Америки, до береговъ Ориноко, и все это съ подробностями самыми сокровенными и какъ будто видѣла сама.

— Да, вотъ посмотри, милочка, сказала она Надриковой: — видишь этотъ огонекъ?

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ, за этими деревьями, къ Айданилю?

— Не вижу.

— Ну вотъ, не видишь! Вотъ тамъ, куда я показываю. Да нѣтъ-же, вправо, выше.

— Ага! Вотъ тамъ? Ну, что-же?

— Въ этомъ домѣ живетъ одна наша знакомая, вдова Надежда Павловна Корзикова. Ты ее увидишь какъ-нибудь у насъ. Это тоже жертва..

— А что?

— Она похоронила мужа съ годъ назадъ и живетъ здѣсь почти никого не посѣщая. Она была въ связи

съ однимъ господиномъ, котораго встрѣтила на Кавказѣ, ея мужъ служилъ тамъ, и кончила очень дурно. Да ты, вѣроятно, встрѣчала въ Петербургѣ этого господина, — Лаврецовъ, зовутъ его Геннадій Ивановичъ!

Надрикова вздрогнула. Если бы Марья Яковлевна была повнимательнѣе, она бы замѣтила это. Къ счастью, въ саду было темно и мерцаніе звѣздъ, слабое и трепетное, не выдало хозяйкѣ того, что произошло въ ея гостьѣ.

— Во второй разъ это имя, подумала Анна Ѳедоровна: — ужъ не предвѣщаетъ-ли это... Да, нѣтъ-же, это глупо. Вѣдь я уѣхала, я за тысячу верстъ отъ Лаврецова!

— Ты не встрѣчала его? спросила Марья Яковлевна.

— Я его знаю, видѣла, отвѣтила Надрикова.

— Что это за чел вѣкъ?

— Его только недавно представили мнѣ.

— А у васъ онъ не бываетъ?

— Нѣтъ.

— Пожалуйста, милая, проговорила хозяйка: — напиши мнѣ, когда вернешься, все, что узнаешь о немъ. Мнѣ это очень хочется знать.

— Да что-же я узнаю?

— Узнать можно все, всегда. Ты видишь, я все знаю, и еслибы ты... еслибы я могла собрать о тебѣ кое-какія свѣдѣнія, почти шепотомъ и наклонившись проговорила Шемаева: — я бы ихъ собрала.

— Обо мнѣ? свѣдѣнія? отвѣтила Надрикова, стараясь остаться равнодушною: — они были бы не любопытны, эти свѣдѣнія.

— О! позвольте съ вами не согласиться, замѣтила

Шемаева:—позвольте не согласиться. Съ такою головкою, какъ ваша, съ такими глазками... О! да я бы въ Петербургъ всѣхъ мужчинъ Россіи переселила, я бы всѣхъ русскихъ женщинъ ревностью извела...

Послѣднія слова были проговорены уже не шопотомъ и въ нихъ сказалась наболѣвшая струнка Марьи Яковлевны.

Темнота южной ночи помѣшала въ свою очередь Надриковой замѣтить то оживленіе, которое проявилось въ лицѣ Шемаевой и то нервное передвиженіе зрачковъ, которое имѣло мѣсто во время произнесенія сказанныхъ словъ. Чутьемъ, всегда присущимъ женщинѣ, Надрикова дагадалась, однако, что въ этихъ словахъ Марьи Яковлевны было гораздо больше правды, чѣмъ въ рѣчахъ цѣлаго дня и что всѣ эти правила о безусловной вѣрности мужу, держались исключительно на тѣхъ грустныхъ внѣшнихъ особенностяхъ Шемаевой, которыя дѣлали ее почти безобразною.

Спохватилась и Шемаева, но было поздно.

— А добродѣтели? спросила Надрикова:—а та борьба, изъ которой ты вышла побѣдительницею, милая Marie. это бы все улетѣло, изчезло?

Надо было отвѣчать, и Марья Яковлевна дѣйствительно отвѣтила. Она сказала, что борьба, о которой она упоминала, была — пустяки, и можетъ быть ей только такъ показалось, что это была борьба; что-же касается до переселенія всѣхъ мужчинъ Россіи въ Петербургъ, которое бы могло совершиться, еслибы она обладала головкою и глазами Надриковой, то это было сказано только къ слову и на самомъ дѣлѣ едва-ли бы случилось.

— Ты говоришь все это не искренно, Marie, возразила ей Надрикова: — я буду откровеннѣе тебя: я невѣрю и не могу вѣрить въ вѣчныя обязательства, потому что вѣчнаго нѣтъ ничего, и за будущее свое я не отвѣчаю, ни передъ собою, ни передъ мужемъ.

— Ну, и я также, подхватила Шемаева, и взявъ обѣ руки своей подруги, крѣпко пожала ихъ, видимо обрадованная тѣмъ оборотомъ рѣчи, который дала ей Надрикова.

Дала-же этотъ оборотъ рѣчи Надрикова съ весьма положительною цѣлью.

Съ той минуты, когда ей указанъ былъ еле видный огонекъ въ домѣ бывшей любовницы Лаврецова, расположеніе Марьи Яковлевны, откровенное, дружеское и болтливое стало ей необходимо.

Расположеніе-же людей пріобрѣтается очень легко цѣною довѣренной тайны, отчасти компрометирующей сообщившаго ее. Съ этою именно цѣлью, и не долго думая, сказала Надрикова Шемаевой свои послѣднія слова.

Цѣль была достигнута и Марья Яковлевна подкуплена.

— А красивая эта женщина — Надежда Павловна? спросила Надрикова, уже съ полнымъ спокойствіемъ и увѣренностью вступая въ пользованіе только-что купленнымъ ею правомъ.

— Очень хороша.

— И Лаврецовъ не дуренъ, возразила Анна Ѳедоровна: — въ толпѣ не затеряется.

— Да, я видѣла его портретъ. Очень красивый.

— Гдѣ-же ты видѣла портретъ?

— Онъ виситъ у Надежды Павловны въ гостиной, на почотномъ мѣстѣ.

— Не можетъ быть!

— Да и она нисколько не скрываетъ своей порванной связи. Она любитъ его и до сихъ поръ. Она только совершенная схимница, никого не принимаетъ, мало къ кому ѣздитъ, отдалась вполнѣ воспитанію ребенка, котораго любитъ безъ ума.

— Мальчикъ?

— Мальчикъ и премиленькій. Дни ея разсчитаны, будто въ школѣ. Этотъ огонекъ, который я тебѣ показала, это въ спальнѣ сына свѣча горитъ. Ровно въ девять часовъ огня этого не будетъ.

Сказавъ это, Марья Яковлевна совершенно невольно взглянула въ сторону, въ которой горѣлъ огонекъ. Его больше не было видно.

— Огонекъ погасъ, сказала она: — теперь больше девяти часовъ и пора идти чай пить.

Хозяйка и ея гостья поднялись съ мѣста и при этомъ удобномъ случаѣ еще разъ поцѣловались. Анна Ѳедоровна просила дать ей возможность познакомиться съ Корзиковою, что ей и было обѣщано, хотя и сказано, что устроить это знакомство будетъ чрезвычайно трудно: Корзикова нелюдимка, чуть не схимница.

Марьѣ Яковлевнѣ и въ голову не приходило догадаться объ истинной причинѣ желанія, выраженнаго Надриковою. Это желаніе не могло возбудить никакого рѣшительно подозрѣнія и въ комъ бы то ни было, кромѣ, разумѣется, самого Лаврецова, еслибы онъ узналъ о немъ, да еще Варвары Осиповны Богинской, вкушавшей

въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, какъ это извѣстно читателю, первыя радости брачной жизни.

Жоны направились къ мужьямъ.

— Четырнадцать тузовъ, да три дамы, да пять и пятнадцать — итого шестьдесятъ семь.... Шестьдесятъ восемь, — говорилъ Шемаевъ, дѣлая ходъ, шестьдесятъ девять, семьдесятъ, семьдесятъ одинъ, остальное ваше.

— И леза моя, отвѣтилъ Вассъ? собирая карты.

— Ваша.

Игра шла самая пустая и Вассъ сильно проигрывалъ.

— Счастливы въ любви, говорилъ Шемаевъ.

— Да, счастливъ, отвѣтилъ Вассъ.

Темная, чорная, южная ночь вступила окончательно во всѣ свои права. На зеленое сукно стола то и дѣло, что шлепались мошки и бабочки, налетавшія на свѣтъ десятками. Болѣе крупныя изъ этихъ ночныхъ скитальцевъ кружились не падая, бились въ стѣну дома и колонки балкона и, уступая мѣсто другимъ, отлетали, мерцая крыльями, въ глубокую ночь. Луны не было и свѣтъ свѣчей, ложась на зелень лавровъ, олеандровъ и кипарисовъ, выдѣлялъ по тѣнямъ ночи, гдѣ вѣтку, гдѣ листъ, гдѣ цвѣтокъ. Прибой моря, скрывшагося отъ глазъ, слышался съ большею ясностью, чѣмъ прежде и его не перебивали ни кудахтанье курицъ, ни блѣянье козлятъ, ни крики дѣтей.

Жоны, подойдя къ мужьямъ, полюбопытствовали узнать, кто изъ нихъ что сдѣлалъ.

— Вашъ супругъ, сказалъ Шемаевъ Надриковой, вставъ и подковылявъ къ ней: — счастливъ въ любви. Вотъ мнѣ невезетъ, постоянно выигрываю.

Послѣ чая гости уѣхали, обѣщавъ видѣться возможно скоро.

— Отчего это ты спросилъ меня о Лаврецовѣ, говорила Надрикова, когда двухмѣстная коляска ихъ, выѣхавъ изъ воротъ, стала подниматься къ почтовой дорогѣ.

— Тутъ какая-то дама къ Шемаевымъ пріѣзжала, забылъ ея фамилію, но узнавъ, что есть гости, вернулась.

— Да что-же тутъ общаго съ Лаврецовымъ.

— Мужъ ея служилъ подъ его начальствомъ, говорилъ мнѣ Петръ Ильичъ, такъ спросилъ, знаю-ли я его, отвѣтилъ Вассъ и зѣвнулъ во всю ширину рта.

— Вотъ что... проговорила Надрикова, закутываясь въ пледъ.

Горный вѣтеръ былъ довольно свѣжъ и лошади побѣжали, выбравшись на почтовую дорогу, весьма быстро.

— Тише, братецъ, тише, говорилъ Вассъ кучеру татарину, со страхомъ посматривая на то, какъ закатывалась коляска на крутыхъ поворотахъ. Ему мерещились овраги и пропасти.

— Напротивъ того, пусть ѣдетъ, какъ онъ ѣдетъ, возразила Надрикова.

Далѣе этого разговоръ не продолжался. Вассъ, осиливаемый дремотою, припоминалъ нѣкоторыя изъ характерныхъ игръ пикета; а Надрикова соображала, какъ бы ей это устроить, чтобы познакомиться съ Надеждою Павловною?

Хотѣлось ей этаго знакомства, во-первыхъ потому, что оно приближало къ ней, и какъ бы узаконяло мысль

о Лаврецовѣ, которой Надрикова уже болѣе не сопротивлялась; а во-вторыхъ потому, что по произведенію можно судить о художникѣ: отшельническая жизнь Надежды Павловны казалась ей, и не безъ основанія, художественнымъ произведеніемъ Лаврецова.

— Не всѣ-же женщины, думала она, покачиваясь изъ стороны на сторону въ быстро ѣхавшей коляскѣ: кончаютъ такъ, какъ кончила я съ Викентіемъ, т. е., что кромѣ обиднаго чувства стыда и сожалѣнія, ничего не остается. Надежда Павловна — примѣръ другаго. И если, если, чего, конечно, не случится, Лаврецовъ и я, мы бы сошлись, такъ вѣдь это было-бы на время, онъ не можетъ не на время, тогда я буду Надеждой Павловной?!...

Больше двухъ тысячъ верстъ отдѣляло Надрикову отъ Петербурга, но безконечно дальнѣйшее разстояніе легло между тѣми мыслями, которыя занимали ее теперь, и тѣми подогрѣтыми и вымученными афоризмами, которые надумала она послѣ исторіи съ дуэлью, лежа на кушеткѣ въ своемъ будуарѣ.

— „Ты будешь вѣрна своему мужу — говорилъ одинъ афоризмъ; ты не поддашься обману вторично — говорилъ другой; если-же, чего не дай Богъ, говорилъ третій, ты полюбишь, то ты отдашься не даромъ: жизнь за жизнь и все за все!“

Такъ говорили афоризмы въ будуарѣ.

Мечты въ Крыму говорили иначе и возможною стала мысль даже о временной любви, потому что онъ, Лаврецовъ, не можетъ, какъ видно, любить вѣчно, а не любить его ..... нельзя.

— И я люблю его! четко и опредѣлительно сказала себѣ Надрикова.

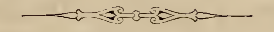
Коляска, тѣмъ временемъ, закатываясь по прежнему, быстро неслась между потонувшихъ во мракѣ виноградниковъ. Очень часто приходилось сторониться отъ вѣтокъ орѣховыхъ деревьевъ, низко спускавшихся на дорогу. По сторонамъ, зачастую, шумѣла вода горныхъ ручьевъ. Звѣзды были ярки, а вѣтерокъ весьма свѣжъ.

По возвращеніи въ гостинницу легли спать.

— И какъ-же это могла я, думала Надрикова: уѣхать, чтобы искать себѣ человѣка? искать, противъ кого-же? противъ него...

Чувство добровольной ссылки и желаніе скорѣйшаго возвращенія въ Петербургъ, сказалось въ ней очень ясно. Южный берегъ надоѣлъ ей.

— Но, передъ отъѣздомъ, такъ думала Надрикова: познакомлюсь съ Надеждою Павловной, непремѣнно познакомлюсь.

Глава XIX.

Бываютъ на свѣтѣ не очень оригинальныя и весьма невыгодныя для ихъ обладателей натуры, жизнямъ которыхъ суждено идти порывами и, въ концѣ концовъ, представить цѣлое собраніе глупостей. Каждая изъ этихъ глупостей, въ свое время, произвела множество другихъ.

Извѣстно всѣмъ и каждому, что на добродѣтеляхъ романа не построишь и глупости этихъ, не очень оригинальныхъ, жизней, какъ свѣжая икра для гастронома, составляютъ, для писателей и для читателей, неисчерпаемый источникъ вкусныхъ нравственныхъ завтраковъ.

Рыба мечетъ икру, человѣкъ мечетъ глупости. Вопросъ о сравнительной плодовитости между ними, вопросъ спорный.

Въ Надриковой, какъ и въ большинствѣ нашихъ соотечественницъ, было два отдѣльныхъ существа, и два разныхъ, временно царившихъ въ ней, направленія.

Иногда, выражаясь философски, слѣдовала она индуктивному методу, анализу, отдавалась размышленіямъ, сомнѣніямъ, взвѣшиваніямъ своихъ поступковъ, грызла и заѣдала себя упреками, составляла планы на будущее. Казалось, что все предусмотрѣно ею, все взвѣшено, все разсчитано и никакой вихрь, никакое землетрясеніе не въ состояніи опрокинуть прочно построеннаго зданія. Но...

Заговаривало второе направленіе, направленіе дедуктивное, синтетическое. Какъ и почему, и откуда являлось оно, это неизвѣстно; но вѣдь глубины сердца человѣческаго неисповѣдимы. Являлось въ ней вдругъ какое-нибудь убѣжденіе, вѣра, желаніе и, принявъ ихъ за фактъ, за неопровержимое, она дѣйствовала согласно ихъ требованіямъ. Рушились и распадались величественныя зданія, поднятыя анализомъ; желѣзныя связи, на которыхъ они покоились, оказывались паутиною; каменные своды — мыльными пузырями; огнеупорные кирпичи таяли точно сахаръ въ водѣ. Къ верху ногами шлепались всѣ ея начинанія и какая-то забавная, чудовищная гололедица проявлялась на всемъ пространствѣ ея умственныхъ и душевныхъ способностей.

Такъ было съ нею и теперь.

Анализомъ дошла она до необходимости уѣхать изъ Петербурга и создала афоризмы о вѣрности мужу. Синтезъ, неудержимый синтезъ, увлекалъ ее обратно въ Петербургъ, на берега покинутой красавицы Невы, къ Лаврецову...

Невообразимо скучно и долго тянулись для нея дни, въ ожиданіи обѣщаннаго знакомства съ Надеждою Павловной. Ихъ прошло цѣлыхъ четыре!

Мысль о ней и о Лаврецовѣ, положительно не покидала ее. Она даже составила себѣ идеальный портретъ ея, незнакомки!

...Ходитъ всегда въ чорномъ, не разлучается съ ребенкомъ, котораго одѣваетъ, какъ куколку; блондинка, высокаго роста, съ чорными глазами, немного блѣдная,— такъ описала ее Марья Яковлевна Шемаева. Анна Ѳедоровна дорисовала ее по этимъ основнымъ крупнымъ чертамъ и была не совсѣмъ несправедлива, предполагая между ею и собою нѣкоторое сходство.

Ей довелось даже увидѣть ее во снѣ и она говорила съ нею.

Что касается до Васса Оровича, то онъ, конечно, и не замѣчалъ перемѣны въ настроеніи жены, и не могъ бы замѣтить его, еслибы хотѣлъ.

Онъ ежедневно купался въ морѣ по два раза въ день, и ежедневно, дважды въ день — сообщалъ женѣ, что купаться въ густой, соленой водѣ неизмѣримо пріятно; что эта вода держитъ сама собою и что плавать въ такой водѣ удивительно легко.

Весьма значительное количество времени посвящено было на осматриваніе окрестностей. Ѣздили въ Алупку, Оріанду, Ливадію, въ Никитскій садъ, въ Магарачъ.

Послѣ болѣе крупныхъ мѣстностей начали ѣздить по менѣе замѣчательнымъ, къ водопаду, въ Юрзуфъ.

Раза два пріѣзжала къ Надриковымъ Шемаева и говорила, что дѣло знакомства на отличной дорогѣ, что

она еще не предлагала Надеждѣ Павловнѣ познакомиться, потому что такъ прямо нельзя, но что она очень хвалила ей пріѣзжихъ петербургскихъ.

Былъ конецъ мая мѣсяца.

Роскошною, густою зеленью одѣлись окрестности Ялты и на базарѣ, у моста, давно уже цѣлыми грудами лежали разные овощи и фрукты, частью неизвѣстные намъ, сѣверянамъ. Вдоль овраговъ, снабженные водою таявшихъ по щелямъ горъ снѣговъ, съ шумомъ сбѣгали ручьи. Какъ въ самую Ялту, такъ и въ окрестности стали собираться пріѣзжіе и съ приходомъ всякаго парохода появлялись новыя лица, тащили чемоданы. Коляски и верховые то и дѣло виднѣлись по дорогамъ и городокъ кипѣлъ жизнью. Много оригинальности придавало ему татарское населеніе, съ его странным говоромъ и красивыми одеждами.

Но, ни природа, ни пріѣзжіе, ни татары, не имѣли силы побороть синтетическаго направленія Надриковой къ Петербургу, и она начинала сердиться на Шемаеву, за ея неумѣнье довести такое пустое дѣло, какъ устройство знакомства, до конца.

Наступилъ пятый день ожиданія; день солнечный, теплый, но не душный.

— Поѣдемъ куда-нибудь, сказала Надрикова мужу, сидя за кофеемъ.—Чего мы еще не осматривали?

— Поѣдемъ.

— Куда?

— Спросимъ татарина.

Позвали татарина, постоянно служившаго имъ провожатымъ и рѣшено было ѣхать на водопадъ.

— Да вѣдь мы уже были на водопадѣ?

— Это не тотъ, а другой, лучшій, отвѣтилъ татаринъ. Туда надо верхомъ ѣхать.

— Поѣдемъ, приведи лошадей.

Черезъ полчаса Надрикова, Вассъ и татаринъ сидѣли на коняхъ и двигались въ глубь долины Ялты.

Лошади въ Крыму — умныя лошади, и даже Васса, никогда не сидѣвшаго въ сѣдлѣ, ни разу не сбросили.

Миновавъ городъ и круто повернувъ въ долину, единственную на всемъ южномъ берегу, наши всадники направились прямо къ горамъ, отступающимъ здѣсь отъ моря версты на три.

Дорога шла сначала низомъ, широкой долиной, заваленной булыжникомъ, между которымъ струилась довольно обильная вода. Направо и налѣво тянулись виноградники, виднѣлись татарскія гладкокрышныя деревушки. По нѣкоторымъ изъ деревушекъ Надриковымъ пришлось проѣзжать и любоваться нарумяненными и набѣленными татарками съ подчерненными бровями; подъ лошадей подвертывались ребятишки, порой приходилось сторониться и давать мѣсто, издали еще скрыпѣвшей, арбѣ.

По мѣрѣ удаленія отъ городка и приближенія къ горамъ, мѣстность становилась болѣе дикою, булыжники росли числомъ и величиною, и надо было все искуство привычныхъ лошадей, чтобы выбирать мѣсто, куда безопасно ставить ноги.

— Да гдѣ-же это водопадъ, спросилъ Вассъ, чувствуя, что сѣдло его не совсѣмъ удобно и что оно неминуемо натретъ ему ноги. Въ печальныхъ послѣд-

ствіяхъ ялтинскихъ сѣделъ Вассъ имѣлъ уже возможность убѣдиться ранѣе этого.

— А вонъ онъ, отвѣтилъ татаринъ и указалъ на дальнюю гору, на которой, дѣйствительно, можно было замѣтить, хотя и не безъ труда, бѣлую нитку высокаго водопада.

Перебравшись черезъ потокъ, Надриковы въѣхали въ лѣсъ.

Сначала лѣсъ этотъ былъ мелокъ и жидокъ и начинался съ приземистыхъ кустарниковъ кизиля, но потомъ поднялся въ вышину и обступилъ со всѣхъ сторонъ. Деревья, особенно сосны, становились громадны и по стволамъ ихъ, по разсыпаннымъ обильно игламъ и сучьямъ, между папоротниковъ, по камнямъ, покрытымъ мохомъ, вились могучіе плющи, какъ бы объединяя въ своихъ объятіяхъ два царства природы, въ обоихъ видахъ ихъ, — въ жизни и смерти. Ровный, неумолкаемый гулъ отъ вѣтра стоялъ надъ лѣсомъ и сильное полуденное освѣщеніе вызывало на тропу, деревья и камни цѣлыя семейства юрливыхъ, блестящихъ ящерицъ.

Тропинка, по которой шли лошади, становилась все уже и круче и мѣстами какъ бы терялась подъ слоемъ иглъ, ссыпавшихся сюда за долгое, долгое время.

— Вотъ это развалины, произнесъ татаринъ: — хотите видѣть?

— Богъ съ ними, не надо, отвѣтила Надрикова.

Ей, подобно Вассу, хотя и не по той-же причинѣ, путешествіе начинало надоѣдать. Лѣсъ былъ однообразенъ, гулъ былъ однообразенъ, свѣтъ былъ однообразенъ и она даже порадовалась, завидѣвъ издали кара-

ванъ путниковъ, шедшихъ имъ навстрѣчу и спускавшихся внизъ.

И тамъ лошадей было три.

На первой, чорной, сидѣлъ татаринъ; за нимъ на бѣлой...

Надрикова имѣла отличные глаза, но здѣсь ей показалось, что глаза ея недостаточно зорки. Она прищурилась...

На второй бѣлой лошади сидѣлъ ребенокъ, на третьей женщина, вся въ чорномъ.

— Это она!! шепнулъ кто-то Надриковой.

Голосъ не ошибся. Надежда Павловна находилась отъ нея въ пятнадцати шагахъ. Обыкновенное разстояніе для дуэлей!

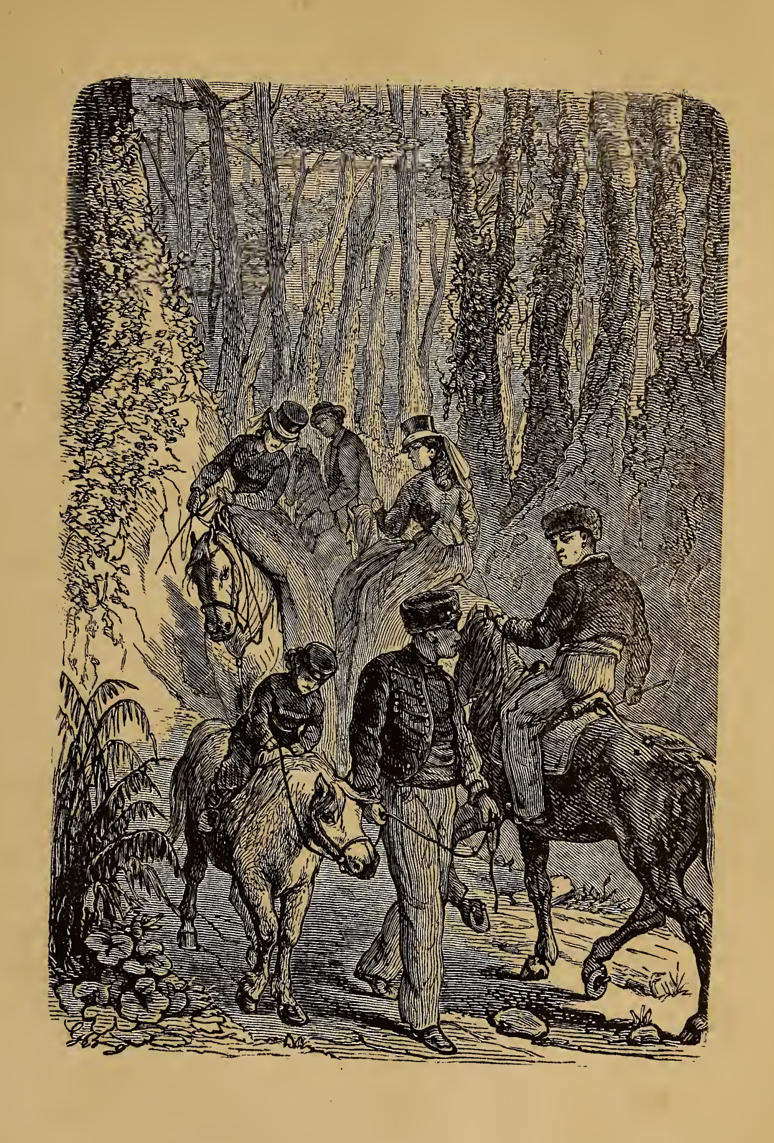
Разстояніе сокращалось съ каждою секундой. Тропинка, шедшая по краю ложбины и ограниченная съ другой стороны грудами камней, была такъ узка, что татаринъ просилъ Надриковыхъ остановиться.

Проводникъ Надежды Павловны, соскочивъ съ лошади, отвелъ ее на груду камней, на которую она вскарабкалась съ умѣньемъ козы, и оставилъ неподвижною; онъ взялъ подъ устцы лошадь мальчика, одѣтаго въ голубую курточку, и началъ бережно спускать ее съ крутизны.

— Осторожнѣе, тише! — долетѣло до слуха Надриковой и мягкій, бархатный голосъ говорившей покрылъ собою неумолчный гулъ лѣса.

Обѣ женщины не спускали глазъ другъ съ друга.

Разстояніе сократилось окончательно и амазонка Надежды Павловны скользнула вдоль ноги Надриковой; стремена ихъ даже ударились одно о другое... Надежда Павловна слегка улыбнулась и поклонилась.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

Надрикова отдала поклонъ, а татаринъ снялъ свою шапку.

Только тогда, когда лошадь Анны Ѳедоровны тронулась сама вслѣдъ за лошадью Васса, оглянулась она и видѣла, какъ стащилъ проводникъ Корзиковой свою лошадь съ булыжника, какъ сѣлъ онъ на нее и догналъ опередившихъ его мать и сына.

— Красавица!! проговорилъ Вассъ, обернувшись къ женѣ.

Надрикова ничего не отвѣтила, но какое-то незнакомое ей и весьма острое непріятное чувство неожиданно кольнуло ее и она обернулась вторично.

Надежда Павловна была уже довольно далеко и стройный станъ ея и широкія плечи обрисовывались въ чорной амазонкѣ съ удивительною ясностью, между красноватыхъ стволовъ сосенъ и на сѣрыхъ грудахъ каменьевъ. Зелени въ этомъ дикомъ уголкѣ лѣса было мало и вся она сосредоточивалась на вершинахъ деревьевъ.

— Кто эта дама, спросила Надрикова татарина: — ты не знаешь?

— Знаю-съ. Она постоянно тутъ живетъ; Корзиковой зовутъ.

Подтвержденіе было достаточное, да Надрикова и безъ него была увѣрена въ самоличности встрѣченной амазонки.

Само собою разумѣется, что конецъ пути, водопадъ, возвращеніе домой, — все это прошло по Надриковой, не оставивъ ни малѣйшаго воспоминанія. За то обликъ Надежды Павловны врѣзался ей въ память съ

силою необыкновенною и, какъ должно полагать, на многіе годы.

День прогулки къ водопаду прошолъ быстрѣе всѣхъ предшествовавшихъ; прошолъ и слѣдующій, и только то неожиданное извѣстіе, которое пріѣхала сообщить ей вечеромъ Шемаева, смутило то счастливое настроеніе духа, которое начинало устанавливаться въ Надриковой.

Извѣстіе это, понятно, касалось той-же Надежды Павловны, и было безапеляціонно рѣшительно.

Это было часу въ седьмомъ вечера.

Вассъ ушолъ купаться и Анна Ѳедоровна ожидала, по возвращеніи его, новаго разсказа о томъ, какъ легко купаться въ соленой водѣ и какъ вода эта сама держитъ человѣка.

Сидя на балконѣ и слушая игравшій на миніатюрномъ бульварѣ Ялты, еще болѣе миніатюрный и скверный, оркестръ музыки, она вспоминала встрѣчу у водопада, и безъ малѣйшаго сочувствія глядѣла на великолѣпный видъ моря и на берега, ярко позлащонные вечернимъ солнцемъ.

Она ожидала Васса, чтобы отправиться, какъ это было условлено, къ Шемаевымъ.

Надрикова, судя по словамъ Марьи Яковлевны, могла ожидать, что встрѣтится наконецъ сегодня и познакомится съ Надеждою Павловною.

Неожиданное посѣщеніе Шемаевой удивило ее.

Уже при самомъ появленіи гостьи, Надрикова замѣтила не совсѣмъ нормальное разширеніе зрачковъ и легкое подергиванье губъ.

Рѣчь, которую Шемаева повела, незамедлила подтвер-

дить ея замѣчаніе. Марья Яковлевна была внѣ себя, и картавила и шепеляла немилосердно.

— Нѣтъ, ты подумай, ты только сообррази! говорила она: — я ей этого никогда не забуду, никогда, я не хочу быть съ нею знакома.

— Что такое?

— У насъ шло все отлично. Тррри рраза была я у нея, говорила: что вотъ моя прріятельница прррiѣхала, что очень хотѣла бы познакомиться съ нею, что... ну, ты понимаешь, что я хорршо говоррила, говоррила, что вы и Лаврецова знаете... Очень ррада, говорритъ, встррѣчусь—познакомлюсь. Трретьяго дня вечерромъ, когда вы на водопадъ ѣздили, заѣзжаю я къ ней условиться. Да не были-ли они сегодня на водопадѣ? спррашиваетъ она. Можетъ быть — говоррю. Ну, такъ я ихъ видѣла, говорритъ...

— И мы ее видѣли. Я тотчасъ-же догадалась, замѣтила Надрикова.

— Ну, вотъ видишь-ли. Я и говорю ей, пріѣзжайте ко мнѣ послѣ завтра вечеромъ, т. е. вотъ сегодня, теперь. Я буду изъ Ялты возвращаться, такъ заѣду за вами и ихъ позову. Хорошо, говоритъ, заѣзжайте...

— Дальше, проговорила Надрикова, которой надоѣла болтовня подруги, и которой хотѣлось знать суть дѣла.

— Я и заѣхала! и что-же? можете себѣ представить? Нѣтъ, ты подумай, что за неприличіе. Уѣхала! сегодня утромъ, съ пароходомъ въ Керчь уѣхала! Это не имѣетъ имени! Это просто невѣжество!

— Странно, но нечего дѣлать! возразила Надрикова, послѣ короткаго молчанія и начиная щипать одну изъ складокъ своего платья.

— Но вѣдь она сумасшедшая и глупая! Пріѣзжаю къ ней, какъ было условлено. Уѣхала — говорятъ. Вотъ тебѣ и разъ.

— На долго?

— Не сказала. Да и Богъ съ ней, и не нужно, и не приму ее, ни за что не приму.

— Да и Богъ съ ней, конечно, отвѣтила Надрикова, вторя Шемаевой. — Можетъ быть, какое-нибудь важное, спѣшное дѣло.

— Ну что у нея тамъ за дѣло можетъ быть? Какого-нибудь Лаврецова, что-ли, встрѣтить или царскій курганъ второй разъ раскопать, — говорила Марья Яковлевна, сильно озлобленная и облегчаясь колкостями.

Колкости ея, направленныя противъ Корзиковой, чувствовала и Надрикова. Особенно не понравились ей слова: „какого-нибудь Лаврецова!“ Анна Өедоровна, отъ себя по крайней мѣрѣ, уже не скрывала солидарности своей съ Геннадіемъ Ивановичемъ, поэтому, основываясь на словахъ подруги, вѣдь и она выходила „какою-нибудь?!“

Это было обидно, но надо было проглотить. Надрикова закусила губу и продолжала слушать изліянія Шемаевой, по временамъ покачивая головою и вставляя въ ея рѣчь, кстати и не кстати, коротенькіе: да, нѣтъ, можетъ быть, и пр.

Вѣрнымъ казалось ей только то, что Корзикова догадалась... и что встрѣча у водопада была небезучастна въ этой догадкѣ... Вотъ и причина отъѣзда.

— Она хотѣла познакомиться, думала Анна Өедоровна: — хотѣла... можетъ быть, именно потому, что мы знаемъ Лаврецова... Мы встрѣтились и она уѣхала?!

Легкая краска проступила на задумчивое лицо ея и мысли слѣдовали въ ней, погоняя одна другую, быстрѣе, чѣмъ слова Шемаевой, сыпавшіяся точно изъ рѣшета.

— Догадалась! думала она: — но почему-же? Развѣ только потому, что Васса видѣла? Смѣшной онъ, это правда, но не всѣ-же догадываются! Къ тому-же, вѣдь ничего нѣтъ еще, да и будетъ-ли? Или это такъ больно видѣть преемницу?...

А Шемаева, тѣмъ временемъ, все тараторила да тараторила, на правахъ истой провинціалки.

Подруги простились холоднѣе обыкновеннаго, что не помѣшало имъ условиться видѣться завтра-же у Шемаевыхъ.

Когда Вассъ вернулся изъ купальни и узналъ, что они не поѣдутъ къ Шемаевымъ сегодня, но поѣдутъ обѣдать завтра, онъ остался совершенно доволенъ этою перемѣною.

— А какъ держала тебя сегодня вода? спросила его Надрикова, не безъ ироніи.

— Отлично, отлично! отвѣтилъ Вассъ. — Только я начинаю замѣчать, что соленая вода все-таки не совсѣмъ такъ пріятна, какъ кажется сначала. У меня по тѣлу какой-то зудъ идетъ.

— Зудъ?

— Не то что зудъ, а этакъ чешется.

— Значитъ, довольно купаться, отвѣтила Надрикова. А и въ самомъ дѣлѣ: сколько времени, какъ мы изъ Петербурга?

— Скоро мѣсяцъ.

— Мѣсяцъ?! Неужели? Знаешь-ли что, проговорила Надрикова: въ гостяхъ хорошо....

— А дома лучше?

— Да и по правдѣ сказать, меня немного безпокоитъ Митя, говорила Анна Ѳедоровна. Писемъ о немъ давно нѣтъ.

— Я уже и самъ объ этомъ думалъ, отвѣтилъ Вассъ. Не телеграфировать-ли? что съ нимъ дѣйствительно, отчего не пишутъ?

— А когда-же мы съ тобою обратно?

— Когда хочешь, душа моя, хоть завтра?

— Завтра — нѣтъ, отвѣтила Надрикова: — а собираться все-таки можно.

— Можно и даже должно, отвѣтилъ Вассъ и позвонилъ прислугу.

Чай пили на балконѣ. Новая луна, тоненькимъ серпомъ, поднялась изъ за горъ и тотъ-же самый видъ, который такъ надоѣлъ Надриковой: это море, горы, городъ, пароходъ, качавшійся на якорѣ, — показались ей и лучше и привѣтливѣй именно съ той секунды, когда улыбнулась ей возможность проститься съ ними.

Такова уже природа человѣка: наслажденіе по принужденію немыслимо.

Ночью, въ надеждѣ скораго отъѣзда, Надрикова спала великолѣпно, какъ давно не спала, и ее посѣтили во снѣ и Надежда Павловна, и Геннадій Ивановичъ, и водопадъ съ его древнимъ лѣсомъ и сѣрыми скалами.

Богъ знаетъ почему, съ особенною ясностью, отличала она между призраками, — ребенка, сына Надежды Павловны, въ голубой курточкѣ, на бѣлой лошади, и его кудрявую, свѣтлую, умную головку.

Рѣшено было выѣхать возможно скоро.

Не смотря на сильнѣйшее желаніе возвратиться въ Петербургъ, Надрикова не могла, однако, не исполнить просьбы Васса: заѣхать въ деревню. Деревня лежала по пути и необходимость посѣтить ее объяснила бы какъ нельзя лучше причину временнаго отъѣзда изъ Петербурга. На долю Митеньки падало объясненіе быстраго возвращенія.

— Такимъ образомъ, думала Надрикова: все будетъ шито и крыто, и прилично. А возвращаться надо скорѣе, скорѣе!

Глава XX.

Мы оставили Лаврецова, какъ это помнитъ читатель, въ яликѣ, переправляющимся черезъ Неву, послѣ страннаго посѣщенія имъ опустѣвшей квартиры Надриковыхъ.

Недѣлю спустя, лежалъ онъ въ сильнѣйшей горячкѣ, которая, благодаря наступившей жарѣ, приняла весьма опасное направленіе.

. . . .

Послѣ разныхъ консиліумовъ и счастливо миновавшаго перелома болѣзни, Геннадій Ивановичъ началъ мало по малу поправляться и силы его возвращались, хотя и медленно, но все-таки возвращались.

Болѣзнь, выдержанная Лаврецовымъ, могла, конечно, кончиться очень дурно. Если бы онъ умеръ, то намъ можно бы было, пожалуй, оборвать разсказъ нашъ. Но онъ не умеръ и мы продолжаемъ.

Извѣстное дѣло, что сильныя потрясенія въ жизни мѣняютъ отношенія человѣка и взгляды его, особенно на тѣ предметы, которые, такъ или иначе, послужили основаніемъ этихъ кризисовъ. Понятно, что въ настоящемъ случаѣ главною, если не единственною, причиною была Надрикова, и Геннадій Ивановичъ взглянулъ на нее иначе.

Если бы кому-нибудь удалось, въ то время, о которомъ мы говоримъ, знать все то, что мы разсказали, и ожидать встрѣчи Лаврецова съ Надриковою, послѣ болѣзни перваго и путешествія второй, — встрѣча эта должна была казаться крайне любопытною.

Въ теченіе недолгаго времени положеніе ихъ обоихъ измѣнилось совершенно.

Между тѣмъ, какъ Надрикова, отправившаяся искать себѣ человѣка, отъискала его именно въ томъ лицѣ, отъ котораго бѣжала и противъ котораго хотѣла искать защиты, и этотъ человѣкъ, Лаврецовъ, особенно благодаря случайной встрѣчѣ Анны Ѳедоровны съ прежнею любовницею его, выросъ въ ея глазахъ, былъ прощонъ, полюбленъ и сталъ предметомъ исканія съ ея стороны,— въ Лаврецовѣ произошло совершенно противуположное.

Въ бреду горячки, терзаемый и томимый неотступнымъ присутствіемъ уѣхавшей Надриковой, — видѣнія капризнаго, мучительнаго, однообразнаго, Лаврецовъ еще во время болѣзни, въ короткія минуты возвращенія сознанія, когда пузыри со льдомъ освѣжали его горячій и потревоженный мозгъ, предпочиталъ холодъ этого льда, жару и пластичности видѣній, которыми преслѣдовалъ его оригиналъ портрета, видѣннаго въ будуарѣ.

Изломанный, ослабленный, безсильный, онъ выстрадалъ удаленіе этихъ грезъ, и когда грезы дѣйствительно удалились, замолкъ этотъ грохотъ, съ которымъ хозяйничали они въ его головѣ и погасли тѣ ослѣпительныя, огневыя краски, которыми они рисовались, — Лаврецовъ вздохнулъ свободнѣе и возвратился къ жизни.

Мы твердо убѣждены, что еслибы въ самомъ началѣ поворота болѣзни къ лучшему, въ одно изъ первыхъ свѣтлыхъ мгновеній возвращавшагося сознанія, къ Лаврецову въ дѣйствительности явилась Надрикова или кто-либо изъ друзей показалъ только портретъ ея, — его бы убили этимъ; такъ сильно было въ немъ сознаніе настоящей причины болѣзни, такъ страшна была его болѣзнь!

Въ темныхъ фактахъ неразслѣдованныхъ убійствъ, недоступныхъ уголовному преслѣдованію, есть несомнѣнно много случаевъ подобной любезности друзей или родныхъ, и безконечно счастлива должна быть нравственность человѣчества тѣмъ, что могилы отличаются способностью самаго скромнаго молчанія...

Лаврецову еще не суждено было молчать.

Когда, послѣ долгаго карантина, при докторѣ и сестрѣ милосердія, онъ въ первый разъ поднялся съ кровати и пересѣлъ въ кресло, — отъ слабости и долгаго лежанія у него закружилась голова и въ мысляхъ потемнѣло... Въ этомъ круженіи и въ этихъ потемкахъ, въ послѣдній разъ мелькнула передъ нимъ Надрикова и изчезла навсегда...

Казалось, будто призракъ ея не хотѣлъ выпустить его изъ рукъ и сдѣлалъ еще попытку оставить больнаго

за собою. Но Лаврецовъ былъ уже на столько въ жизни и въ силахъ, что задуманное насиліе призрака неудалось и призракъ сократился.

Понятно, что дѣйствительная встрѣча между Геннадіемъ Ивановичемъ и Надриковою, если ей суждено было состояться, должна была быть крайне любопытна: Надрикова, какъ мы знаемъ, только теперь рѣшила, что она любитъ его.

Не трудно понять и объяснить себѣ и другой психологическій процессъ, на основаніи котораго тѣ чувства и думы, и прежнія настроенія души Лаврецова, которыя имѣли мѣсто въ немъ до встрѣчи съ Надриковою и были засыпаны ею, какъ караванъ въ степи, — пескомъ, что всѣ они заговорили снова.

Слабые остатки этого засыпаннаго каравана, прежнихъ побужденій, которымъ удалось выгребстись изъ подъ налетѣвшаго песку къ жизни, пріобрѣли для Лаврецова цѣну, какой не имѣли никогда, и къ числу такихъ, именно спасшихся и вынырнувшихъ, существъ, изъ стараго, до-надриковскаго существованія, относилась, конечно, Варвара Осиповна Богинская, прежняя Варя.

Еще во время болѣзни, Варя давала себя чувствовать и нѣкоторымъ образомъ рѣяла надъ Лаврецовымъ.

По ея настоянію, и по ея выбору, мужъ привозилъ къ Лаврецову докторовъ; прежняя близость, и особенности домостроя Кокольцевыхъ, объясняли это вниманіе совершенно достаточно и мало кого удивили.

Но и кромѣ того, кромѣ ежедневныхъ посѣщеній мужа, кромѣ найма сестры милосердія, кромѣ личныхъ,

хотя и довольно рѣдкихъ наѣздовъ къ лежавшему въ безпамятствѣ Лаврецову, — Варя участвовала и въ его видѣніяхъ.

Единственною личностью, единственною силою, умѣрявшею демоническое бушеваніе обликовъ и голосовъ Надриковой, — была Варя.

Богъ вѣсть, помогли-ли бы Лаврецову и доктора, и пузыри со льдомъ, еслибы не воспоминанія о ней, которыя являлись въ самый бредъ его освѣжать и успокоивать. Струею свѣжаго воздуха текли они въ этой доменной печи, въ которой производилась переработка Лаврецова и, каплями воды съ мизинца Лазаря, падали они въ сухую грудь, на запекшіяся губы, въ готовые лопнуть отъ напряженія глаза...

Лаврецовъ не забылъ этого.

Онъ выздоравливалъ.

Съ каждымъ часомъ новой жизни, въ каждомъ притокѣ новыхъ силъ, втягивалась въ него Варя и становилась принадлежностью организма. Это былъ не шквалъ, не смерчь, налетѣвшій подобно Надриковой и вызвавшій насильственный поцѣлуй и глупое письмо, и сцену въ будуарѣ, и болѣзнь. Нѣтъ, это была почва, переходившая въ растеніе, наливавшая почки листьевъ его и коронки цвѣтовъ!

Страшное сознаніе одиночества, никогда не появлявшееся въ Лаврецовѣ, — заговорило въ немъ еще при самомъ началѣ болѣзни. Отсутствіе ласки и вниманія роднаго, близкаго человѣка, давало чувствовать себя по мѣрѣ развитія этой болѣзни. Пустота и безцѣльность прежней жизни, не выработавшей, въ концѣ концовъ,

ни одной существенной привязанности, не смотря на обиліе страстей и увлеченій, — являлась воплощенною въ образѣ неумолимой правды.... И одна только Варя, одна она, укрывала собою отвратительную, пугающую наготу этой правды и ослабляла сознаніе самаго безотраднаго одиночества.

Лаврецовъ, бившій когда-то прежде всего на чувственность, на объятіе, на поцѣлуй, начиналъ сознавать, что тутъ чрезвычайно далеко до всего этого, что тутъ, пока, и не надо этого и совѣстно думать объ этомъ, что тутъ кроется что-то другое, лучшее и совершенно ему незнакомое до сихъ поръ.

Человѣкъ, который никогда ничего не стыдился, человѣкъ, совершенно спокойно загубившій нѣсколько существованій, сухой и гордый, безжалостный и самоувѣренный, ждалъ теперь, какъ манны небесной, пріѣзда Вари, этой дѣвочки, ставшей женщиною по его же приказанію...

Здѣсь сказывалась любовь со всѣми ея признаками...

Наступилъ ясный, солнечный день. Былъ одинадцатый часъ утра.

Ночью надъ Петербургомъ прошла сильная гроза, уложила пыль, освѣжила воздухъ. Лаврецовъ не слыхалъ грозы: онъ спалъ глубоко и спокойно, и открылъ глаза только тогда, когда солнце стояло уже высоко и напрасно силилось сдѣлать день душнымъ и знойнымъ. Воздухъ былъ влаженъ, чистъ, и по чистому синему небу скользили весело и поспѣшно самые легкіе, самые хорошенькіе, облака.

Лаврецовъ позвонилъ и велѣлъ открыть окно. Полчаса спустя онъ сидѣлъ у окна въ креслѣ и ему подали завтракъ.

Сестра милосердія и склянки лекарствъ съ ихъ рецептами, изчезли изъ квартиры уже три дня назадъ и ничто рѣшительно не напоминало о миновавшей болѣзни.

Утро было великолѣпное, завтракъ вкусенъ, въ головѣ свѣжо, на душѣ...

На душѣ было тяжело.

Да. Тяжело... Но эта тяжесть была такъ чужда всякой порывистости, всякой жолчи, была такъ тиха и наполняла умъ и сердце такъ всецѣло и ровно, съ такимъ оттѣнкомъ молчаливой грусти и надежды, что Лаврецовъ не промѣнялъ бы ее ни на одно изъ тѣхъ сильныхъ ощущеній страсти, которыя когда-то давалось ему испытать, — ни за всѣ вмѣстѣ.

— Эти ощущенія были бредомъ, сказалъ онъ себѣ:— а я знаю, что это такое бредъ!

Само собою разумѣется, что Лаврецовъ былъ весь въ мысли о Варѣ.

— Она обѣщала быть! она должна быть скорѣе, — подумалъ онъ и остановился. — Должна, да еще и скорѣе! Да что-же должна она мнѣ? Я ей долженъ, а не она мнѣ!

Послѣдній оборотъ мысли былъ совершенно новъ въ Лаврецовѣ; до болѣзни былъ онъ невозможностью. До болѣзни Лаврецовъ никогда не обвинялъ себя. За то теперь обвиненій этихъ было много, хотя, и въ этомъ была ихъ особенность, они, подобно грусти его, не раздражали, а скорѣе успокоивали собою, и дѣйствовали животворно и кротко, совершенно такъ, какъ дѣйствовалъ обликъ Вари въ его бреду, охлаждая и умѣряя жгучія и яркія видѣнія Надриковой.

Возвращавшіяся силы и возникавшая жизнь начинал шевелить въ Геннадіѣ Ивановичѣ такія струны, о существованіи которыхъ не подозрѣвалъ онъ самъ и которыя оставались забытыми и не имѣли причины и возможности звучать.

Лаврецовъ помнилъ очень хорошо, какъ опредѣлилось настоящее положеніе дѣла.

Варя, дѣвушка, незадумалась, однажды, принять его поцѣлуй, и была отдана Лаврецовымъ, обмѣнена ни за что, за минутную встрѣчу съ совершенно незнакомою ему женщиною. Варя, передъ тѣмъ, чтобы выйти за перваго подвернувшагося человѣка, съ цѣлью избавиться отъ тетокъ, приходила къ нему спрашивать и онъ далъ ей совѣтъ: идти замужъ. Варя, уходя отъ него послѣ полученія совѣта, смѣясь, скрѣпя сердце, объявила, что она готова быть его любовницею...

Лаврецовъ помнилъ это, помнилъ все рѣшительно; но тѣмъ не менѣе Варя была все-таки замужемъ и разженить ее не представлялось средствъ.

— Да, это было много, это было все, что ты могла мнѣ дать, бѣдная Варя, говорилъ себѣ Лаврецовъ: — и неужели-же ты думаешь, что мнѣ теперь достаточно быть твоимъ любовникомъ, и знать, что...

Краска ударила въ блѣдное лицо Лаврецова и едва обозначилась на его впалыхъ щекахъ. Цѣлая вереница безпокойныхъ мыслей потянулась въ головѣ и онъ продолжалъ сидѣть неподвижно, облокотясь на руку, и слѣдя за облаками, бѣжавшими по небу...

Люди думаютъ иногда безъ мысли! сказалъ бы любитель странныхъ противуположеній, взглянувъ на Лаврецова въ эту минуту.

Часы пробили двѣнадцать.

— Однако-же, ея нѣтъ? чего добраго, и не будетъ. Но вѣдь она обѣщала! едва не вслухъ, проговорилъ Геннадій Ивановичъ, слушая протяжный и ровный бой часовъ.

Выше мы сказали, что Лаврецову казалось „совѣстно“ думать о возможности поцѣловать Варю; что онъ „обвинялъ“ себя передъ нею и считалъ „обязаннымъ“ чѣмъ-то; что, вспоминая о бракѣ ея, онъ „пожалѣлъ“ Варю и назвалъ ее „бѣдною“ дѣвушкою; что быть „только ея любовникомъ“ казалось ему недостаточно, и что при одной мысли объ этомъ краска ударила въ его лицо... въ этихъ обвиненіяхъ себя, въ пробужденіи совѣсти, сожалѣнія и чувства нравственной опрятности, сказались въ Лаврецовѣ тѣ именно струны инаго существованія, которыхъ не вѣдалъ онъ до сихъ поръ. Въ неясномъ и слабомъ говорѣ этихъ струнъ пробивалъ себѣ дорогу другой, еще несложившійся, обликъ новаго человѣка, а старый лупился шелухою и изчезалъ.

Стукъ кареты, остановившейся у подъѣзда, вывелъ Геннадія Ивановича изъ задумчивости и сердце участило бой.

Дѣйствительно — это была Варвара Осиповна, незамедлившая появиться передъ Лаврецовымъ. Она вошла весьма быстро, кивнула сидѣвшему въ креслахъ Лаврецову головою и велѣла человѣку, вошедшему вслѣдъ за нею и несшему какую-то завернутую въ бумагу вещь, поставить ее на полъ.

Человѣкъ исполнилъ это и удалился.

Лаврецовъ хотѣлъ было встать, но Варя остановила его приказаніемъ сидѣть на мѣстѣ и не шевелиться.

— Вы очень красивы такъ, Геннадій Ивановичъ, оставайтесь...

Снявъ съ головы шляпку и положивъ зонтикъ на столъ, Варя стянула съ рукъ перчатки и, подойдя къ Лаврецову, протянула ему обѣ руки.

Въ легкомъ кашемировомъ платьѣ съ тюникой, бѣлое съ голубымъ, сшитымъ мастерски, обрисовывавшимъ красивый станъ молодой женщины и шедшимъ ей къ лицу, какъ нельзя болѣе; съ яснымъ и веселымъ взглядомъ, съ радушною и откровенною улыбкою, — Варя напомнила въ эту минуту Лаврецову то впечатлѣніе свѣжести и успокоенія, съ которымъ являлась она въ его бредъ умѣрять видѣнія Надриковой. Ему показалось, что съ Варею подошла къ нему и жизнь, и радость, и здоровье, что это былъ кусочекъ голубаго неба съ бѣлыми облаками, на которое онъ только что смотрѣлъ, пришедшій къ нему и, — взявъ протянутыя ему обѣ руки, онъ пожалъ ихъ крѣпко, крѣпко и не спускалъ съ своей гостьи поднятаго на нее взгляда.

— Я ждалъ васъ, проговорилъ Лаврецовъ: — спасибо, что пріѣхали.

— Я къ вамъ не прямо съ дачи, а заѣзжала сдѣлать кое-какія покупки. Ну, вы, я вижу, молодецъ, болѣть не хотите больше?

— Нѣтъ, не хочу.

— А я тоже и о васъ подумала при закупкахъ. Я еще на дачѣ объ этомъ вчера думала и привезла вамъ. Угадайте, что?

Лаврецовъ взглянулъ на принесенный человѣкомъ предметъ и сталъ перебирать въ мысляхъ, что бы это такое

могло быть? Формы и размѣры завернутаго рѣшительно не могли объяснить содержанія.

— Варенье! проговорилъ онъ, желая сказать что-нибудь, прикрыть быстротою отвѣта его наивность и не дать замѣтить Варѣ, что мысли его занимались другимъ, совершенно другимъ.

— Варенье?! отвѣтила Варя, тѣмъ тономъ, какимъ вопрошаютъ гувернантки провравшихся на дательномъ или творительномъ падежѣ учениковъ.—Варенье! повторила она и захохотала.

Лаврецовъ замялся и немедленно созналъ свою вину, и не могъ понять, какъ это, въ самомъ дѣлѣ, принялъ онъ за варенье — то, что вовсе не варенье?

— Это канарейка! сказала Варя, подойдя къ таинственному предмету. Она сорвала съ него бумагу и поднесла Лаврецову клѣтку, въ которой, дѣйствительно, оказалась канарейка, незамедлившая, вслѣдъ за снятіемъ бумаги, защебетать и запрыгать.

Лаврецовъ улыбнулся.

— Я долго думала, говорила Варя: — и сама ѣздила на биржу. Съ птичкою будете вы, все-таки, вдвоемъ, и она будетъ будить васъ поутру. Довольны вы? посмотрите, какая она хорошенькая, жолтенькая, продолжала Варя, глядя на птичку, нагнувшись къ клѣткѣ и стуча пальчикомъ по проволокамъ.—Вы давно, какъ-то, говорили мнѣ, что любите пѣніе птицъ. Ну, вотъ вамъ и птица. Довольны? Удачно я придумала?

Сказавъ это, Варя выпрямилась и посмотрѣла на Лаврецова.

Нервы-ли Геннадія Ивановича были слабы, вниманіе-

ли Вари тронуло его, или мысль о томъ, что онъ дѣйствительно на столько одинокъ, что нуждается въ присутствіи птицы, — но онъ не въ силахъ былъ удержаться, и... и... и... заплакалъ.

— Геннадій Ивановичъ! быстро проговорила Варя и подошла къ нему. — Что съ вами? Вы-ли это?

Лаврецовъ схватилъ руку подошедшей обѣими руками и опустилъ на нее голову.

Онъ не цѣловалъ этой руки, но слезы лились обильныя, неудержимыя и ничего не могъ онъ сдѣлать противъ нихъ, ничего... онъ могъ только спрятать лицо свое и не показывать слезъ. Варя чувствовала ихъ на рукѣ.

Птица, тѣмъ временемъ, отъ чириканья перешла къ пѣнію и полились по квартирѣ Лаврецова непривычные ей звуки и наполнили ее собою, и понеслись въ отворенное окно, сообщая и сосѣдямъ и прохожимъ, что здѣсь поютъ, что сюда прибыла маленькая примадонна, съ длиннымъ хвостомъ и въ жолтой юбочкѣ, и что выдѣлываетъ она такія трели, такія, — что уже лучшаго просто и желать нельзя!

Вотъ вамъ, читатель, и новое дѣйствующее лицо нашего разсказа — птица.

Введя это лицо, согласно принятому всѣми повѣствователями правилу, слѣдовало бы ознакомить съ біографіею канарейки, съ порядкомъ ея рожденія, родомъ и племенемъ, воспитаніемъ и жизнью, съ ея убѣжденіями и взглядами...

Но какіе-же могутъ быть убѣжденія и взгляды у канарейки? Будь она еще красною птицею, въ родѣ камен-

наго снигиря, жителя африканскихъ пустынь, обитателя раскаленныхъ полуденнымъ зноемъ каменьевъ, такъ картинно описаннаго Бремомъ въ его жизни животныхъ,— ну, тогда бы мы еще поговорили, а то жолтая! Развѣ это цвѣтъ? Китайскій трауръ! выраженіе ревности на языкѣ красокъ! нарядъ одуванчиковъ, канареекъ и саксонскихъ письмоносцевъ и почтарей!?

Правда, была въ новомъ дѣйствующемъ лицѣ нашего разсказа одна особенность, способная оживить всякую біографію и совершенно удобная для всякихъ параллелей. Но, мы слабы въ математикѣ и ограничимся только упоминаніемъ этой черты: канарейка, принесенная Лаврецову, была самозванка. Она родилась въ Россіи, даже въ Петербургѣ, даже на Васильевскомъ острову, а продана была за чужестранку, за кровную уроженку далекаго запада.

Въ странѣ самозванцевъ иначе и быть не могло!...

Пока раскатывались трели примадонны въ жолтой юбочкѣ, обрадовавшейся возможности пѣть; пока Лаврецовъ, припавъ къ рукѣ Вари, не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ, — въ Варѣ говорило много, много разныхъ ощущеній.

Вопервыхъ: какъ бы ни было скромно и дѣвственно прикосновеніе къ ней Лаврецова, но оно было во всякомъ случаѣ не вполнѣ цензурно для замужней женщины и слишкомъ тепло.

Во-вторыхъ: Варя не могла не сознавать, не чуять своего вліянія на Лаврецова, которому онъ, прійдя въ себя послѣ болѣзни, подчинился такъ неожиданно и такъ полно. Она, болѣе кого-либо другаго, знала и созна-

вала, чѣмъ былъ Лаврецовъ прежде, и чѣмъ становился онъ теперь...

При томъ оборотѣ отношеній, который они принимали, странно было сомнѣваться въ томъ, что они пойдутъ дальше, но какъ и куда? и можно-ли было не думать объ этомъ.

И Варя думала... Сознаніе подчиненія Лаврецова было для нея новостью и сбивало всѣ ея разсчоты.

Она, это правда, по предчувствію, была увѣрена, что рано или поздно, но подчинитъ его себѣ. Она поставила себѣ это подчиненіе цѣлью жизни и начала съ выхода замужъ, въ видѣ скорѣйшаго достиженія цѣли.

Чуть-ли не съ дѣтства присматривавшаяся въ домѣ Кокольцевыхъ къ мужчинамъ, Варя составила себѣ, на основаніи своихъ наблюденій, полный планъ дѣйствія. Она знала, что Лаврецовъ относился къ людямъ, требовавшимъ пряностей. Она знала, что чистотою чувства его не возмешь, что, въ этомъ отношеніи, женщина бывалая, немного изнуренная и нервная, помятая и свѣдущая, острая на слова и откровенная на движенія, будетъ имѣть неоспоримое преимущество надъ женщиною скромною и стыдливою, и, тѣмъ болѣе, дѣвушкою; она знала, что только въ атмосферѣ всякихъ наркотическихъ снадобьевъ и утонченныхъ подстрекательствъ, сквозь ревность и заигрыванія, чувственность, поддразниванія и, даже, цинизмъ, начинаютъ приходить въ движеніе и разгораться люди, подобные Лаврецову; она помнила очень хорошо сказанныя ей однажды Геннадіемъ Ивановичемъ слова: „дѣвушекъ на свѣтѣ много, говорилъ онъ, и они продолжаютъ нарождаться, а жен-

щинъ, перешедшихъ Рубиконъ стыдливости въ страсти, артистокъ и виртуозокъ поцѣлуя мало, и число ихъ рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ"...

Слова эти врѣзались въ память Вари и она хотѣла сдѣлаться артисткою, перейти Рубиконъ...

Съ этою цѣлью вышла она замужъ, съ этою цѣлью сдѣлала она визитъ Надриковой, съ этою цѣлью открыла свой домъ преимущественно мужчинамъ и женщинамъ, имѣвшимъ прошедшее или желавшимъ этого, и готовила, такимъ образомъ, второе изданіе, улучшенное и дополненное, дома тетушекъ Кокольцевыхъ. Сама Варя быстро преобразилась. И все это для одного Лаврецова, чтобы ему было весело, чтобы отдаться ему...

И вотъ, этотъ-то самый Лаврецовъ, для котораго сооружалась эта странная система дѣйствія, пускались въ ходъ и ставились на карту такіе крупные куши, какъ выходъ замужъ за Богинскаго, — этотъ Лаврецовъ оказывается другимъ человѣкомъ .... Онъ плачетъ.... онъ не въ силахъ скрыть своихъ слезъ.

Напрасно было выходить замужъ, напрасно было дѣлать свой домъ вторымъ изданіемъ дома Кокольцевыхъ....

Варя торжествовала и глаза ея свѣтились, и тихая улыбка раскрыла хорошенькій, розовый ротикъ ея.

Прошло нѣсколько секундъ общаго молчанія и канарейка принялась вторично за пѣнье, когда Лаврецовъ рѣшился поднять голову.

— Вы никому не скажете, что я плакалъ передъ вами? проговорилъ Геннадій Ивановичъ. — Это были нервы .... я еще боленъ .... отъ того и плакалъ.

— А вы, отвѣтила ему Варя: вы никому не скажете,

что я люблю васъ, что я сама говорю вамъ это.... и что это не нервы и что я не больна!?

На этотъ разъ Лаврецовъ, вмѣсто отвѣта, принялся цѣловать горячо и порывисто хорошенькую ручку Вари и долго не кончилъ бы съ этимъ, еслибы не стукъ подъѣхавшихъ дрожекъ у подъѣзда.

— Это мужъ. Онъ хотѣлъ быть сюда, замѣтила Варя, оттягивая руку.

— Одно слово, проговорилъ Лаврецовъ, не выпуская этой руки и крѣпко сжавъ ее. Я не то, что былъ и я кончилъ съ прошедшимъ. Вы не можете быть моею любовницею, я не хочу.... Мало.... Отвѣчайте ясно и коротко: женою моею согласны вы быть или нѣтъ?

— Вы смѣетесь, Геннадій!

— Да или нѣтъ? Передъ тѣмъ, чтобы дѣйствовать, я долженъ знать! Торопитесь, онъ позвонитъ. Дѣйствовать или нѣтъ?

Варя отвела глаза въ сторону и задумалась....

Въ это время раздался звонокъ.

— Да или нѣтъ? повторилъ Лаврецовъ.

— Дѣйствуйте, если найдете средство, отвѣтила Варя: но умно и осторожно и сохраните мнѣ себя; иначе—нѣтъ!

Послѣ этихъ словъ между Варею и Лаврецовымъ легло приличное ихъ общественному положенію разстояніе и къ тому времени, когда въ комнату вошолъ Богинскій, канарейка пѣла какъ ни въ чомъ не бывало, а хозяинъ и гостья говорили чуть-ли не о погодѣ.

Полъ-часа спустя Богинскіе простились съ Лаврецовымъ, спустились съ лѣстницы и сѣли въ коляску, чтобы ѣхать на дачу въ Лѣсной.

Лошади тронули.

— Надѣюсь, проговорилъ Богинскій женѣ, когда стукъ колесъ экипажа преградилъ кучеру возможность разслушать его слова: надѣюсь, что ты была у Лаврецова въ послѣдній разъ.

— Почему это, сказала Варя? удивленная неожиданностью словъ мужа своего.

— Потому что я не желаю этого.

— Это новость и весьма неумѣстная.

— Неумѣстна она, или умѣстна, это мое дѣло. Но это будетъ такъ, какъ я сказалъ.

Во всякое другое время Варя отвѣтила бы приличнымъ случаю образомъ, но на этотъ разъ она почла за лучшее промолчать.

Не согласиться или согласиться, значило опредѣлить дальнѣйшій образъ дѣйствія, — а этого-то, именно, и не хотѣла она, не сообразивъ впередъ, на сколько это можетъ быть полезно или вредно Лаврецову и его рождающимся планамъ.

Надо было переговорить съ нимъ, — а до того не высказываться.

Глава XXI.

Симонъ Андреевичъ Богинскій, благовѣрный супругъ Вари, относился къ числу сангвиниковъ, которыми кишмя кишитъ земля русская.

Сангвиники эти во сто тысячъ кратъ хуже Макалинскихъ, попадающихся не часто, и плодовитости этой породы людей обязаны мы, главнымъ образомъ, той массѣ скандаловъ всѣхъ родовъ, которыми изобилуютъ хроники нашихъ столицъ и провинцій. Эти именно сангвиники, въ земствѣ и литературѣ, чиновничьемъ людѣ и купечествѣ, тормозятъ всякое поступательное движеніе и поставляютъ главный контингентъ тѣхъ бездѣятельныхъ, пассивныхъ, стадныхъ, сонныхъ людей, жизни которыхъ обозначаются только вспышками. Признавая себя способнымъ на эдакую великолѣпную вспышку, сангвиникъ довольствуется, до поры до времени, сознаніемъ способ-

ности, прибрегаемой имъ, и нерасходуемой ни подъ какимъ видомъ.

Погруженные большую часть своей жизни въ нравственную дремоту, относясь совершенно безразлично ко всему рѣшительно, кромѣ уснащиванія своего тѣла, люди эти разсыпаны по обществу подобно маленькимъ вулканчикамъ, переходящимъ невѣдомо какъ и когда въ изверженіе.

Въ періоды молчанія на вулканчикахъ этихъ можно строить и сѣять все, что угодно, начиная отъ капусты и кончая гіацинтами; оставляйте ихъ подъ паромъ или бороздите сохою, пользуйтесь ими сообразно указаніямъ трехпольнаго или многопольнаго хозяйства, имъ все равно, они все терпятъ, сохнутъ въ засуху, мокнутъ въ дожди и безропотно подчиняются любому опыту политико-агрономической химіи.

Но.... точно утомившись долгимъ молчаніемъ, благонравный, воздѣланный и засѣянный, заговариваетъ, наконецъ, который-нибудь изъ вулканчиковъ и переходитъ въ изверженіе.

Изверженіе это — непремѣнно скандалъ, и какъ много, много отдѣльныхъ существованій развилось у насъ и окрѣпло для того только, чтобы лопнуть и уйти въ какой-нибудь всесокрушающій, чудовищный скандалъ!

Вулканчикъ — сангвиникъ, по тому или по другому, сочтетъ, вдругъ, необходимымъ проявить свою личность и вознаградить, силою проявленія, его качество, а быстротою — продолжительность ожиданія.

Не прогнѣвайтесь тогда: онъ все сожжетъ, сокру-

шитъ, поломаетъ, и нѣтъ такого закона жизни или совѣсти, который бы онъ уважилъ, нѣтъ сѣдины или слабости, которую бы пощадилъ, нѣтъ послѣдствій — передъ которыми бы остановился! Это, изволите-ли видѣть: онъ говорить началъ и расправляетъ свою широкую натуру! Не мѣшайте ему....

Скандалъ учиненъ, сангвиникъ успокоился и десять умныхъ не въ состояніи исправить въ долгіе годы того, что надѣлалъ онъ одинъ, въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній своей неблагонравной и совершенно неожиданной дѣятельности.

И подобнымъ вулканчикамъ нѣтъ числа, и подобныхъ изверженій работаетъ у насъ въ каждую минуту много, и ничего не сдѣлаете вы противъ нихъ ни судомъ, ни полиціею, ни печатнымъ словомъ. Противъ нихъ только два средства: школа — для начинающихъ жить и могила, съ горбатыми за одно, для тѣхъ, которые уже существуютъ.

Симонъ Андреевичъ Богинскій, полуполякъ, полурусскій, родился въ Олонецкой губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, чуть-ли не отъ до-петровскихъ временъ, существуетъ и преуспѣваетъ польскій элементъ. Отецъ его былъ ссыльнымъ полякомъ, мать мѣстною уроженкою, русскою. Ничего рѣшительно любопытнаго или поучительнаго не представляла судьба Симона Андреевича, кромѣ, развѣ, скандальчиковъ, и женитьбою своею на Варѣ думалъ онъ завершить длинный рядъ усилій — устроить свою жизнь на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Подъ именемъ устройства жизни, подразумѣвалъ онъ возможно льготное существованіе, при возможно маломъ

трудѣ, нѣкоторымъ образомъ существованіе на чужой счотъ. Никакихъ другихъ цѣлей не преслѣдовалъ онъ, ничего рѣшительно не любилъ, былъ здоровъ, бережливъ и, даже, скупъ; разными уступочками и послабленіями людямъ проложилъ онъ себѣ дорожку и, въ концѣ концовъ, пользовался извѣстнаго рода положеніемъ въ свѣтѣ.

Добивался онъ всегда и во всемъ не самаго лучшаго, а ограничивался, такъ сказать, второстепенностью въ притязаніяхъ. Онъ и не лѣзъ на первыя мѣста, но за то не слѣдовало ему мѣшать занимать вторыя.

Помѣшать — значило обусловить изверженіе.

Второстепеннымъ думалъ Богинскій быть даже относительно своей жены. Онъ не обманывалъ себя будущностью: „пусть ее, современемъ, думалъ онъ про Варю, возьметъ она любовника, лишь бы обезпеченіе было“...

Обезпеченіе оказывалось, однако, плохимъ.

Хотя Богинскій зналъ, что Варя не совсѣмъ богатая невѣста, но онъ никакъ не полагалъ, чтобы ее оставили совершенно безъ помощи. Роскошное, даже блестящее приданое дало ему право думать, что Кокольцевы и позже не покинутъ Варю своими милостями. Но эти милости далѣе приданаго не пошли.

Правда, Богинскій чуялъ возможность подобной скудости еще до свадьбы, но все-таки рискнулъ. Во-первыхъ, онъ находился въ томъ періодѣ жизни, гдѣ мужчина долженъ увѣрить себя, что онъ уже перестаетъ нравиться; во-вторыхъ, Варя была сама по себѣ лакомымъ кусочкомъ; въ-третьихъ, если не на капиталъ, то на единовременныя пособія, на связи Кокольцевыхъ разсчитывалъ онъ...

Все это оказалось ложью, пуфомъ и Богинскому пришлось убѣдиться, что, по вопросу о женитьбѣ, былъ онъ человѣкомъ далеко не второстепеннымъ, даже не третьестепеннымъ, а чортъ знаетъ чѣмъ?

Готовился взрывъ, и особенныя обстоятельства ускорили его.

Предстояло сокращеніе штатовъ — Богинскому грозило оно прежде другихъ; вексель, выданный на свадебные расходы, совпалъ, какъ нельзя болѣе неудачно, съ предстоявшимъ освобожденіемъ отъ службы; кромѣ того, женившись на Варѣ, — Богинскій лишилъ себя возможности жениться болѣе выгодно, на другой особѣ, неожиданно потерявшей жениха, котораго предпочла она Богинскому, и который заблагоразсудилъ умереть до свадьбы. Симонъ Андреевичъ начиналъ выходить изъ себя и первымъ выраженіемъ этого были слова, сказанныя Варѣ, по отъѣздѣ ихъ отъ Лаврецова.

Безмолвіе Вари только подстрекнуло его, и разговоры одинъ другаго хуже, сцены, одна другой возмутительнѣе, начали слѣдовать другъ за дружкою съ быстротою самою невѣроятною.

Раньше, чѣмъ получилъ Лаврецовъ письмо отъ Вари, сообщавшее ему о случившейся перемѣнѣ и спрашивавшей, что ей дѣлать, т. е. черезъ два дня послѣ послѣдняго свиданія съ нимъ, — въ Лѣсномъ, на одной изъ дачъ, нанятой Богинскимъ, сосѣднею съ часовнею, разъигралась слѣдующая исторія.

Часовъ въ одиннадцать утра Богинскому доложили, что къ нему пріѣхалъ Павелъ Иларіоновичъ Макалинскій.

Его принялъ хозяинъ.

Назвавъ себя по имени, Макалинскій, по просьбѣ хозяина, сѣлъ на кресло. Подлѣ помѣстился Богинскій.

— Чѣмъ могу служить? началъ онъ.

— Я къ вамъ съ векселемъ, отвѣтилъ Павелъ Иларіоновичъ.

Богинскій нахмурился. Онъ помнилъ о срокѣ и ждалъ чьего-либо пріѣзда по этому случаю, но тѣмъ не менѣе все-таки нахмурился. Больше этого не могъ онъ сдѣлать ничего.

— Да, знаю. Завтра срокъ. Мнѣ, пока, платить нечѣмъ, проговорилъ онъ.

— Я и не желаю-съ, перебилъ Павелъ Иларіоновичъ: — я согласенъ на острочку.

— Очень радъ. Есть у васъ бланка? проговорилъ Богинскій быстро и крайне удивленный.

— Бланки у меня всегда съ собою-съ. Но я бы просилъ, давая отсрочку, поручительства! Еслибы супруга ваша согласилась...

— Супруга моя! Да, вѣдь, у нея ничего и никого, кромѣ тетокъ, нѣтъ? Тетками, развѣ, обязаться вамъ, что-ли? произнесъ Богинскій, не безъ жолчи, возвысивъ голосъ и рѣшительно не понимая основаній предложенія Макалинскаго.

Сказанное имъ было и глупо, и рѣзко, и могло только повредить дѣлу, — но, взрывъ начинался, и Богинскій выходилъ изъ общепринятыхъ нормъ.

Возвысилъ онъ голосъ отнюдь не потому, что ему досадно было чуять подлѣ себя имѣющій быть уплоченнымъ вексель, безъ возможности уплатить, — досадно

было ему то, что послѣдніе два дня носили на себѣ, въ отношеніи къ женѣ, характеръ слишкомъ воинственный, для того, чтобы надѣяться на ея поддержку. Досадно было Богинскому, что, перебирая всевозможныя комбинаціи къ уплатѣ векселя, о которомъ онъ помнилъ, даже подумавъ о продажѣ жены Лаврецову, о бѣгствѣ съ ея брилліантами и прочихъ сложныхъ предпріятіяхъ, ему въ голову не пришло, что Варя, простою своею подписью, можетъ еще имѣть такое значеніе, какое придавалъ ей Макалинскій!

Что касается до векселя, то онъ былъ выданъ Богинскимъ одному изъ тѣхъ скользящихъ и неуловимыхъ агентовъ-посредниковъ, которыхъ знаютъ обѣ стороны, дающая деньги и дающая вексель, но въ святомъ интересѣ которыхъ тщательно скрывать отъ векселедателя имя капиталиста.

Вы подписываете вексель и не знаете, кому подписываете его. Вы, даже, при подачѣ векселя ко взысканію, не узнаете, кто взыскиваетъ съ васъ, если только лицо не пожелаетъ открыться. Богинскій не зналъ, что онъ долженъ будетъ уплатить деньги нѣкоему Макалинскому.

Какъ ни грустно, но мы должны завѣрить, что многіе, очень многіе изъ людей весьма почтенныхъ, отцовъ и матерей, ѣздящихъ молиться въ модныя церкви удѣльнаго департамента, къ слѣпымъ, въ почтамтскую, собирающихъ у себя самое блестящее общество, и стоящихъ во-главѣ разныхъ благотворительныхъ предпріятій, — являются тѣми таинственными капиталистами, деньги которыхъ, черезъ посредство скользящихъ и

молчаливыхъ агентовъ, приносятъ имъ проценты невѣроятные, чудовищные.

Не къ оправданію ростовщиковъ и собственниковъ разныхъ гласныхъ кассъ, но правды ради, скажемъ мы, что эти таинственные капиталисты безжалостнѣе и неумолимѣе всевозможныхъ залогопринимателей, имѣющихъ вывѣски. Они душатъ людей черезъ третьи руки; они имѣютъ дѣло не съ лицомъ, а съ бумагою; ихъ, въ случаѣ чего, ни осмѣять, ни оскорбить нельзя, потому что ихъ нѣтъ, и въ блескѣ люстръ, освѣщающихъ ихъ дома, въ платьяхъ женъ и дочерей, въ пожертвованіяхъ ихъ на богоугодныя заведенія, не чуются, не сказываются и остаются безъименными тѣ грустные источники, изъ которыхъ они сложились.

И такъ непроницаемы маски, носимыя этими людьми, что вамъ и въ голову не приходитъ, что вы запачкали свою руку, протянувъ ее тому или той изъ вашихъ знакомыхъ. Родные дѣти не знаютъ объ этой дѣятельности отцовъ своихъ; рука, подносящая вамъ причастіе, бываетъ не чиста отъ этой работы и молодыя чудныя женщины, полныя красоты и довольства, къ ногамъ которыхъ готовы вы броситься, какъ бросаются паріи подъ колесницу Вишны, женщины, способныя вдохновлять и радовать собою, держатъ, иногда, въ своихъ шкатулкахъ подобные векселя, часто съ подписями людей, закручивающихся для нихъ-же и передъ ихъ глазами, и рядомъ съ ихъ записками!

Да! читатель! жизнь и велика, и страшна и ничтожно разнообразіе видимыхъ очертаній природы, передъ разнообразіемъ тѣхъ невидимыхъ очертаній людскихъ от-

ношеній, которыя создаются жизнью и которыя, волею неволею, приходиться вкушать!

Макалинскій, относившійся къ числу самыхъ мелкихъ изъ этихъ господъ капиталистовъ, о которыхъ мы говорили, почолъ за нужное изобличить себя передъ Богинскимъ. Ему были не безъизвѣстны отношенія жены послѣдняго къ Лаврецову и онъ хотѣлъ имѣть подпись ея на своемъ векселѣ, а вексель этотъ — въ карманѣ.

— Я позволю себѣ удивиться, отвѣтилъ Макалинскій, не безъ ироніи, на возгласъ Богинскаго: — тому недостатку довѣрія къ подписи вашей супруги, который вы заявили и котораго нѣтъ во мнѣ!? Мое дѣло предложить — ваше принять.

— Хорошо-съ, это можно будетъ, отвѣтилъ Богинскій: — но, я вамъ скажу откровенно, что именно сегодня мнѣ трудно просить объ этомъ жену мою...

— А почему-же-съ?

— Это мое дѣло. Я прошу васъ пожаловать завтра, въ это время.

— Нельзя-съ.

— Но, почему-же нельзя-съ? почти крикнулъ Богинскій.

— Это мое дѣло... возразилъ Макалинскій: — и я прошу васъ озаботиться теперь-же исполненіемъ моей покорнѣйшей просьбы.

Богинскій поднялся съ мѣста, закусилъ губы и пошолъ къ женѣ.

Минутъ черезъ пять въ комнату вошла Варя, за нею Богинскій.

Макалинскій, вставъ, отвѣсилъ глубокій, крайне поч-

тительный, поклонъ, а Варя, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, прошла прямо къ дивану и сѣла, пригласивъ Макалинскаго занять мѣсто подлѣ, въ креслѣ.

Варя была невообразимо блѣдна и выраженіе лица ея крайне строго и сдержанно.

— Вотъ въ чомъ дѣло, началъ Богинскій, стоя подлѣ стола и опираясь на него обѣими руками. — Я буду говорить дѣло, и только дѣло. Передъ свадьбою нашею мнѣ нужны были деньги. Я далъ вексель. Завтра срокъ этому векселю и господинъ Макалинскій согласенъ на отсрочку, но только подъ условіемъ твоей подписи. У меня въ настоящее время денегъ нѣтъ, платить нечѣмъ. Подпиши!

Варя взглянула на Макалинскаго и онъ молча поклонился.

— А большой у васъ вексель? спросила она.

— Въ пяти тысячахъ.

— Но что-же это значитъ моя подпись? вѣдь, я думаю, подпись мужа моего дѣйствительнѣе...

— Она остается, моя подпись, перебилъ ее Богинскій. — Но ты бы сдѣлала мнѣ большое удовольствіе согласившись.

Варя улыбнулась.

— Но развѣ у насъ нѣтъ никакихъ средствъ заплатить по этому векселю? спросила Варя, взглянувъ на мужа. — У меня есть брилліанты. Наконецъ, въ случаѣ крайности, можно обратиться къ тетушкамъ.

— Къ тетушкамъ надо было раньше подумать обратиться, давно была бы пора, рѣзко проговорилъ Богинскій: — что-же касается до брилліантовъ, то.... я, пожалуй, не прочь....

— Но! позвольте мнѣ просить васъ не прибѣгать къ этой крайности, перебилъ Макалинскій, которому вовсе не хотѣлось уплаты по векселю. — Я думаю....

— Я не знаю, что вы думаете, грубо возразилъ Богинскій, но позвольте мнѣ знать, что я дѣлаю и что должна дѣлать моя жена. Вы пришли получить по векселю, — вы получите. Какъ и почему, — этого, на сколько я помню, на векселѣ не прописано.

— Я позволилъ себѣ замѣтить то, что я замѣтилъ, сказалъ Макалинскій, весьма мягко, обращаясь къ Варѣ: исключительно потому, что бриллiанты всегда бриллiанты, и уплата ими можетъ быть произведена вами и послѣ срока отсрочки. Теперь стоитъ лишь подписать вамъ.

— Это не ваше дѣло, проговорилъ Богинскій и отошолъ отъ стола, заложивъ руки въ карманъ.

Онъ глядѣлъ на Варю и ждалъ.

— Я ничего не подпишу, я боюсь подписывать! проговорила Варя послѣ нѣкотораго молчанiя, не громко, но весьма рѣшительно, руководясь въ этомъ случаѣ неясными воспоминанiями о тѣхъ исторiяхъ съ подписями, которыя она не разъ слыхала въ домѣ у тетушекъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдутъ бриллiанты, отвѣтилъ Богинскій.

— Но я и объ этомъ должна спросить у тетушекъ, отвѣтила Варя. Такъ нельзя. Надо посовѣтоваться.

— Что?! крикнулъ Богинскій. — Къ тетушкамъ!!...

Можетъ быть, онъ не остановился бы на этомъ короткомъ возгласѣ, еслибы Макалинскій не всталъ, въ это время, съ своего мѣста и еслибы не страхъ окончательно запутать дѣло, изъ подъ котораго, во всякомъ

случаѣ, могъ онъ освободиться не иначе, какъ съ помощью Вари.

— Я вполнѣ признаю извѣстную долю важности вопроса, который я былъ вынужденъ поставить, говорилъ Макалинскій. — Требовать рѣшенія его теперь-же, было-бы слишкомъ круто. Вамъ надо переговорить. Угодноли вамъ будетъ, сударыня, самимъ назначить время для полученія мною отвѣта. Срокъ векселя завтра, — но я могу подождать?! Угодно вамъ три дня? угодно недѣлю? можетъ быть, дольше?

— Черезъ недѣлю получите или деньги, или подпись, отвѣтилъ Богинскій за жену.

— Согласенъ: черезъ недѣлю, проговорилъ Павелъ Илларіоновичъ и раскланялся съ Богинскими совершенно почтительно и не безъ достоинства.

Богинскій сдѣлалъ шага два, чтобы проводить его,— но дальше не пошолъ. Онъ не спускалъ глазъ съ жены и, замѣтивъ желаніе ея встать и уйти, сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы она осталась и разъигралъ одну изъ весьма характерныхъ сценъ.

— Скажи, пожалуйста, крикнулъ Богинскій, по уходѣ гостя: что ты думаешь о себѣ и зачѣмъ взялъ я тебя въ жоны? Взялъ я, развѣ, тебя за смазливость, за душевныя качества? Изъ любезностей твоихъ, изъ бросанія взглядовъ, — заплачу я, что-ли, мой вексель? Связать меня по рукамъ и по ногамъ расходами, заставить влѣзть въ долги, кормить и поить цѣлую свору будущихъ или прошедшихъ любовниковъ, — а когда представляется возможность помочь, помочь простою подписью, которая дала бы мнѣ возможность извернуться,

тогда нѣтъ, тогда на попятный, тогда прятаться за юбки тетушекъ! О! чортъ бы тебя взялъ, и меня вмѣстѣ съ тобою!...

Начавъ свою рѣчь, Богинскій стоялъ на мѣстѣ, — кончилъ онъ ее шагая по комнатѣ и, отъ поры до времени, взглядывая на Варю и дергая цѣпочку своихъ часовъ.

Варя упорно молчала и совершенно обдуманно готовилась ко всему рѣшительно.

— Даже, если онъ ударитъ меня, я и тогда смолчу, рѣшила она.—Это будетъ не для меня, для Геннадія.... Письмо мое долженъ онъ былъ получить вчера вечеромъ... Лучше, еслибы оно опоздало... чтобы ему не входить теперь.... лучше послѣ....

— Да говори-же что-нибудь! завопилъ Богинскій, подойдя къ Варѣ и дернувъ ее за плечо. — Говори! или я задохнусь отъ бѣшенства и задушу тебя! А!! вы думаете, что мы васъ обманываемъ, мы женимся на деньгахъ, мы ищемъ связей ,?—вы обманываете насъ, тѣмъ, что кажетесь съ деньгами, представляетесь со связями!! Нашъ обманъ — минутный, вашъ обманъ длится годами. Вы вскормлены на обманѣ, вы каждымъ взглядомъ лжете.... И какъ это она сидитъ передо мною, невинною и робкою, и точно будто ново это для нея, не ожидала, чортъ возьми!?

— Да, это ново для меня и я этого не ожидала, проговорила Варя, блѣдная какъ полотно и еле шевеля позеленѣвшими губами.—Чего-же вы хотите отъ меня?

— Подписи хочу я... воздуху хочу.... свободно двигаться хочу.... чтобы не тянуло меня къ тебѣ вотъ

такъ, съ сжатыми кулаками, съ желаніемъ уничтожить тебя, истерѣть, измять.... Вѣдь эти минуты, ты думаешь, мнѣ даромъ обходятся!!

Говоря это, Богинскій наклонился къ женѣ, просунувъ къ самому лицу ея сжатыя въ кулаки руки и теряя половину говоримыхъ имъ словъ въ нервныхъ подергиваньяхъ губъ. Отвратительно лѣзли его глаза по направленію къ рукамъ, и откуда, откуда взялись только вертикальныя и горизонтальныя морщины, сразу исполосовавшія и избороздившія его, обыкновенно обрюзглую, лоснящуюся физіономію!

Первымъ дѣломъ Вари было отшатнуться къ спинкѣ дивана; вторымъ—наклониться немного въ сторону и пожелать выскочить, освободиться.

— Сиди! проревѣлъ Богинскій, замѣтивъ желаніе ея улизнуть отъ него и быстро толкнувъ ее въ плечо. — Сиди и слушай до конца!

Варя отъ сильнаго грубаго толчка откатилась въ глубину дивана и невольно закрыла глаза, не желая видѣть того, что тутъ совершится. Мысли ея мутились, ей дѣлалось дурно; она хотѣла и не хотѣла, чтобы подоспѣлъ Лаврецовъ, тетушки... Она слышала о возможности минутъ, подобныхъ той, которая проносилась надъ нею теперь, но она и не воображала, чтобы эти минуты были такъ омерзительны, оковывали такимъ холодомъ и были такъ животны...

— А вѣдь я могла бы и не выходить замужъ!? промелькнуло у нея по мысли: — могла!!

Богинскій тѣмъ временемъ продолжалъ неистовствовать.

— Я тебя бралъ — я зналъ, что беру, я тебя не связывалъ; но чтобы вы въ карманъ мой лѣзли, чтобы свобода твоя даромъ тебѣ давалась, этого я не хотѣлъ и этого не будетъ! Ѣзди, крутись, вертись, да, — все это можешь, — но, вотъ это чтобы было, это... и Богинскій, у самаго носа Вари, открывъ ладонь лѣвой руки, сталъ отсчитывать надъ нею правою монеты, которыхъ на самомъ дѣлѣ въ рукахъ его не было.

— А если нѣтъ, продолжалъ онъ, съ пѣною у рта: — меня, меня блѣдностью, да обмороками не проймешь, самъ училъ, какъ падать надо... И я не знаю, что только меня останавливаетъ?... Хочу, и могу, и смѣю!...

Совершенно машинально раскрывшая, въ это время, глаза, Варя увидѣла, какъ замахнулся Богинскій, вскрикнула и, спрятавъ лицо свое въ руки, наклонилась ниже поверхности стола... Это было сдѣлано во время!!

Въ эту минуту вошолъ Лаврецовъ...

Глава XXII.

Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ,—всего, только что описаннаго, не было, не могло быть, не должно было быть! вѣдь бываютъ-же сны, тяжолые сны, но люди просыпаются и тогда они радуются, встрѣчаютъ живыми людей умершихъ, видятъ несовершившимся то, что совершилось, имѣютъ возможность начать лучше, чѣмъ прежде, счастливѣе...

Такимъ именно тяжолымъ сномъ спалъ утромъ того дня, въ который состоялся приходъ Макалинскаго къ Богинскимъ, Геннадій Ивановичъ.

Онъ заснулъ поздно и успѣлъ прослѣдить, какъ прошли блѣдныя звѣзды лѣтней, свѣтлой ночи, съ одного края неба до другаго и какъ занялась одна заря, почти непосредственно въ краскахъ своей предшественницы.

Прошелъ второй день, а отъ Вари не было извѣстій.

Это было странно и вызывало безпокойство: что съ нею, какъ она?

Понятно, что главнымъ предметомъ мысли выздоровѣвшаго Лаврецова было обдумать дальнѣйшій планъ дѣйствій. Къ одному положительному выводу приходилъ онъ при обдумываніи каждаго изъ плановъ, а именно: къ необходимости возможно скораго и рѣшительнаго окончанія дѣла, окончанія въ смыслѣ пріобрѣтенія Вари въ качествѣ законной жены отъ живаго мужа.

Странная мысль, не правда-ли? Но, вѣдь, бываетъ и это на свѣтѣ, и Лаврецовъ могъ насчитать нѣсколько примѣровъ, ему извѣстныхъ.

Одно только маленькое усложненіе, Богъ вѣсть почему, являлось ему на мысль и какъ бы мѣшало, едва-ли не больше, чѣмъ самъ живой мужъ.

— А вдругъ, думалось Лаврецову:— Варя беременна! что тогда? Неужели останавливаться? Но неужели-же подобный фактъ можетъ и ровно ничего не значить?

Эта странная мысль ныла въ немъ, и щемила и подсѣкала крылья.

На этой мысли заснулъ онъ...

И видитъ онъ, что Варя дѣйствительно беременна.

— Однако, объ этомъ она мнѣ не сообщала, говоритъ себѣ Геннадій Ивановичъ, и какая-то долгая, заунывная, плачущая нота слышится ему въ его собственномъ сердцѣ.

Приходитъ Варя. Она вся въ бѣломъ, блѣдная, грустная.

— О! родная моя! говоритъ ей Лаврецовъ и цѣлуетъ ея руки, каждый пальчикъ отдѣльно, и смотритъ на нее: — скажи мнѣ, моя дорогая, правда-ли это?

Варя молчитъ и опускаетъ глаза и губы ея кажутс та-
кими безкрасочными, поблекшими, точно осенніе листья.

— Но, какъ-же это, продолжаетъ Лаврецовъ: — вѣдь это, вѣдь объ этомъ мы не говорили? Вѣдь я тебѣ только сказалъ замужъ за него пойти?

Варя улыбается, но ей видимо больно даже улыбнуться, и заунывный погребальный звонъ слышится Лаврецову такъ ясно, будто онъ въ его квартирѣ, кругомъ звучитъ.

— Варя! кричитъ ей Лаврецовъ: — Варя — скажи, что ты солгала... вѣдь въ родахъ умираютъ, часто умираютъ! Ты умрешь!?

— Можетъ быть и умру. Но вѣдь ты велѣлъ мнѣ идти замужъ, отвѣчаетъ Варя:—вѣдь ты хотѣлъ, чтобы я была твоею любовницею, — ну вотъ я и пришла, и ты возьми меня, какая я есть.

Подняла Варя свою нагую, нѣжную руку и обвила Лаврецова, и онъ почувствовалъ, какъ опахнуло его эт объятіе, какъ затуманилось у него въ глазахъ и дыханіе остановилось!...

А погребальный звонъ слышался и сквозь объятіе, онъ даже самъ былъ этимъ объятіемъ; складки платья Вари, это были звуки, бѣлые звуки, мягкіе звуки, закатывавшіе въ себя!

— Варя, перестань! Не шути, говоритъ ей Лаврецовъ, глядя на нее:—не обнимай... довольно... я задохнусь, и мнѣ его убить не удастся.

— Кого это? ребенка?

— Нѣтъ, отца... я ненавижу его, намъ обоимъ нѣтъ мѣста на свѣтѣ. Ребенка зачѣмъ убивать, ты любишь его, ты мать!

Снова пошевельнулись блѣдныя губы Вари улыбкою, она опустила глаза и покачала отрицательно головою.

— Что ты качаешь головою? Зачѣмъ?

— Я не люблю ребенка. Я ношу его какъ мою смерть.

— Нѣтъ, ты не умрешь, ты не можешь умереть, не должна!

Варя качаетъ головою по прежнему и смотритъ.

— О! какъ она смотритъ... Варя! отведи глаза.

— Я ношу ребенка, говоритъ Варя: — съ омерзеніемъ и ужасомъ. Въ дѣвическихъ мечтахъ моихъ, о которыхъ я никому не говорила, и которымъ не шло являться въ домѣ у тетушекъ, грезилось мнѣ, что хорошо и отрадно быть матерью... А вотъ и неправда, обманули мечты! Возьми изъ меня ребенка, Геннадій, возьми, умоляю тебя. Помнишь Маргариту?

— Но это будетъ убійство!!

— О! я должна быть убійцею. Вѣдь я невольна теперь въ себѣ, меня тянетъ. Я вышла замужъ по твоему желанію, тогда я была вольна. Но это ничего, только возьми ребенка, скорѣе, это можно, я слыхала...

— Варя! не тумань мнѣ головы, не жги на живомъ огнѣ. Я не вынесу!

— Не тебѣ бы говорить, что не вынесешь. Мы, твои женщины, мы не вынесли! И я твоя женщина, хотя и не твой ребенокъ во мнѣ. Ну, ступай-же, унеси ребенка, — вотъ ребенокъ, смотри!

Видится Лаврецову, что въ сторонѣ отъ него, кто-то неизвѣстный, безъ опредѣленнаго лица, туманъ какой-то жидкій, держитъ ребеночка.

— Ну, простись съ нимъ, говоритъ Варя: — вѣдь онъ

тоже и твой ребенокъ, какъ я твоя женщина. Простись!

Туманъ, несшій ребенка, свертывается, плотнѣетъ и удаляется и подбирается отъ земли, и это уже не безформенная личность, это сама Варя, только что стоявшая подлѣ! Это она, она, со своимъ дитей, клубится, пятится... и стѣнъ больше нѣтъ, и дома нѣтъ, — одна безграничная даль, и звѣзды, мерцающія въ сіяніи вечерней зари и утренней зари, бѣгутъ, точно сыплются... и опять звонъ, этотъ зловѣщій звонъ, наполняющій и раздвигающій пространство...

Лаврецовъ проснулся.

Въ виски его стучала кровь порывисто и сильно. Онъ обвелъ глазами по комнатѣ и былъ точно спутанъ ощущеніемъ преступленія, какъ бы совершеннаго имъ и ему казалось, что онъ дѣйствительно кого-то схоронилъ...

Былъ десятый часъ утра и на улицѣ стоялъ шумъ. Мысли Лаврецова незамедлили оправиться и освѣжиться; онъ всталъ и позвонилъ человѣка.

Человѣкъ подалъ письмо.

Схватить письмо и прочесть, было дѣломъ одной минуты. Четверть часа спустя Лаврецовъ былъ одѣтъ, а кучеръ его подалъ къ подъѣзду пролетку.

Письмо Вари было длинно и обстоятельно, и сообщало о рѣзкой и неожиданной перемѣнѣ, происшедшей въ Богинскомъ. Судя по характеру письма, Лаврецовъ могъ считать возможною сцену въ родѣ той, которая дѣйствительно имѣла мѣсто, и на которую мы довольно неосторожно пригласили читателя.

Гнѣвенъ былъ Лаврецовъ...

Ему было какъ-то пріятно видѣть ту густую пѣну, въ которую вогналъ онъ рысака, хотя, конечно, отчота въ этомъ чувствѣ онъ не могъ себѣ дать и даже не замѣтилъ его. Не замѣчалъ онъ и того, какъ сильно, со всею ясностью факта, залегла въ него мысль о беременности Вари, разсказанной ему сномъ. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы находиться поскорѣе на мѣстѣ, — а тамъ, — будь что будетъ...

Во всякое другое время, по входѣ въ прихожую, Лаврецовъ велѣлъ бы доложить о себѣ; онъ бы сдѣлалъ это и теперь, но рѣзкій и сильный голосъ Богинскаго, раздававшійся изъ за жиденькихъ дверей и стѣнъ петербургской дачи, слова этой рѣчи и, наконецъ, крикъ Вари, руководили имъ безсознательно...

Дверь въ залу хлопнулась о сосѣднюю стѣну и Лаврецовъ сталъ составною частью нелишонной сценическаго, французскаго, эффекта картины, уже знакомой намъ по ея началу.

Положеніе, въ которомъ засталъ Богинскаго Лаврецовъ, и согнувшаяся Варя, — были достаточно краснорѣчивы.

— Бить или не бить! промелькнуло по мысли его.

— Чортъ возьми! прошипѣлъ Богинскій и вытянулся у стола.

Встала съ мѣста и Варя.

— А, смѣю спросить, отчеканилъ Богинскій, — по какому праву?!...

— Объ этомъ, потомъ. Теперь я позволю себѣ только запереть двери, внятно, хотя и не громко, сказалъ Лаврецовъ, блѣдный, какъ полотно, и немедленно привелъ свои слова въ исполненіе.

— Но, за это въ окошко швыряютъ, сударь! — прогнусилъ Богинскій, успѣвшій даже охрипнуть, и готовъ былъ попытаться и уже сунулся къ гостю...

Но... есть взгляды, которые останавливаютъ и вяжутъ людей и, подобно подкожному впрыскиванію морфина, разрѣшаютъ мгновенно самую злую судорогу. „Дѣлать“ эти взгляды нельзя и не всякому въ жизни доведется бросить или испытать подобный взглядъ...

Пролетѣлъ тихій ангелъ, подѣйствовалъ морфинъ...

— Послушайте, Богинскій, проговорилъ Лаврецовъ, когда взглядъ погасъ, что послѣдовало быстро: —вѣдь я сильнѣе васъ и вы, негодяй!

Откровенная, даже добрая улыбка расположилась на лицѣ говорившаго и Варя вздохнула свободнѣе, потому что возможность хаоса — миновала.

— Драться со мною вы не будете, я не смѣю и предлагать, говорилъ Лаврецовъ:—судиться вы можете — но вамъ невыгодно. Скажите: во-сколько цѣните вы вашу жену?

— Я буду драться съ вами и на смерть! — отвѣтилъ Богинскій.

— Извольте, и это рѣшится сейчасъ, сказалъ Лаврецовъ, вынимая носовой платокъ и завязавъ узелъ на одномъ изъ угловъ его.

— Тотъ, кто выдернетъ узелъ — застрѣлится сегодня вечеромъ, — согласны? проговорилъ онъ.

Богинскій особенно быстро подошелъ къ протянутой Лаврецовымъ рукѣ, изъ сжатыхъ пальцевъ которой торчали, двумя заячьими ушками, два кончика платка.

Пошевельнулась и Варя.

Не успѣлъ Богинскій протянуть руку, какъ Варя уже стояла между противниками и выдернула платокъ изъ рукъ Геннадія Ивановича.

— Онъ обманетъ васъ, Геннадій Ивановичъ! Это нельзя! быстро произнесла Варя.

— Что! промычалъ Богинскій: — ну, что-же, — тогда мы можемъ иначе...

— Господинъ Богинскій, будемъ откровенны, заговорилъ Лаврецовъ, взявъ Варю за руку, чтобы отвести ее, и слегка сжавъ эту руку.

— Я люблю вашу жену — вы ее не любите; я не люблю денегъ — вы ихъ любите. Помѣняемтесь.

— Господинъ Лаврецовъ — я дорого возьму, возразилъ Симонъ Андреевичъ; очень дорого...

Говоря это, Богинскій находился въ иномъ положеніи, чѣмъ за двѣ минуты до того. Вулканическая дѣятельность его прекратилась и онъ, утѣшенный подобно ребенку, которому сунули въ ротъ соску, очень дорогую, это правда, тысячную, перешолъ отъ шторма къ самому поэтическому волненію.

Задача, цѣль жизни разрѣшалась и разрѣшалась такъ неожиданно и легко!

Онъ молчалъ и нѣжился въ своей собственной зыби.

— Вы сдѣлаете мнѣ большую уступку, выслушавъ меня, началъ Лаврецовъ. Жить съ вами ваша жена не останется — вы разведетесь и оба будете лишены права жениться. Если Варвара Осиповна лишитъ себя одну этого права, — вы, матеріально, ничего не выиграете; кромѣ того, что, можетъ быть, въ чемъ я, пожалуй, не сомнѣваюсь, вы еще разъ женитесь, на деньгахъ. Сколько

разсчитываете вы взять денегъ или, лучше, во-сколько цѣните вы себя, такъ какъ оцѣнить жены вашей вы не хотѣли? Я заплачу вамъ за васъ, а не за жену вашу, — оно будетъ приличнѣе.

— Да, пожалуй, это было бы приличнѣе, отвѣтилъ Богинскій: но такъ какъ дѣло пошло на откровенности, я найду еще болѣе удачную комбинацію. Жена моя желаетъ имѣть васъ своимъ мужемъ, пусть купитъ она васъ у меня и, такимъ образомъ, вы будете проданы, а не я, не она!

— Я даю все, что имѣю, все, проговорила быстро Варя.

Лаврецовъ безмолвно улыбнулся.

— По моему разсчоту, отвѣтилъ Богинскій, медленно и какъ бы считая: — это составитъ около двадцати пяти тысячъ.

— Я даю еще двадцать пять, добавилъ Лаврецовъ.

— И расходы берете на себя?

— И расходы.

— Такъ по рукамъ, сказалъ Симонъ Андреевичъ...

— Нѣтъ, ужъ отъ этой чести позвольте отказаться, возразилъ Геннадій Ивановичъ, обращаясь къ Варѣ: — этой статьею расхода я не обязывался.

Лаврецовъ съ величайшимъ наслажденіемъ надбавилъ бы сотню, другую рублей за то, чтобы Богинскаго, въ настоящую минуту, не было въ комнатѣ, чтобы снять съ себя и разрѣшить недавно видѣнный и томившій его сонъ и спросить Варю... Но разспросъ былъ бы совершенно неумѣстенъ, невозможенъ относительно самой Вари. Лаврецовъ могъ бы и считалъ бы себя вправѣ, на этотъ разъ, принять Варю на грудь и поцѣловать

ее безъ страха и упрека... Тянуло къ этому и Варю. Но опозорить перваго (выноваты — втораго!) поцѣлуя присутствіемъ Симона Андреевича, ни тотъ, ни другая не хотѣли... Объясненіе и поцѣлуй сложились въ мысли...

Тѣмъ горячѣе были они впослѣдствіи, на самомъ дѣлѣ!

Глава XXIII.

Вѣсть о разводѣ Богинскаго съ женою и свадьбѣ Лаврецова, — облетѣла городъ, или, лучше сказать, не городъ, потому что лѣтомъ Петербургъ пустъ: но дачи, и деревни, и заграничныя мѣстопребыванія лицъ, знавшихъ ихъ.

Тысяча тысячъ улыбокъ возродились изъ этой вѣсти, и полетѣли голубями, отъ колоды къ колодѣ, и разговорамъ не было числа. Нашлись люди, обозвавшіе Лаврецова глупцомъ, потому что онъ будто бы своего характера не выдержалъ, что ему слѣдовало, просто на просто, ограничиться званіемъ перваго любовника своей красавицы, а не жениться на ней. Возбуждены были и споры, и разныя новыя мысли, и предположенія на этотъ частный, и на другіе общіе вопросы.

Побужденіе Варсонофія Евграфовича, вызвавшее посредничество Макалинскаго, было скверное побужденіе, и старику и въ голову не приходило думать: на что онъ идетъ и что его ожидаетъ?

Съ первыхъ шаговъ своихъ въ квартирѣ Лизы, развалина подпала какой-то, до сихъ поръ неиспытанной ею, благотворной атмосферѣ.

Онъ, Варсонофій Евграфовичъ, идя въ первый разъ къ Лизѣ въ качествѣ любовника, нафабрился, напудрился, выбрился, подтянулся и, даже, разшаркнулся передъ своею красавицею, стараясь скрыть усталость, одолѣвшую его при подъемѣ на лѣстницу....

Лиза поторопилась придвинуть стулъ, — старикъ усѣлся и отдохнулъ... съ этого и началъ онъ отдыхать подлѣ Лизы.

Прошло немного, очень немного дней со времени перваго посѣщенія, какъ Варсонофій Евграфовичъ былъ и обнятъ, и обвѣянъ, и успокоенъ доброю, красивою, хотя и болѣзненною женщиною. Онъ, неуважавшій во всю свою жизнь никого рѣшительно, почуялъ къ Лизѣ глубокое, безпредѣльное уваженіе, зародившееся въ двухъ крупныхъ причинахъ: сначала въ сознаніи Варсонофіемъ Евграфовичемъ своего престижа, своего всемогущества надъ Лизою, и потомъ въ той силѣ, которая присуща всякой красотѣ и добру, которая безспорно воплощалась въ его любовницѣ.

Старикъ таялъ совершенно и онъ приходилъ таять ежедневно, и онъ любилъ, не сознавая этого, чувствовалъ въ сердцѣ своемъ пошевеливанье такихъ чувствъ, которыхъ, до сихъ поръ, не трогалъ въ немъ рѣши-

тельно никто, и которыя такъ и прыгали подъ мелкими вниманіями, заботами, ласками, предупредительностью Лизы. Съ нимъ происходило совершенно тоже, что и съ Лаврецовымъ, относительно Вари.

И Лиза дѣлала это съ полнымъ сознаніемъ обязанности, принятой ею на себя, своего долга; она берегла, холила и уважала старика, и онъ, — онъ влюбился, обоготворилъ ее и ея ребенка, и скоро забылъ въ ней содержанку, для другихъ, болѣе честныхъ и менѣе рѣзкихъ и утомительныхъ, ощущеній.

Не имѣвъ никогда дѣтей, Варсонофій Евграфовичъ неожиданно призналъ себя отцомъ. Красивая и молодая женщина и маленькое, пухлое, невинное созданьице жили имъ, ждали, любили его, и только его. Общее характера Лизы не навѣвало на старика даже и тѣни подозрѣнія въ искренности ея. Не лишенный природнаго ума, изуродованнаго и искомканнаго долгою жизнью и всякими службами, старикъ чуялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и, наглядѣвшись вволю на обманы и фиглярничанья, отдыхалъ, какъ мы сказали, на склонѣ лѣтъ, подлѣ люльки ребенка и подлѣ честной женщины.

Не много помутились было его свѣтлыя хаживанья къ Лизѣ, послѣ сообщенія ему ею разсказа о своемъ прошломъ. Старика, какъ будто, покоробило при названномъ Лизою имени Лаврецова. Имѣй онъ предшественниковъ больше, чѣмъ одного, но только неизвѣстныхъ ему, онъ бы, пожалуй, ничего, — но именно Лаврецовъ!!..

Впрочемъ, эта непріятность исчезла какъ тучка, растаявшая въ небѣ, и ко времени предстоявшей свадьбы

Въ ожиданіи прибытія стремящейся къ Петербургу Надриковой и разрѣшенія развода Богинскихъ, мы просимъ читателя войти вмѣстѣ съ нами въ квартиру Лизы Бахмутовой, которой читатель, вѣроятно, не забылъ, съ которою мы простились—въ форточкѣ, послѣ ухода отъ нея Макалинскаго.

Въ квартирѣ этой снова заиграла жизнь, въ обликѣ довольно странномъ, конечно, и, если хотите, не лишонномъ комическихъ сторонъ.

Дѣло въ томъ, что ежедневно, въ два часа пополудни, въ уютную и свѣтлую квартиру Лизы звонилъ, на правѣ хозяина, Варсонофій Евграфовичъ; ему отпирали дверь, его усаживали на диванъ, ему были рады...

Лиза стала содержанкою Варсонофія Евграфовича....

Но, что за славное дитя, что за удивительное существо былъ ребенокъ ея, начинавшій, мало по малу, оглашать комнаты своимъ звонкимъ, серебрянымъ смѣхомъ! Какъ роскошно пробивалась краска на его пухлыхъ щечкахъ, какъ бѣлы и нѣжны были маленькія, словно на заказъ сдѣланныя, ручки! какъ живы движенія и какъ безоблачны глаза!

Ну, словомъ, этотъ ребенокъ былъ чудомъ. Еще Шекспиръ призналъ за незаконными дѣтьми какія-то физіологическія и психологическія преимущества. Шекспира Лиза Бахмутова не знала, но въ чудесность своего ребенка вѣрила.

Минуты величайшаго, единственнаго на землѣ, счастья переживала она, видя и замѣчая, не по днямъ, а по часамъ, ростъ дитяти. Громадность жертвы, жертвы собою, принесенной ею, исчезала въ любящей и нѣжной

душѣ Лизы; этому способствовала, отчасти, и недостаточность развитія Лизы и ея, почти совершенная, необразованность, мѣшавшая ей понимать «la portée de sa faute», какъ говорятъ французы. Вѣрно то, что, если когда-нибудь дитя ея, ставъ человѣкомъ и принявъ на вѣру нѣкоторыя изъ правилъ, обычаевъ и странностей общества, осмѣлится бросить камнемъ въ память своей матери, — оно сдѣлаетъ величайшее преступленіе и безсовѣстно превыситъ свои права.

Но этого не будетъ! Подъ ласками Лизы, подъ ея поцѣлуями, изъ ея былыхъ страданій, — почерпнетъ дитя, если тому суждено, и разумъ, и чувство, и честную волю... Если этого не случится, если вліяніе доброй и любящей матери не всесильно; если, однажды совершонная, ошибка должна пережить поколѣніе и не отсохнетъ на своемъ собственномъ корнѣ, то причины этого нужно будетъ искать не въ ней, не въ ошибкѣ, а въ чомъ-нибудь болѣе общемъ.... Но, человѣкъ хочетъ вѣрить въ хорошее, и онъ вѣритъ, особенно въ томъ случаѣ, если это хорошее уже проявляетъ себя чѣмъ-нибудь.

Въ настоящемъ случаѣ оно проявило себя на Варсонофіѣ Евграфовичѣ.

Эта почтенная развалина, отъ поры до времени просовывавшаяся въ нашемъ разсказѣ, свидѣтель чуть-ли не отечественной войны, вальсовъ въ три темпа, ридикюлей въ рукахъ женщинъ и манжетовъ на мужчинахъ, весь покрытый регаліями, дребезжавшій ими и пустотою прожитыхъ годовъ, — эта развалина, вдругъ, зазеленѣла, ожила!

къ извѣстнымъ центрамъ... Новая жизнь давно уже вступила въ свои права и разставила повсюду своихъ фетишей и факировъ, а старая еще живетъ, то тамъ, то сямъ, и отправляетъ свои богослуженія, чествуетъ своихъ пророковъ и боговъ, и ворчитъ, и обижается, и злословитъ...

Такимъ именно центрикомъ отошедшей жизни стала квартира Лизы, нечуявшей, въ простотѣ души, собирать вкругъ себя недовольныхъ!!

А старики относились къ числу недовольныхъ, это безспорно!

Одинъ изъ нихъ былъ когда-то очень близокъ къ Аракчееву, и принималъ весьма дѣятельное участіе въ производствѣ слѣдствія объ убійствѣ любовницы графа, домоправительницы Настасьи. Другой началъ свою карьеру подъ особеннымъ покровительствомъ Шишкова и пользовался большимъ расположеніемъ извѣстнаго Фотія...

Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія едва-ли нужны намъ; скажемъ только, что оба старика были очень стары и доживали свои дни совершенно отчужденные отъ какихъ бы то ни было дѣлъ, даже отъ чтенія, потому что литературный періодъ, понимавшійся ими, ихъ періодъ, окончился съ Булгаринымъ и Гречемъ, и далѣе „Сѣверной Пчелы“ не пошолъ.

Долголѣтію обоихъ способствовали систематическія посѣщенія ими минеральныхъ водъ. Первый изъ нихъ объѣздилъ всѣ рѣшительно русскія грязи: Сакскія, Танакскія, Аренбургскія и Севастопольскія, а второй предпочиталъ сѣрныя ванны остальнымъ и побывалъ, по

многу разъ, на Сергіевскихъ, Ленкоранскихъ, Пятигорскихъ и Тифлискихъ водахъ.

Что касается до самого Варсонофія Евграфовича, то онъ никогда, никакихъ лекарствъ и водъ не употреблялъ и отъ души посмѣивался надъ всякою медициною, что вызывало зависть обоихъ пріятелей.

Завидовали они и пріобрѣтенію Лизы.

Безконечно пріятна была эта зависть Варсонофію Евграфовичу, и онъ водилъ къ Лизѣ старичковъ часто, чуть не каждый день.

— Дай-ка мнѣ дитю, Лизанька, говорилъ онъ, сидя въ креслѣ и завидя ее съ ребенкомъ.

Лиза отдавала ребенка. Старикъ бралъ его въ руки и поднималъ надъ собою.

Ребенокъ, въ одной рубашенкѣ, бѣленькій и чистенькій, дрыгая ножками, не особенно любилъ качаться въ воздухѣ, и принимался обыкновенно плакать. Варсонофій Евграфовичъ цюцюкалъ ему, покачивалъ головою, напѣвалъ пѣсеньки, но ничто не помогало.

Плачу ребенка способствовали иногда и присутствовавшіе тутъ-же, въ качествѣ зрителей, пріятели.

Сидя подлѣ хозяина, уставивъ глаза кверху на дитю, словно астрономы, и улыбаясь, вторили они „дѣдушкѣ“, пощипывали малютку, и случалось иногда, что всѣ трое принимались цюцюкать одновременно.

Ребенокъ плакалъ тогда сильнѣе прежняго и кончалось тѣмъ, что мать брала его къ себѣ на руки и уносила.

— Экое вамъ счастье какое, говорилъ аракчеевскій старичекъ Варсонофію Евграфовичу.

Лаврецова, съ извѣстіемъ о которой пришелъ къ Лизѣ самъ Варсонофій Евграфовичъ, отъ нея, отъ тучи, не было и слѣда.... Лизу, при имени Лаврецова, всегда обдавало холодомъ, а при рѣчи о женитьбѣ его она должна была побороть въ себѣ тяжолое впечатлѣніе, чтобы не выказать его Варсонофію Евграфовичу.

— Судьба! проговорила она: дай Богъ ему счастья....

Какъ сказано: Варсонофій Евграфовичъ являлся къ Лизѣ ежедневно.

Но старику казалось мало быть счастливымъ, онъ хотѣлъ, чтобы это счастье его видѣли и другіе. Тщательно скрывая отъ всѣхъ знакомыхъ свой грѣшокъ и его адресъ, старикъ подѣлился тайною съ двумя старыми пріятелями, подъ условіемъ совершенной скромности ихъ. Онъ привелъ ихъ къ Лизѣ и они хаживали съ нимъ часто и любили бывать у нея.

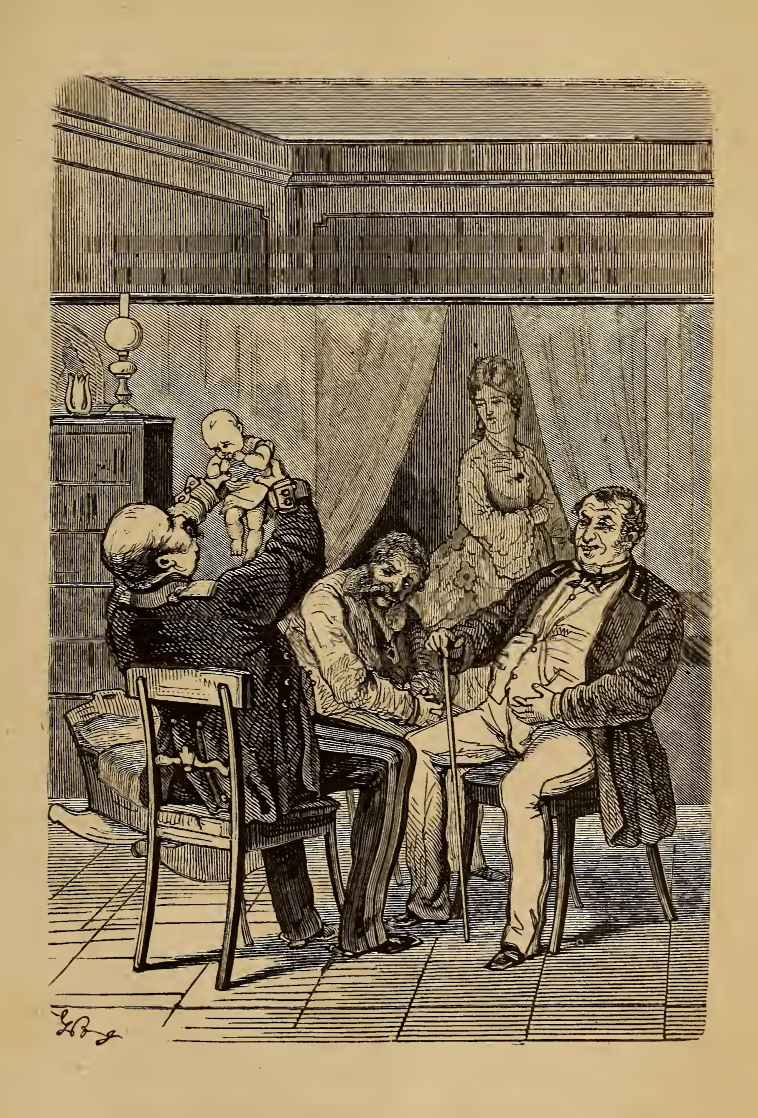
За бутылкою хорошаго вина и сытнымъ обѣдомъ (о наймѣ кухарки и винахъ заботился самъ Варсонофій Евграфовичъ), старички, бывшіе когда-то „силами", коротали время свое въ безконечныхъ разговорахъ, въ воспоминаніяхъ о золотомъ прошедшемъ; партія преферансика составлялась своевременно, и, огромною, незамѣнимою потерею для отечественной исторіи текущаго столѣтія было то, что не случалось въ квартирѣ Лизы стенографа, для записыванія всего, что говорилось въ ней.

Не боясь присутствія нескромныхъ глазъ и ушей, отгородившись отъ текущихъ событій и вопросовъ дня входною дверью съ лѣстницы и двойными рамами въ окнахъ, пріятели поднимали, въ формахъ анекдо-

товъ и сообщеній, такіе факты, имѣвшіе мѣсто между тридцатыхъ и пятидесятыхъ годовъ, что человѣку непосвященному не только сочинить ихъ, но и повѣрить имъ невозможно. Старички, прежнія „силы", называли главныхъ дѣятелей по именамъ: всѣ они приходились имъ то кумовьями, то знакомыми, то друзьями. Событія, повидимому, совершенно независимыя одно отъ другаго, приводились ими въ самую тѣсную, неразрывную связь; темные, забытые люди являлись главными пружинами далеко не темныхъ и незабываемыхъ фактовъ; какое-нибудь слово, какая-нибудь записочка, или просто насморкъ или несвареніе желудка, становились въ рѣчахъ старичковъ историческими дѣятелями.... и никто не позволялъ себѣ смѣяться надъ говорившими, никто не гонялъ ихъ, не сердилъ своими замѣчаніями!! Старички дѣлали свои сообщенія съ должною важностью, облекая ихъ характеромъ какого-то богослуженія.

Ну и доставалось-же отъ нихъ тому, другому, третьему изъ нынѣшнихъ, и хорошо, что двери на лѣстницу были двойныя и что не было нескромныхъ соглядатаевъ. И очень далеки были старики отъ приличнаго ихъ лѣтамъ хладнокровія и злобны были они иногда, и злословили, и потряхивали головами, и предрекали не хорошее....

Ненужная, отошедшая жизнь, представителями которой являлись Варсонофій Евграфовичъ и его пріятели, никогда не убирается изъ настоящаго въ прошедшее сразу. Она стягивается съ поверхности земной, какъ баталіоны разбитой арміи, къ сохранившимся знаменамъ,

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

— Помните вы, начала она, подсѣвъ къ нему на диванъ: — помните вы, какъ на этомъ самомъ мѣстѣ хотѣли вы поцѣловать меня?

— Я... да... помню... Я пошутить хотѣлъ, пошутить, отвѣтилъ Варсонофій Евграфовичъ, немного смѣшавшись.

— Объ этомъ, говорила Варя: — никто, рѣшительно никто, ничего не знаетъ. Хотите вы, чтобы Геннадій не зналъ этого?

— О! да вѣдь ты Варичька, т. е. Варвара Осиповна...

— Пожалуйста, безъ вы, — и по прежнему ты, прибавила Варя.

— Ну, хорошо... ну ты... ты сама должна понять...

— Я и понимаю, очень хорошо понимаю. Такъ вотъ видите-ли: если вы не хотите, чтобы я сказала Геннадію, вы сдѣлаете для Лизы Бахмутовой и ея ребенка, — все, все, что можете сдѣлать.

Варсонофій Евграфовичъ зашевелился всею своею особою и крякнулъ.

— Полноте, полноте... вѣдь я все знаю, проговорила Варя: — знаю, и хотите, скажу вамъ прямо, какъ я всегда говорю, я начала васъ и любить, и уважать только теперь...

— Какъ, какъ, какъ такъ! опѣтушился было Варсонофій Евграфовичъ, но далѣе слова: — какъ, — не пошелъ.

Старику было крайне неловко. Карикатурность его положенія совершенно исчезавшая въ квартирѣ Лизы, въ ея безпредѣльно довѣрчивомъ и любящемъ обхожденіи, проступила теперь, въ разговорѣ съ третьимъ

лицомъ, и именно съ Варею, въ самыхъ странныхъ краскахъ. Онъ смѣшался и спутался, точно пойманный на запрещонномъ занятіи ребенокъ, и не зналъ, что ему отвѣчать.

Варя продолжала.

— Я не скажу ни слова, ни Геннадію, ни тетушкамъ, но — сдѣлайте доброе дѣло, для нея и для малютки. Вѣдь вы богаты?

— Но...

— Нечего, что за но!? да или нѣтъ?

— Но что-же я могу...

— Вы все можете, все... и я буду слѣдить за этимъ, напоминать... и чѣмъ больше вы сдѣлаете, тѣмъ больше буду я любить васъ.

Скоро, вслѣдъ за этимъ, съ Геннадіемъ Ивановичемъ вмѣстѣ, вошли въ комнату и обѣ тетушки.

— Поздравляемъ, поздравляемъ... тараторили онѣ на всѣ манеры, — кончено, кончено!

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорила Варя, вставъ съ мѣста и выжидая подтвержденія со стороны Геннадія.

Дѣло шло о весьма важномъ посѣщеніи Лаврецовымъ — консисторіи. Посѣщеніе кончилось самымъ удачнымъ образомъ, — разводъ переходилъ въ фактъ и отступленіе сдѣлалось невозможно.

— Не совсѣмъ кончено, но идетъ хорошо, отвѣтилъ Лаврецовъ и обнялъ Варю, бросившуюся къ нему стремительно и откровенно.

По окончаніи сообщеній Лаврецова о томъ, какъ и что было сдѣлано, и послѣ повторенія поздравленій, вошолъ человѣкъ и доложилъ, что обѣдъ готовъ.

— Да, да, счастье, повторялъ шишковскій.

— Жить умѣю, голову на плечахъ ношу, да на водахъ не бывалъ, отвѣчалъ Варсонофій Ерграфовичъ: — и не будь мнѣ седьмаго десятка, плюнулъ бы я на все, и женился...

Обѣды, бесѣды и пулечки требовали цѣлаго дня, и сиживалъ Варсонофій Евграфовичъ у Лизы цѣлые дни и забывалъ своихъ знакомыхъ.

— Куда это вы запропащиваетесь, мой милый, говорила ему Надежда Петровна Кокольцова, въ одно изъ посѣщеній имъ ихъ дачи въ Царскомъ Селѣ: — васъ, просто, не видно нынче?

— Служба-съ, занятія!

— Э! полноте, какая у васъ можетъ быть служба, одна только слава, что служба, да и какая служба лѣтомъ?

— Все у насъ преобразованія идутъ, возражалъ Варсонофій Евграфовичъ: — вы не повѣрите, какъ это непріятно. Друзей забывать приходится.

— Такъ-ли, мой милый, отвѣчала Надежда Петровна: — ужъ не похожденьице-ли какое на старости лѣтъ затѣяли. Въ этомъ вы, мужчины, гораздо счастливѣе насъ, гораздо! добавила она, и вздохнула...

Къ одному изъ подобныхъ разговоровъ подошла къ говорившимъ Варя, переѣхавшая до свадьбы, т. е. до зимы (разводъ долженъ былъ совершиться не ранѣе осени), на дачу Кокольцовыхъ, въ Царское Село.

— А вотъ и наша разводка, проговорилъ Варсонофій Евграфовичъ, желая перевести разговоръ на другую тему: — ну, что-же, былъ вашъ у васъ сегодня?

Варсонофій Евграфовичъ началъ говорить Варѣ вы, со времени возвращенія ея въ домъ тетокъ.

— Нѣтъ еще, отвѣтила Варя: — но жду съ минуты на минуту.

— Онъ-то будетъ, возразила Надежда Петровна, руководимая чувствомъ, совершенно противуположнымъ тому, которое сказалось въ ея старомъ обожателѣ: — а вотъ Варсонофій Евграфовичъ, тотъ насъ забываетъ, совсѣмъ забываетъ и не ходитъ. Извѣстное дѣло, холостой человѣкъ, прибавила Надежда Петровна не безъ злобы.

— Ахъ, кстати, проговорила Варя: — у меня до васъ, Варсонофій Евграфовичъ, просьба есть. Только это по секрету.

— Ну такъ я уйду, отвѣтила тетушка и направилась къ дверямъ, волоча за собою свой длинный шолковый хвостъ.

— Мы только на минуту, ma tante, прибавила Варя къ уходящей: — на минуту.

Тетушка вышла. Ей запала въ голову мысль подслушать; но эта мысль, не смотря на всю ея пріятность, осталась неисполненною, по той причинѣ, что Надежда Петровна, совершенно справедливо, предугадала, что Варя взглянетъ въ сосѣднюю комнату, ей вслѣдъ, прежде, чѣмъ начнетъ говорить.

Варя дѣйствительно взглянула и, только увидѣвъ, какъ юркнулъ, за уходившею, хвостъ ея въ третьи двери, вернулась къ Варсонофію Евграфовичу.

Старикъ тоже не ошибся въ томъ, о чемъ намѣрена была Варя говорить съ нимъ, — это было о Лизѣ Бахмутовой.

санные по сидѣніямъ, — Анна Ѳедоровна, съ большимъ усиліемъ, скрыла свое нетерпѣніе въ самой полной неподвижности и въ упрямомъ молчаніи.

Быстрота хода поѣзда казалась ей недостаточною; Вассъ, связывавшій вещи, крайне неловкимъ и медленнымъ; огороды, парники и кладбища, мимо которыхъ они проносились, подлиннѣвшими, увеличившимися, безконечными! Ей казалось, что весь Петербургъ ушолъ въ парники и кладбища.

Въ промежутокъ какихъ-нибудь пяти минутъ перебрала она въ мысляхъ своихъ все то, о чемъ думала днями, недѣлями, въ деревнѣ мужа, и въ дорогѣ. Сомнѣнія и надежды тѣснились въ ней, одни рядомъ съ другими, точно народъ у кассы театра, передъ замѣчательнымъ и единственнымъ представленіемъ какого-нибудь заѣзжаго таланта первой величины. Между сомнѣніями и надеждами протискивались къ узкому окошку кассы и всякіе планы, — потому что нельзя-же было не дѣлать плановъ. Сознаніе ея, игравшее, въ настоящемъ случаѣ, роль кассира, рѣшительно не успѣвало выдавать билеты и мѣнять деньги, и отъ напора толпы, отъ давки, казалось не выдержатъ стѣны и подадутся столбы...

Остановился поѣздъ. Вышли изъ вагона.

На галлереѣ ждалъ Надриковыхъ нашъ знакомецъ Василій, увѣдомленный по телеграфу о пріѣздѣ господъ. У выхода ожидала карета Надриковыхъ и, полъ-часа спустя, путешественники наши вошли въ свое обиталище, встрѣченные женою Василія, несказанно обрадовавшеюся своимъ господамъ.

Ждалъ въ квартирѣ, вытребованный, тоже по телеграфу, и Митенька со своею кормилицею и тетушкою, у которой онъ обрѣтался. Тетушка была рада также несказанно, какъ и жена Василія, но радость ея была искреннѣе, потому что пріѣздъ матери освобождалъ ее отъ ребенка.

У Митеньки, какъ неоспоримое свидѣтельство хорошаго за нимъ ухода, по срединѣ лба былъ желвакъ, жолтый въ срединѣ и позеленѣвшій съ краевъ, а слѣдовательно не первой молодости.

Желвакъ этотъ замѣтилъ прежде Анны Өедоровны,— Вассъ и началъ цѣловать сына именно съ этого желвака.

Это было такъ человѣчно и такъ понятно!

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій и короткихъ разспросовъ, публика распредѣлилась по группамъ. Вассъ Оровичъ съ теткою пошли помѣщать сына въ дѣтскую, а Анна Өедоровна пошла въ спальню и будуаръ...

Воспоминаніе о Викентіѣ было первымъ и промелькнуло въ ней безслѣдно, за то съ быстротою самою суетливою обратилась Надрикова въ шкатулкѣ, въ которую спрятала письмо Лаврецова, и, оглядѣвшись, достала его...

Сердце ея забилось необыкновенно сильно, когда она коснулась листковъ письма и развернула ихъ. Она, стоя на мѣстѣ, прочла письмо отъ слова до слова, прочла медленно, иногда возвращаясь къ точкамъ; потомъ перечитала еще разъ, и еще, и закружились въ ней мечты, какъ кудри снѣга подъ мятелью, и даже не вспомнились ей, ни единымъ словомъ, тѣ афоризмы, которые

Варсонофій Евграфовичъ, подавъ руку Надеждѣ Петровнѣ, направился первымъ, за нимъ слѣдовала Марья Петровна.

— Эта свадьба, говорила Надежда Петровна Варсонофію Евграфовичу вполголоса: — эта ихъ свадьба мое дѣло; я, я тутъ главная виновница. Я знала, что кончится этимъ, знала...

Старики давно уже прошли въ столовую, и приложились къ закусочкѣ, когда Геннадій и Варя только еще собрались идти имъ вслѣдъ.

— Слушай, моя дорогая, говорилъ Лаврецовъ, вспоминая тяжолый сонъ той ночи, которая предшествовала сценѣ у Богинскаго: — какое счастье, что сонъ этотъ... ну, если бы, дѣйствительно, ты была беременна?... Я бы... я не знаю... но...

— Что-же, ты бы не взялъ меня?

— О! нѣтъ, безъ тебя мнѣ нельзя... только видишь-ли, видишь-ли...

— Ничего я не вижу, Геннадій, и ничего не хочу видѣть, но хорошо, что сонъ твой солгалъ...

Приходъ обоихъ въ столовую, былъ отсроченъ еще на нѣсколько мгновеній...

Глава XXIV.

Теперь, теперь быстрыми шагами къ концу, къ встрѣчѣ Надриковой съ Лаврецовымъ.

Да и встрѣтятся-ли они?

По мѣрѣ приближенія Надриковыхъ къ Петербургу, приближенія, совершавшагося, по странной прихоти случая, какъ разъ вслѣдъ за описанными нами сценами и разговорами, Анна Ѳедоровна, на послѣднихъ верстахъ пути, переживала странныя и необыкновенно долгія минуты.

Едва только замерцали издали купола Смольнаго монастыря, Исакія, и потянулись издали, вправо отъ пути, ряды длинныхъ дымившихся трубъ фабрикъ и заводовъ, обрамляющихъ Неву, — и Вассъ Оровичъ началъ связывать пледы, книжки и подушки, разбро-

выработала она себѣ когда-то съ такимъ трудомъ и въ этомъ самомъ будуарѣ!

Что прикажете? такъ ужъ видно это должно было быть. Натура была мечтательная!

Поѣздъ изъ Москвы, какъ извѣстно, приходитъ къ вечеру. Вечеромъ люди пьютъ чай, а къ ночи ложатся спать.

Такъ точно поступили и Надриковы послѣ ухода тетушки. Вассъ Оровичъ не замедлилъ захрапѣть самымъ откровеннымъ образомъ, а жена его еще обрѣталась въ будуарѣ и держала въ рукахъ опять-таки тоже письмо.

— „Дѣлайте, что хотите, но я долженъ говорить съ вами, видѣть васъ“...

Такъ сказано было въ письмѣ, между прочимъ...

— А вѣдь его нѣтъ подлѣ? Гдѣ-же онъ?! . . . . О! да приходи-же, приходи поскорѣе, удивительный, странный человѣкъ къ обожающей тебя женщинѣ!... Приходи сюда, теперь, сію минуту... Усталая съ дороги, которую она сдѣлала для тебя-же, она найдетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы приласкать, приголубить; она горитъ и трепещетъ, и не будетъ у нея тайнъ отъ тебя; она не удержитъ стыдливостью, какъ не потерпитъ и твоей скромности... Ты ея мечта, ея жизнь, ея страсть... и какъ-же ты хорошъ, какъ ты могучъ, мой повелитель!? будь только здѣсь, у меня, явись и я стану рабою твоею! Я такъ долго, такъ томительно ждала; я бѣжала отъ тебя, искала укрыться, — но нѣтъ, нѣтъ!.. Такъ возьми-же, возьми скорѣе, это все твое, а ты еще просишь только увидѣть меня... Ты шутишь, ты дразнишь меня какъ ребенка, а я не ре-

бенокъ, я сама тебѣ по плечо... Развѣ мы не пара?! Гляди!...

Вотъ приблизительный очеркъ думы Надриковой, надъ письмомъ Лаврецова. Голова ея горѣла, губы были сухи, дорожное платье — разстегнуто... Она отбросила рукою набѣгавшіе ей на лобъ волоса и сидѣла, облокотясь на руку, почти неподвижно, до полуночи, пока не сообразила, что ей нужно тоже лечь спать, и что не хорошо-же быть завтра и блѣдною и усталою.

— Можетъ быть, завтра-же встрѣчу я его? рѣшила она и вошла въ ближайшій районъ храпа мужа, двигавшагося густыми волнами, и легла почивать...

Прошла ночь, занялось утро, — день второй.

Вассъ Оровичъ всталъ рано и, выпивъ кофе, часовъ въ 10, пока жена еще спала, направился изъ дому.

Первымъ дѣломъ его было посѣтить Челаева...

Мировой судья не былъ болѣе мировымъ судьею. Мы предвидѣли это въ началѣ нашего разсказа. Выборы, имѣющіе у насъ мѣсто въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцахъ, не вывезли, на этотъ разъ, Челаева и слѣдствіемъ этого было то, что изъ квартиры его исчезла цѣпь мироваго судьи, а осталась одна только нагайка. Осталась у него и привычка отправлять правосудіе, и онъ отправлялъ его, къ приходу Васса, надъ своими собаками.

Истцомъ, на этотъ разъ являлась „Джемма“, сильно покусанная новымъ, еще незнакомымъ Вассу Оровичу, товарищемъ своимъ, молодымъ бульдогомъ „Булемъ“, пріобрѣтеннымъ Челаевымъ отъ гатчинскаго охотника. Преступленіе, какъ показывала кухарка Челаева, совершено было по срединѣ двора и въ сообществѣ неиз-

вѣстныхъ бродягъ, забѣжавшихъ къ „Джеммѣ“ съ улицы; противъ послѣднихъ рѣшеніе могло состояться только заочное, но бульдогъ былъ на лицо и спрятался подъ стулъ, а „Джемма“ покоилась передъ хозяиномъ на полу, положивъ голову между переднихъ лапъ, жалобно похлопывая и поводя глазами.

Кругомъ сидѣли, поджавъ хвосты и навостривъ уши, четыре другихъ собаки Челаева. Самъ Челаевъ стоялъ по срединѣ комнаты крупный, безапелляціоный, и рѣшеніе и кассація одновременно, растопыривъ ноги, сложивъ руки по наполеоновски и держа въ одной изъ нихъ вѣщую нагайку.

Во всей этой картинѣ было что то напоминавшее, какъ нельзя болѣе, Гуливера, съ тою разницею, что Челаева окружали не лилипуты, не лошади лошадинаго царства, а собаки, и что самъ онъ былъ не въ чулкахъ, башмакахъ и камзолѣ, какъ ходили во времена Свифта, а въ обыкновенномъ, житейскомъ платьѣ современнаго намъ горожанина.

— „Милостивые государи!“... такъ началъ бы Свифтъ обращеніе Гуливера къ лилипутамъ или лошадямъ, и такъ именно, если судить по очертанію всей сцены, долженъ бы былъ обратиться къ собакамъ Челаевъ, еслибы онъ, подобно Гуливеру, принадлежалъ странѣ, имѣющей парламентъ, — но Челаевъ говорилъ иначе:

— Ахъ ты бездѣльникъ! ахъ ты...

Въ это самое время раздался звонокъ Васса и рѣчь была прервана сердитымъ и продолжительнымъ ворчаньемъ собакъ. Лаять осмѣлился было только „Буль“...

— Ту-бо Буль! закричалъ Челаевъ.

„Буль“ замолчалъ, а въ отворившіяся двери осторожно, какъ бы съ готовностью захлопнуть ихъ передъ собою въ каждую данную секунду, просунулась знакомая намъ фигура Васса.

— А!? какимъ образомъ!? проговорилъ Челаевъ, бросивъ нагайку на столъ и направившись къ пришедшему.

Задвигались и собаки, кромѣ бульдога подъ стуломъ, и число ихъ, сбѣжавшихся къ дверямъ, благодаря виляні̇ю хвостовъ, показалось Вассу большимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

— А что, братъ, они — ничего?! замѣтилъ онъ, оглядывая обнюхивавшихъ его собакъ со страхомъ и уваженіемъ.

— Ничего, ну да я ихъ прогоню, погоди.

Челаевъ открылъ двери сосѣдней комнаты и вслѣдъ за сказаннымъ имъ „брысь!“ и по указанію руки, собаки бросились бѣжать дружно, вскачь, одна черезъ другую, кромѣ бульдога, и комната опустѣла.

Видимо было, что собаки къ этому маневру привыкли.

Пока Челаевъ занимался выпроваживаніемъ ихъ, Вассъ не замедлилъ дать себѣ отчотъ въ томъ, что въ пріятелѣ его произошла какая-то сильная перемѣна. Онъ поблѣднѣлъ, пожелтѣлъ, да и самая встрѣча была както нерадушна или, лучше, могла бы быть радушнѣе.

— А у тебя, братъ, новые псы есть, спросилъ Вассъ, глядя на бульдога, когда Челаевъ, выпроводивъ собакъ, обратился къ нему.

— Всего одна, — вотъ эта! и онъ посмотрѣлъ на

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, домъ № 53.

остававшагося подъ стуломъ, сердито поглядывавшаго новичка.—Ну, а ты что? какъ? зачѣмъ такъ скоро? что жена?

— Жена — спасибо, а возвратились потому, что вѣдь ужъ осень, пора!

— Да, да, осень! а я братъ больше не судья, ты знаешь, проговорилъ Челаевъ.

— Какъ?!

— Да, такъ... не судья.

— Что!?... но, что-же ты дѣлать будешь?

— Пока-что ничего, а тамъ посмотрю. Уѣду.

— Однако?!

— А вѣрнѣе, что тутъ останусь. Привыкъ.

— Да, но дѣло-то, дѣло какое у тебя будетъ, возразилъ Вассъ, не постигавшій возможности существованія человѣка, не приписаннаго къ какому-либо дѣлу.

— То есть, что ты подразумѣваешь подъ дѣломъ? вопросилъ Челаевъ, сильно уколотый словами Васса.

— Ну, занятіе, должность, трудъ, дѣло какое-нибудь!

— Я, братецъ ты мой, отвѣтилъ Челаевъ, довольно рѣзко и стараясь улыбнуться: — я — открою лечебницу для собакъ, исключительно для приходящихъ.

— Ты смѣешься Иванъ Артамонычъ!

— При лечебницѣ, продолжалъ Челаевъ, устрою я безплатныя чтенія о физіологіи и Дарвинѣ — съ доброхотными пожертвованіями въ пользу неимущихъ студентовъ; устрою, для пользы дѣла-же, концерты и любительскіе спектакли съ чтеніемъ стиховъ. Въ послѣдствіи, когда дѣло пойдетъ, думаю открыть газету на

акціяхъ; при редакціи, для развитія дѣла, будутъ у меня: дешевая кухмистерская и контора для веденія бракоразводныхъ дѣлъ. Вѣдь и ты придешь туда! Убѣжденъ, что редакція пуста не будетъ и лечебница для приходящихъ собакъ принесетъ плоды и прославитъ дѣльнаго учредителя. Все это вмѣстѣ, собакъ, разводы и кухмистерскую преподнесу тебѣ и ты заявишь мнѣ благодарность въ печати за мой трудъ и за мое дѣло! А Россія захлопаетъ въ ладоши — закричитъ мнѣ — исполать!

Сказанное было произнесено Челаевымъ быстро, безъ остановки, съ увѣренностью, не безъ жолчи и не безъ ироніи, а слушавшій его Вассъ, не успѣвшій еще оглядѣться въ комнатѣ, изумился.

Пока Челаевъ говорилъ, Вассъ поставилъ на столъ шляпу, снялъ перчатки и сѣлъ въ кресло. Онъ поглядывалъ на говорившаго искоса и отъ поры до времени.

— Что? поражонъ? спросилъ его Челаевъ кончивъ, и расхохотался.

Хохотъ этотъ былъ такъ звученъ и искрененъ, что Вассъ даже спутался. Особенно непріятно кольнуло его предположенное Челаевымъ устройство конторы для бракоразводныхъ дѣлъ, въ которую придетъ онъ, Вассъ! Онъ нашолъ это намекомъ и не ошибся.

Исходъ послѣднихъ выборовъ мировыхъ судей, отозвавшійся на Челаевѣ такъ невыгодно, измѣнилъ его совершенно и вызвалъ въ немъ къ жизни вторую, послѣдующую декорацію его нравственнаго бытія.

Подобныя перемѣны декорацій случаются, отъ поры до времени, рѣшительно во всякомъ изъ насъ.

Иногда происходитъ эта перемѣна не вдругъ, медленно, мѣстами, и замѣчается только по истеченіи весьма долгаго времени. Иногда происходитъ она вдругъ, по свистку!

Стягиваются, свертываются и проваливаются прежнія парусинныя стѣны, колонны и алтари, между которыми шло такое-то дѣйствіе и играли такіе-то актеры... Новыя парусины, подготовленныя исподволь, — выдвигаются. Тамъ, гдѣ была стѣна, явится, можетъ быть, поле, гдѣ красовался дворецъ — станетъ лачуга, гдѣ брызгалъ роскошный фонтанъ волшебнаго сада — поднимется прилавокъ аптекарскаго ученика, развѣшивающаго лекарства, и другая тутъ будетъ игра и иными станутъ актеры...

Само собою разумѣется, что вторая декорація, не смотря на всю противуположность внѣшнихъ очертаній ея съ очертаніями первой, будетъ дѣтищемъ ея по психической связи дѣйствія. Что было цвѣткомъ въ первомъ дѣйствіи, явится плодомъ во второмъ, что было плодомъ — разсыплется сѣмянами, что было сѣменемъ, дастъ ростокъ, и противорѣчія самыя полныя породнятся одни съ другими!!

Мы не ошибемся, если скажемъ, что то отношеніе, которое существуетъ между фотографическимъ изображеніемъ и негативомъ, давшимъ его, весьма часто находитъ мѣсто и въ жизни нашей и отличаетъ вчерашняго человѣка отъ сегодняшняго и дѣлаетъ почти невозможными, и во всякомъ случаѣ гадательными, слова, произносимыя весьма часто: я знаю такого-то, я хорошо знаю его!

Слова эти, часто, справедливы заднимъ числомъ.

Свисткомъ, раздавшимся надъ Челаевымъ, были выборы въ мировые судьи на наступившее трехлѣтіе. Онъ не попалъ въ судьи.

Весьма значительные задатки желчи и нервности, таившіеся въ немъ издавна и усыпленные, временно, торжествомъ удовлетвореннаго самолюбія,—заговорили и дали тонъ и обратили эксъ-судью въ число „недовольныхъ“.

То, что было въ Челаевѣ недостаткомъ выдержки и терпѣнія и что заставляло его давать рѣшенія, вызывавшія кассаціи,—что было только помѣхою, стало руководить имъ въ жизни, на всемъ широкомъ просторѣ свободной болѣзненной воли его и безъ страха какой-либо кассаціи.

То, что было въ немъ брюзгливостью, заставлявшею его мѣнять по три рубашки въ день, что выражалось уваженіемъ къ „принятымъ“ въ обществѣ обычаямъ, что дѣлало его только страннымъ, — перешло въ полную нетерпимость къ тѣмъ, кто не мѣняетъ по три рубашки въ день и кто не признаетъ „принятаго“ или того, что казалось таковымъ Челаеву.

Даже та честность, которая отличала его, какъ бы затуманилась и пошатнулась, и такимъ именно проявленіемъ затуманившейся честности было предположеніе, высказанное имъ Вассу, объ устройствѣ конторы для бракоразводныхъ дѣлъ, въ которую онъ, Вассъ, по словамъ Челаева, непремѣнно придетъ.

Преображеніе было полное и непостижимо быстрое. Подобную-же быстроту замѣтили мы и въ Лаврецовѣ, и въ Надриковой, и въ Варсонофіѣ Евграфовичѣ...

Да ужъ не въ этой-ли быстротѣ и полнотѣ преображеній сказывается отличительная черта нашего судорожнаго, переходнаго времени? и не чуется-ли въ этомъ поспѣшномъ исканіи новыхъ формъ и торопливомъ воплощеніи въ нихъ близкій конецъ нашихъ сѣренькихъ, беззавѣтныхъ дней?!

Взойдутъ тогда, выработаются и скажутся типы, установятся характеры, засвѣтятъ идеалы... Пульсъ жизни успокоится и время дастъ свой цвѣтокъ, лепестками котораго будутъ люди, характеры, физіономіи... И время это близко, очень близко, оно, можетъ быть, въ насъ и, навѣрное, въ дѣтяхъ нашихъ...

Только что было сказано, что Челаевъ, заговоривъ о бракоразводныхъ конторахъ, поступилъ нечестно. Скажемъ больше: онъ поступилъ сознательно не честно.

Одновременно со сдачею имъ дѣлъ своей камеры своему преемнику, когда желчь и недовольство уже начали въ немъ свою разрушительную работу, совершенно случайно узналъ онъ о разводѣ Богинскихъ. Весь городъ говорилъ тогда объ этомъ разводѣ, говорили и въ судейскихъ сферахъ, говорили и Челаеву. Онъ вспомнилъ встрѣчу свою съ ними у Надриковыхъ, во время ихъ свадебнаго визита; вспомнилъ параллели, протянутыя имъ между обоими мужьями.

Непосредственно вслѣдъ за полученіемъ свѣдѣнія о разводѣ, задумалъ онъ передать эти свѣдѣнія Вассу и искренно пожалѣлъ, что нѣтъ его подлѣ него, что онъ въ Крыму.

— Хоть бы онъ урокъ-то взялъ, думалось ему. — Пріѣдетъ — сообщу, если не узнаетъ раньше.

Вассъ пріѣхалъ и Челаевъ обрадовался возможности сообщить. Онъ бы прямо началъ съ этого сообщенія, но случилось иначе, а своя рубашка, какъ извѣстно, ближе къ тѣлу.

Вассъ имѣлъ неосторожность тронуть своимъ вопросомъ: какое будетъ занятіе у Челаева, какой трудъ, какое дѣло?—одинъ изъ самыхъ больныхъ нервовъ отставнаго мироваго судьи. Этотъ вопросъ ставилъ себѣ и Челаевъ, но онъ не хотѣлъ, чтобы другіе ставили его.

Поэтому, именно, сложился такъ красиво и вылился точно заранѣе приготовленный монологъ его, начавшійся съ лечебницы для приходящихъ собакъ и кончившійся на хлопаньи Россіи въ ладоши; поэтому обрадовался онъ замѣшательству Васса и даже расхохотался ему въ лицо.

— Эхъ! чиновники! русопеты! проговорилъ Челаевъ, когда хохотъ его поуспокоился: да что-же это вы дѣйствительно возможность человѣка безъ клички совсѣмъ потеряли? Развѣ я, не будучи пастухомъ, лавочникомъ, судьею, механикомъ, солдатомъ, или чѣмъ другимъ, для васъ не человѣкъ больше? Развѣ люди въ самомъ дѣлѣ неминуемо должны висѣть при какихъ нибудь дѣлахъ и занятіяхъ? Развѣ они только тогда и люди, когда они лавочники или механики?! Да ужъ не назовешь-ли ты дѣломъ и женитьбу, чортъ возьми, со всѣми ея послѣдствіями?

Это была вторая колкость.

Челаевъ остановился и выпятилъ на Васса глаза.

Замѣтилъ эту колкость и Вассъ, да и какъ было не замѣтить ее? При всемъ добродушіи своемъ, онъ былъ

ущемленъ за живое. Въ него пахнуло тѣмъ старымъ, непріятнымъ чувствомъ, которое испытывалъ онъ полгода назадъ, сидя за этимъ-же столомъ и на этомъ самомъ мѣстѣ, когда шло дѣло о дуэли. Оно было совсѣмъ позабыто, это чувство, а тутъ вдругъ...

— Иванъ Артамоновичъ! проговорилъ Вассъ, мнѣ кажется, что опровергнуть тебя не трудно. Положимъ, что я не считаю женитьбу дѣломъ, въ смыслѣ лавочничества, солдатства и проч., хотя семья — это дѣло, и не изъ послѣднихъ, но неужели-же ты не видишь, что, за недостаткомъ другаго, лучшаго, ты возводишь на степень дѣла и занятія—кормленіе своры собакъ?

— Собаки мои — не русскія собаки, а собаки, вообще!—собаки, такія, какъ и въ Америкѣ и въ Азіи, и вездѣ, и это другой вопросъ! — возразилъ быстро Челаевъ и зашагалъ по комнатѣ, схвативъ въ руку нагайку и махая ею по воздуху.

Вассъ, совершенно невольно, поднялся со стула и почесалъ лобъ. Онъ соображалъ...

— Однако, замѣтилъ онъ — я все-таки...

— Тутъ нѣтъ ни однако, ни все таки, возражалъ Челаевъ: —дрянь вы! смрадъ вы! дымъ вы! копоть, квашня и больше ничего!!

— Но...

— Да и но тутъ совершенно напрасно! Безпомощность вдоль и поперегъ, слякать въ мозгу, въ исторіи, въ администраціи, въ литературѣ, въ семьѣ! а тутъ еще дѣломъ заниматься! Да стоите-ли вы, чтобы порядочный, развитой человѣкъ сопричислилъ васъ къ лику людей?! да не опаршивѣетъ-ли всякій порядочный человѣкъ между вами?!

— Но, вѣдь, Иванъ Артамоновичъ, любишь-же ты...

— Собакъ моихъ люблю я! почти вскрикнулъ Челаевъ, рѣшительно мѣшая говорить Вассу: — и вотъ почему!

Онъ быстро подошолъ къ двери, отворилъ ее и кликнулъ собакъ.

Также точно дружно, вскачь, одна черезъ другую, какъ убѣжали онѣ, прибыли онѣ обратно и, окруживъ Ивана Артамоновича, лизали ему руки, махали хвостами, визжали и толкали одна другую.

— Меня онѣ любятъ! внушительно и не громко проговорилъ Челаевъ и даже улыбнулся, глядя на Васса, поглаживая собакъ и хлопая рукою по головамъ ближайшихъ къ нему.

— Значитъ—любовь! отвѣтилъ Вассъ, вздернувъ брови дугами: — этого нѣтъ у насъ, что ли?

Челаевъ покачалъ головою утвердительно и, нагнувшись къ мордѣ „Джеммы", ближайшей къ нему, взялъ ее въ обѣ руки и поцѣловалъ.

Оборотъ къ любви былъ довольно удаченъ, хотя и непредвидѣнъ, и Челаевъ ухватился за него, чтобы кончить хотя на чемъ нибудь, имѣющемъ подобіе смысла. Иначе рѣчь его зашла бы не-вѣсть куда, въ откровенія ясновидящаго, въ бредъ спирита. Да и вздохнуть хотѣлось ему и горло заболѣло.

Также точно взглянулъ на этотъ оборотъ и Вассъ, и даже истолковалъ его въ самую лучшую сторону, и подумалъ, нѣтъ-ли тутъ дѣйствительно въ словахъ Челаева какого-нибудь особеннаго, сокровеннаго, глубокаго смысла?!

Челаевъ, тѣмъ временемъ, пересталъ ласкать „Джемму“ и успокоился окончательно.

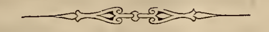
— Я, братъ, попрошу тебя, проговорилъ онъ: не заговаривай ты со мною о нѣкоторыхъ предметахъ... больно мнѣ... или нездоровъ я, что-ли, только не говори... лучше о другомъ чемъ. Когда пріѣхали?

— Вчера.

— Ну, вотъ это хорошо, что прямо ко мнѣ, спасибо,— отвѣтилъ Челаевъ и протянулъ Вассу руку.

Разговоръ пошолъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ прежде; говорили о знакомыхъ, о путешествіи, о скандалахъ. Челаевъ не могъ удержаться и сообщилъ таки Вассу о разводѣ Богинскихъ: онъ такъ давно задумалъ это сообщеніе! Поговорили на этотъ предметъ и, часа черезъ два, пріятели разстались. Челаевъ завалился на диванъ читать книгу, а Вассъ, не безъ ехидныхъ соображеній, направился за собраніемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о разводѣ Богинскихъ, для того, чтобы преподнести женѣ возможно полное и назидательное сообщеніе о немъ. Послѣднее было ему очень не трудно, черезъ посредство одного изъ сослуживцевъ своихъ, бывшаго хорошо знакомымъ въ домѣ Кокольцевыхъ.

Часу въ третьемъ, вооружонный всѣмъ необходимымъ, предсталъ онъ передъ Анну Ѳедоровну, само собою разумѣется, въ будуарѣ.

Глава XXV.

Надрикова сидѣла за изящнымъ письменнымъ столикомъ изъ розоваго дерева и писала письмо. По входѣ мужа она отложила перо и взглянула на вошедшаго.

Письмо ея назначалось, ни больше и ни меньше, какъ Лаврецову; былъ даже приготовленъ и конвертъ съ надписью. Она не дала себѣ труда спрятать ихъ: бумага и конвертъ оставались открытыми и такъ-таки и назначались вызвать Васса на вопросъ. Они могли бы быть спрятаны тридцать разъ, пока Вассъ добрался до будуара, но при той быстротѣ, съ которою жилось Надриковой въ послѣднее время, между звонкомъ мужа и его появленіемъ было задумано и рѣшено воспользоваться случаемъ и хватить быка за рога. Пусть, думала она, увидитъ онъ письмо! Отвѣтъ ея былъ тоже го-

товъ заранѣе: Надрикова шла на все, лишь бы покончить съ мужемъ. Выносить его дольше она не могла.

Вассъ, весь погруженный въ свои ехидныя соображенія, даже и не взглянулъ на письмо и не далъ себѣ труда замѣтить и понять ту странную улыбку, близкую перейти въ смѣхъ, которая легла именно поэтому на лицо его жены; онъ соображалъ, съ чего бы ему начать сообщеніе?

— Ну... что-же? проговорила Анна Ѳедоровна, какъ бы вызывая его сдѣлать именно тотъ вопросъ о письмѣ, котораго ей такъ хотѣлось. Что? повторила она, и забарабанила отъ нетерпѣнія пальчиками по синему бархату своего розоваго столика.

— Былъ я у Челаева.

— Ну?!

— И на службѣ былъ.

— Ну, а потомъ? спросила Надрикова, и, переставъ барабанить пальчиками по столу, стала бить своею хорошенькою ножкою, каблучкомъ башмака, по ковру. Она и ея ножка были въ крайне нервномъ, возбужденномъ состояніи и каблучокъ постукивалъ объ полъ весьма энергично.

— Могу тебѣ новость сообщить: Богинскіе разводятся.

— Право?! Что-жъ, это дѣло хорошее.

— И она выходитъ снова замужъ.

— Это еще лучше. За кого-же?

— За Лаврецова!

Каблучокъ Надриковой мгновенно остановился...

Прошло нѣсколько такихъ мгновеній, когда въ ней

двигалась, можетъ быть, одна только кровь, — все остальное застряло, остановилось и единственно двѣ свѣтлыхъ ярко сіявшихъ точки въ глазахъ, направленныхъ на Васса, отражавшія свѣтъ окна, свидѣтельствовали о томъ, что Анна Ѳедоровна не мумія, сидящая на стулѣ, а живое существо!

Поражаетъ людей такъ, какъ поразилъ жену свою кроткій, хотя и ехидный Вассъ, одна только молнія. Разница въ томъ, что молнія останавливаетъ прежде всего именно кровь; кое-какія движенія еще будутъ; если человѣкъ стоялъ — онъ упадетъ. Здѣсь было иначе, на оборотъ.

Тѣнь какая-то прошла по мысли Надриковой и чорный флеръ заволокъ, подернулъ собою весь внѣшній міръ и весь внутренній міръ ея!

Помнилось ей сквозь флеръ только одно, ближайшее по времени дѣйствіе, — это письмо ея, чернила на которомъ едва только подсыхали. И письмо это, и конвертъ съ адресомъ лежали тутъ-же, открытыми, передъ глазами Васса, и, даже, назначались ему.

Сознаніе безпомощнаго, постыднаго, жалобнаго униженія, сказалось въ Надриковой первымъ; для злобы и обиды не было ни мѣста, ни почвы. Вторымъ заговорилъ въ ней страхъ...

Вассъ наклонился было къ столику съ вопросомъ:

— Кому это ты пишешь?

Быстро, рѣзко, даже некрасиво рѣзко, прикрыла Анна Ѳедоровна одною рукою письмо, другою — конвертъ.

— Я не хочу, чтобы ты видѣлъ! Не хочу! Не хочу! проговорила она чуть не сквозь слезы и сердце ея заби-

лось сильно, сильно, будто страдало оно аневризмомъ, и если бы Вассъ захотѣлъ снять руки жены своей съ обоихъ прикрытыхъ ими предметовъ, она бы вступила съ нимъ въ отчаянное единоборство, она бы бросилась на колѣна умолять, она-бы залилась слезами...

Но ехидство Васса не шло такъ далеко. Онъ покачалъ головою и, отойдя отъ столика, сѣлъ на стулъ.

Недоброе чувство шевельнулось въ немъ. Воспоминаніе о Викентіѣ... Онъ ошибся въ имени, но не ошибся въ содержаніи письма.

— А какое у насъ сегодня число? проговорилъ онъ совершенно неожиданно и какъ бы соображая что-то.

— Двадцать восьмое августа, быстро отвѣтила Надрикова; это было ей тѣмъ легче, что она думала именно объ этомъ недавно, желая проставить число въ письмѣ къ Лаврецову, и вопросъ Васса отводилъ разговоръ.

— Двадцать восьмое, проговорилъ Вассъ: день рожденія покойной матушки!

Если Надрикова, какъ мы только что сказали, залилась бы слезами въ случаѣ необходимости, слезы, фактически, подступили къ горлу Васса и проложили себѣ дорогу и въ глаза его.

Онъ переживалъ тяжелую, скорбную минуту и память покойницы матери явилась тутъ какъ тутъ, помочь, разсѣять и облегчить его... Желанная и дорогая собесѣдница!...

Анна Өедоровна, тѣмъ временемъ, сложила письмо въ четверо, взяла конвертъ и спрятала ихъ въ свой розовый столикъ, подъ ключъ.

. . . .

Былъ маскарадъ въ дворянскомъ собраніи, съ благотворительною цѣлью и лотерееею аллегри, первый въ наступившей зимѣ. Надрикова рѣшилась ѣздить въ маскарады постоянно. На этотъ разъ, совершенно случайно, были тутъ и Лаврецовы, мужъ и жена. Варя продавала билеты у одного изъ колесъ.

Всякій разъ, отправляясь въ маскарадъ, Анна Ѳедоровна клала въ карманъ, на случай встрѣчи съ Лаврецовымъ, письмо. Конвертъ былъ тотъ-же, который она прикрыла рукою отъ Васса, но письмо было вложено другое: въ немъ покоилось посланіе Геннадія Ивановича къ ней.

Это былъ маленькій бумажный мертвецъ, котораго она таскала съ собою для возвращенія по принадлежности. Мертвецъ этотъ постоянно покоился то въ столикѣ, то въ карманѣ Анны Ѳедоровны и былъ душистымъ, благоуханнымъ, щедро оплаканнымъ мертвецомъ.

Онъ ждалъ одного только: памятника, и таковой довелось воздвигнуть ему въ тотъ именно маскарадъ дворянскаго собранія, на который явились и Лаврецовы, и Надриковы.

Анна Ѳедоровна была роскошна въ своемъ домино. На нее невольно оглядывались. Само собою разумѣется, что она никогда не входила въ залу подъ руку съ Вассомъ.

Завидѣвъ Варю, исполнявшую роль продавщицы у колеса, она не могла не остановиться передъ нею и не осмотрѣть ее. Она стояла долго, такъ долго, что Варя, занятая своимъ дѣломъ, даже обратила на нее вниманіе.

Любопытному и догадливому читателю предлагаемъ мы узнать: кто такая описанная нами Надрикова? Ее можно встрѣтить очень часто. Она красива и бросается въ глаза, и ищетъ...

Мы имѣемъ основаніе сообщить, что, съ весьма недавняго времени, нашъ знакомецъ Макалинскій старается, почему-то, найти возможность войти къ нимъ въ домъ. Это ему, вѣроятно, удастся. Какая у него при этомъ цѣль — неизвѣстно. Вѣрно только то, что желаетъ онъ этого не для денежнаго дѣла — Вассъ Оровичъ человѣкъ достаточный и разсчетливый,—и не для себя, конечно, потому что тѣмъ, чего, или, лучше, кого ищетъ Надрикова, онъ ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ....

Прогонитъ она его или нѣтъ?

Замѣтимъ еще, что все описанное нами прошло для Анны Θедоровны не безслѣдно, и два-три сѣдыхъ волоска, пріютившіеся въ роскошныхъ, темныхъ волосахъ ея молодой и привлекательной головки, составляютъ своего рода тихое преданье едва минувшихъ дней, сложенное жизнью и повѣданное нами въ одномъ только отрывкѣ его!

